ISSN № 0130-7045

НАУКА И РЕЛИГИЯ

8 • 1979

В дни праздников ашхабадцы приходят к памятнику В. И. Ленину.

Памятник советским воинам, погибшим в Великой Отечественной войне, г. Мары.

Работницы Ашхабадской ковровой фабрики О. Дурдыназарова, А. Бердиева, О. Аннамамедова, Х. Захарова, Н. Бердыева (слева направо) в Туркменском государственном музее изобразительных искусств у ковра-гиганта — 10×18 метров, изготовленного мастерицами их предприятия.

Фото В. Великжанина, К. Назарова и К. Мурадова (Фотохроника ТАСС).

В одном из залов Туркменской государственной библиотеки имени Карла Маркса.

Самодеятельный ансамбль «Гунеш» («Солнышко») Ашхабадского педагогического училища по традиции во время праздников выступает на улицах туркменской столицы.

НАША ОБЛОЖКА

Туркмения — древний край, и туристы, которых сюда приезжает с каждым годом все больше, восторгаются памятниками прошлых веков, волшебными орнаментами старинных минаретов, куполами мавзолеев, сохранившими с давних времен чистый цвет бирюзовой глазури, причудливыми очертаниями древних сооружений или изяществом керамических сосудов, сделанных 200 и 300 лет назад, тяжелыми серебряными украшениями с традиционным сердоликом, которым тоже немало лет... Вся эта седая древность и впрямь достойна восхищения. Но черты новой Туркмении, чья история насчитывает лишь несколько десятилетий, приметы богатой и разнообразной духовной жизни современных туркмен — детей и внуков бывших кочевников — восхищают неизмеримо больше. Восхищают еще и потому, что являют собой удивительный контраст с недалеким прошлым этого края.

Массовые библиотеки с миллионными фондами, где книги туркменских писателей стали в ряд с произведениями мировой классики, — и почти полная неграмотность народа еще в конце 20-х годов. Яркая, жизнерадостная живопись и скульптура туркменских художников, воспевающая человека и получившая признание во всей стране, картинные галереи в колхозах — и строгий запрет религии, не позволяющей мусульманину изображать людей и их жизнь, запрет, навсегда ушедший для туркмен в прошлое вместе с безраздельной властью ислама над их духовным миром. Торжественные, радостные гражданские и семейные праздники и обряды, сохраняющие подлинно национальные черты и обогащенные новыми, советскими традициями, славящие силу и красоту человеческого духа, — и религиозные праздники и обряды, еще недавно пронизывавшие быт туркмен, всем содержанием своим внушавшие: человек — прах, игрушка в руках всевышнего.

Ряд таких контрастов можно продолжить. Но все дальше отодвигается то темное и печальное, что было прежде в жизни народа, дальше и во времени, и в сознании людей. Бережно храня все лучшее, истинно прогрессивное из своей прошлой истории, туркменский народ сегодня, в обществе развитого социализма, в содружестве советских наций сознательно и целеустремленно творит свою новую историю. Она запечатлевается в современных замечательных революционных, боевых, трудовых, интернациональных, культурных традициях, в его духовном мире.

На второй странице обложки фотографии, иллюстрирующие жизнь современной Туркмении.

Нынешняя Москва, особенно в ясные вечерние часы с высоты полета современных авиалайнеров, представляется некой звездной россыпью, земной, рукотворной галактикой. И каждому из нас с детства известно, что неизменным — на протяжении веков — центром этого своеобразнейшего мира был невысокий холм на левом берегу Москвы-реки — Боровицкий, или Кремлевский... Если представить себе на мгновенье, что фантастическая «машина времени» перенесла нас на пять веков назад, в август невообразимо далекого 1479 года, то взору нашему открылась бы волнующая панорама: над хаотическим скоплением приземистых и почерневших бревенчатых строений высится видимый со всех сторон на много верст вокруг, только что освященный белокаменный собор, увенчанный плотно сдвинутыми, как в боевом строю, богатырскими шеломами-куполами. Успенский собор Московского Кремля — один из самых замечательных архитектурных памятников Руси по своим художественным достоинствам и один из самых значительных и интересных — по своему «участию» в событиях далекого прошлого. Его истории посвящен в номере очерк А. Шамаро.

На третьей странице обложки — внешний вид собора и его схематический разрез.

НАУКА И РЕЛИГИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОРДЕНА ЛЕНИНА ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Год издания двадцатый

Художественный редактор С. Н. Мартемьянова.
Технический редактор С. В. Сегаль.
Корректор Р. Ю. Грошева.
Макет М. А. Кучиной.

ЦНЫ
НАЛЬ
ЯЛИ

РОЖДЕНО ВРЕМЕНЕМ

Н. БАЙРАМСАХАТОВ,
заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК Компартии Туркменистана

Торжественное вручение паспортов стало традицией.

Концерт на празднике урожая.

Молодожены по традиции приходят в день свадьбы к Вечному огню.

Комсомольские билеты вручаются у памятника герою войны.

Изменения, которые произошли в положении и характере мусульманской религии в нашей стране, известны. Ислам не играет прежней роли в общественной жизни, ушел из сферы труда, не определяет он сегодня и всего многообразия отношений между людьми. Новое общественное бытие, рост образования и культуры народа, рост материального благосостояния, преобразование быта, внедрение техники в производство — все эти и другие результаты претворения в жизнь наших пятилетних планов социального и экономического развития лишили религию ее прежней силы. Однако в сфере быта, семейных отношений ислам еще не утратил всех своих позиций. Сегодня у нас в республике, в основном в сельской местности, еще выполняются религиозные обряды, которыми издавна отмечались рождение ребенка, бракосочетание, смерть близких и другие события. Соблюдаются многими и большие религиозные праздники. В мечети в день курбан-байрама, например, приходит в десятки раз больше человек, чем в обычные пятницы.

Конечно, главная причина живучести религиозных обрядов и праздников — сила традиции. Быт, как известно, труднее других сторон жизни поддается перестройке, не столь открыт влиянию общества. Однако в наши дни, когда меняются и условия жизни, и традиционные отношения в семьях, в быту, на первый план выступает иная причина. Нередко в религиозной обрядности верующий находит пока единственное торжественное, эмоционально насыщенное оформление значительных событий своей жизни, удовлетворяет свою естественную потребность в ярких, глубоких переживаниях и сопереживаниях. Мусульманский обряд вызывает у него привычное, ожидаемое чувство. Человек может и не быть убежденным верующим, но в силу этих причин обряд соблюдает.

Та же причина популярности, скажем, праздника курбан-байрам: потребность общения влечет людей в мечеть, где по традиции собираются односельчане. Видимо, в других формах эту эмоциональную потребность удовлетво-

рить не удается. Немалую роль здесь играют национальные чувства людей, хотя, конечно, искаженные, неверно направленные. Мусульманское духовенство настойчиво проповедует идею о том, что все религиозные обряды и праздники — необходимая часть национальной жизни, что они — национальная традиция.

Партийная организация нашей республики уделяет самое серьезное внимание этим проблемам. Здесь, как и во всем комплексе идейно - воспитательной работы, мы руководствуемся указанием постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» — открыто ставить на обсуждение актуальные вопросы нашей общественной жизни, не сглаживать, не обходить острые вопросы, не замалчивать недостатки и трудности, существующие в реальной жизни.

Как организовать атеистическую работу, чтобы она принесла ощутимые результаты?

Бесспорно, религиозным представлениям надо противопоставлять разумные доводы, убедительно показывающие их несостоятельность. Но чтобы верующий стал атеистом, мало полученной им суммы знаний. Они должны стать его убеждением, соединиться с чувством. Эмоциональные процессы затрагивают личность полнее, глубже, чем познавательные. До тех пор, пока эмоциональные воздействия не станут органической частью нашей атеистической работы, она будет малоэффективной. И если мы хотим активно противодействовать мусульманским обрядам, обычаям, ритуалам, мы должны найти средства, чтобы восполнить те эмоциональные и духовные потребности, которые пока восполняются ими. Сегодня главная задача атеистического воспитания у нас в республике заключается именно в этом.

В первую очередь таким средством являются новые, безрелигиозные обряды, обычаи и праздники, соответствующие советскому образу жизни, коммунистической морали. Можно сказать, что религиозные обряды вытесняются лишь постольку, поскольку приживаются, входят в быт людей обряды новые, безрелигиозные. Какими же они должны быть? Об этом сейчас много говорят, спорят. Но все сходятся в том, что эти новые обряды, должны прийтись по душе народу, только тогда они выполнят свою роль в формировании коммунистической морали, займут предназначенное им место в духовной жизни.

Новая обрядность часто рождается как бы сама по себе, вызванная к жизни изменившимися условиями. Однако надеяться лишь на этот объективный процесс нельзя. Инициатива общественных организаций, которые хорошо знают интересы, мысли, чаяния людей, может во многом способствовать более быстрому рождению и внедрению в быт новых обрядов. У нас в Туркмении немало делается в этой области. Комсомольско-молодежные свадьбы, встречи девушек, съезды старейшин, семейные вечера, чествование ветеранов труда и многие другие новые обряды и традиции, противостоящие сегодня мусульманским обычаям, вошли в жизнь республики именно по инициативе общественных организаций.

В последнее время проблема новых обрядов и праздников занимает серьезное место в работе партийных организаций, так как жизнь показала и необходимость целенаправленной деятельности по их созданию, и большие возможности, открывающиеся здесь для комплексного решения вопросов коммунистического воспитания.

Три года назад ЦК Компартии Туркменистана принял постановление о дальнейшем улучшении работы по внедрению новых гражданских обрядов и традиций в республике. Оно определило задачи партийных, советских и других общественных организаций в этом вопросе. Постановлением был создан республиканский совет по внедрению в быт новых обрядов во главе с заместителем председателя Совета Министров республики. Созданы такие советы и в областях. Наш опыт еще и еще раз убеждает, что совсем непросто сделать новые праздники, обычаи, обряды органической частью быта. Без должной организации дела обойтись нельзя, но и одними мероприятиями да распоряжениями тоже ничего не достигнешь. Этот процесс требует внимательного и тонкого подхода, совместной работы историков и этнографов, философов и психологов, журналистов и пропагандистов атеизма, участия творческой интеллигенции. Ибо здесь обязательно возникает проблема соотношения традиционного и современного, вопрос о содержании и форме, национальном и интернациональном, об устойчивости праздников и обрядов в быту, о путях эмоционального и эстетического воздействия на людей.

Сегодня мы можем сказать, что некоторые успехи в этой области у нас есть. Не обходится, конечно, и без ошибок, как в любом значительном начинании. Нет еще системы, часто не хватает этому делу должного теоретического и практического руководства. Хороший, умно организованный праздник, новый обряд обогащают духовную жизнь людей, помогают им отойти от старых реакционных традиций, но если это просто нечто формальное, казенное, — оно обречено на скорую гибель. Жизнь показала, что неумелые действия здесь не просто бесполезны, а приносят вред, дискредитируют саму идею новой обрядности.

Особо хочется остановиться на создании и внедрении нового свадебного обряда. В этом у нас есть достижения, но имеются и промахи. Работа эта очень актуальна в наших условиях. Она не только направлена против самого мусульманского обряда бракосочетания, но и противостоит таким освященным религией обычаям, как плата за невесту (калым), выдача замуж несовершеннолетних девушек, затворничество женщин, кайтарма[1], запрещение девушкам продолжать учебу.

Новая свадьба наносит серьезный удар по этим пережиткам. Сама торжественная регистрация брака, когда представитель власти и общественность обращаются одновременно и к невесте и к жениху, подчеркивает равноправие молодоженов. Невеста сидит за столом вместе со своим избранником в кругу подруг, танцует, поет, веселится. А старые обычаи запрещали и ей и всем

---

[1] Обычай, по которому родители могут забрать дочь у мужа, если сочтут, что калым был недостаточным.

женщинам даже появляться в мужском обществе. Здесь же за свадебным столом сидят родители невесты, которым прежде нельзя было присутствовать на этом торжестве в доме жениха. Сегодня свадьбы по старому обычаю становятся часто невозможными и потому, что в брак вступают люди разных национальностей: туркменка выходит за русского, украинца, белоруса, туркмен женится на представительнице другого народа, у которого иные обычаи. По статистике, в среднем более одной трети браков в нашей республике — смешанные. Теперь даже старики редко выступают против межнациональных браков.

В новом свадебном обряде проявляется заинтересованность нашего общества в хорошей, дружной семье. Стало уже традицией, например, что о молодоженах заботится коллектив, в котором они учатся или работают.

Можно спорить о красоте и выразительности тех или иных сторон свадебной церемонии — процесс формирования обряда, как я уже говорил, еще не закончен. Однако нельзя не видеть, что туркменская свадьба освобождается от пережитков старых обычаев и быта. Отрадно, что исчезают обряды, унижающие невесту, подчеркивающие ее бесправное положение, отрадно, что сокращается обряд «никах» — освящение брака муллой. Не хотелось бы только, чтобы из туркменской свадьбы ушло то хорошее, самобытное, что в ней было прежде, например народные игры и состязания — обычай, созданный народом. В некоторых районах нашей республики на новых свадьбах вначале не было вовсе традиционных народных игр. И обряд получался бесцветным, скучным. А именно в этой стороне старой туркменской свадьбы ярко проявляются характерные черты жизни народа. Борьба «гореш», например, говорит о стремлении растить молодежь сильной, ловкой, храброй; «ат чапдармак» (скачки) — о традиции воспитывать ловких джигитов и выращивать быстроногих коней; «алтын габак атдырмак» (соревнование по стрельбе) напоминает о том, что у туркмен всегда ценился меткий глаз и твердая, верная рука; «багшы атдырмак» (состязание певцов) показывает любовь к музыке, к песне. Эти истинно народные традиции надо сохранять, обогащать, развивать. Они придают свадебному празднику специфические черты, национальную самобытность.

Создавая новую обрядность, будем помнить рекомендацию В. И. Ленина: «Красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно «старое». Почему нам нужно отворачиваться от истинно-прекрасного, отказываться от него, как от исходного пункта для дальнейшего развития, только на том основании, что оно «старо»?»[2]

И конечно, ни в коем случае нельзя создавать некий всесоюзный шаблон обряда, пусть он даже называется не шаблоном, а «единым ритуалом для всей страны», как пишут некоторые авторы. У каждого народа праздники и обряды, старые и новые, имеют особенности, отражающие присущие ему черты культуры, быта, психологического склада. С этим надо считаться, ибо то, что естественно для одного народа, не всегда так же воспринимается другим.

Многие прогрессивные традиции, обряды разных наций и народностей нашей страны часто становятся общесоветскими, интернациональными. Так, у туркмен раньше не было семейных праздников по случаю дней рождения детей — теперь они прочно вошли в быт. По примеру других народов, у нас теперь на свадьбах и торжественных вечерах из числа веселых и остроумных людей выбирается тамада — прежде туркменское застолье этого не знало. Вдумчиво относятся у нас к прогрессивным обычаям и обрядам других народов Советского Союза, это закономерное явление, характерное для всех национальностей страны.

К сожалению, бывает, что при внедрении новых праздников допускается простое их копирование, без учета истории и особенностей народного быта. Это наносит вред важному делу. Например, у русских с давних времен существует обычай, когда во время свадьбы под крики «горько» молодожены целуются. В Туркмении кое-где старались внедрить такой обычай. Мне вспоминается одна свадьба в поселке Тахта. После второго бокала гости стали кричать «горько», жених страшно смутился, невеста мучительно покраснела. Молодожены испытывали настоящие страдания. Ведь у восточных народов, в том числе и туркмен, публично целовать девушку всегда считалось в высшей степени неприличным. Да и какая в этом необходимость? Разве от этого станет свадьба «новой»? Попытка внедрить этот обычай в наш сельский быт не увенчалась успехом. Будучи комсомольским работником, я встречался с молодыми людьми, которые отвергали предложение об организации комсомольско-молодежной свадьбы только из страха, что их заставят при родителях, старших родственниках и чужих людях целоваться...

Встречается еще в этом деле и другая крайность — когда к нему подходят бездумно, формально. При этом получается, что свадьбу называют новой, а, по сути, в ней живут прежние обычаи, пережитки. Так, в Теджене в 1976 году прошла «новая комсомольская» свадьба — без участия в ней невесты, которую изолировали от участников торжества, как это полагается по старому туркменскому обряду. Иногда случалось, что мулла совершал «никах», а потом уж начиналась «комсомольская» свадьба. А бывает, «новая» свадьба до того скучна, что следующие молодожены стараются ее избежать, потому что в ней за всей ее торжественностью проглядывает мероприятие, нет ощущения праздника, нет эмоционального воздействия — а без этого новый обряд не выживет.

Жаль, что новые свадьбы, названные так потому, что проходят без устаревших обрядов, освященных исламом, кое-где проводятся с большими расходами, излишествами: сотни гостей, десятки автомашин, груды подарков, много шума. Такие обряды, мещанские по своему духу, чужды нам, и они, конечно, никак не смогут противостоять религиозно-бытовым пережиткам, а скорее всего сомкнутся с ними, как оно подчас и случается. Вокруг таких свадеб у нас в республике организуется отрицательное общественное мнение: к оценке их

---

[2] Сб.: «В. И. Ленин о литературе и искусстве». М., 1960, стр. 660.

привлекается совет старейшин; газеты публикуют высказывания уважаемых людей, об этом говорят по радио. А телевидение для примера показывает истинно новые народные свадьбы — сдержанные, как подобает семейному празднику, эмоционально-торжественные, красивые благодаря национальному колориту.

Серьезная проблема для нашей республики — создание гражданского похоронного ритуала, соответствующего трагичности события и учитывающего особенности традиций, сложившихся у туркмен. Пока что мы мало задумывались над этим. Считалось, что мусульманский обряд похорон постепенно будет вытеснен, уйдет из быта. Но, оказывается, уходит медленно, держится еще крепко. В большинстве случаев умерших у нас до сих пор хоронят по религиозному обряду, даже если они в бога не верили. Можно сказать, что сегодня мусульманское духовенство основную ставку делает на обряды, связанные с погребением умерших и памятью о них.

В исламе, как и в других религиях, способы эмоционального воздействия на людей разработаны со всей тщательностью, со знанием человеческой психологии, каждая деталь обряда, мельчайшая подробность имеет свой смысл. Мусульманский похоронный обряд производит большое впечатление на людей, потрясенных смертью близкого. И не нужно быть пророком, чтобы утверждать: такой обряд будет существовать до тех пор, пока не появится новый, который будет воздействовать на людей сильнее, чем религиозный.

В некоторых районах нашей страны уже созданы элементы такого нового траурного обряда, хотя он еще полностью не сложился: траурный митинг, прощальное слово товарищей по работе, близких, родных, музыка, хор, возложение венков. Сейчас некоторые из них используются и у нас, но в основном в городских условиях. На селе же это происходит в очень редких случаях.

Мы ищем, какими путями здесь идти. Несколько лет назад, когда умер Герой Социалистического Труда Курбандурды Атамурадов из колхоза «Красный Октябрь» Туркмен-Калининского района, комиссия, созданная для его похорон, не без труда убедила родственников, что в ритуал необходимо включить хотя бы прощание людей с умершим во Дворце культуры. В почетном карауле стояли пионеры, товарищи по работе, односельчане. У могилы прошел митинг.

Изменение обряда — дело чрезвычайно сложное, требующее особо вдумчивого подхода. Вот как, например, впервые у туркмен было произнесено слово прощания над гробом. Это произошло в 1967 году на похоронах певца Берды Овезмуратова. Кули Аннамурадов — председатель совета старейшин колхоза «Тазаёл» Байрам-Алийского района, сосед покойного, хорошо знал народный обычай, состоящий в том, что после похорон один из старейших обращался к людям с вопросом: «Каким был в жизни покойный?», а те хором отвечали: «Он был хорошим человеком». Этот ритуал состоялся и при похоронах Овезмуратова, но Аннамурадов использовал этот момент для того, чтобы сказать подробнее об умершем соседе и друге.

— Дорогие односельчане, — сказал тогда Кули-ага, — вы правильно говорите, Берды был замечательным человеком. Он был певец, мы слушали его с замиранием сердца, с большим удовольствием. Берды был простой человек, отличный товарищ. Дорогой друг Берды, односельчане, которым посвящал ты свои самые хорошие песни, тебя не забудут.

Никто не осудил председателя совета старейшин за его речь. Но чтобы поступить так, ему пришлось много подумать, познакомиться с новыми похоронными обрядами, возникшими в других республиках, а главное, связать непривычную для односельчан надгробную речь с общим строем похоронного обряда у туркмен. Когда был сделан этот первый шаг, совет старейшин стал смелее организовывать прощальные речи при похоронах. Этот опыт стали использовать и в других колхозах Байрам-Алийского района, а затем и во всей области. Но нельзя сказать, что траурные митинги уже стали традицией, они бывают все чаще, но соперничать с мусульманским обрядом всерьез еще не могут.

Обряд может соперничать с религиозным, если его форма и содержание отражают главные черты нашей жизни и оказывают на его участников эмоциональное воздействие. Таких обрядов в быту сельского населения республики становится все больше. Взять, например, уже упоминавшееся семейное торжество по случаю дня рождения ребенка. Это совершенно новый у нас праздник. Раньше рождение девочки не было радостным событием. Напротив, согласно бытовой морали, освященной исламом, его считали несчастьем. Сейчас появление на свет нового человека — праздник в доме туркмена, независимо от того, кто родился — девочка или мальчик. В некоторых районах республики в день рождения ребенка по местному радио зачитывают поздравления родителям от общественных организаций, правления колхоза или дирекции совхоза, преподносятся подарки, всем миром выбирают имя новорожденному.

Выбор имени имеет особое значение. У туркмен многие имена были связаны с именем Аллаха, с религиозными праздниками и постами: Аллакули, Худайкули (раб божий), Ишанкули (раб ишана), Ишанберды (дал ишан) и другие. Были имена, которые унижали женщин, подчеркивали их неравноправие, например Гызсоны (хватит девочек). Сейчас, когда в наречении имен участвует общественность, явно религиозные имена детям не даются. Теперь самые частые у туркмен — Батыр, Мердан, Алтын, Гозель, Гульшат, Джемал... Издательство «Туркменистан» выпустило брошюру Ш. Аннаклычева «Наречение имен у туркмен», в которой дается список красивых имен — как туркменских, так и иных.

В последние годы у нас стали традицией торжественные проводы в армию, на пенсию, празднование юбилея колхозных ветеранов, вручение паспортов, посвящение в колхозники, семейные вечера и т. д.

Юбилей колхозника отмечается обычно тогда, когда ему исполняется 60, 65 или 70 лет. Собираются его товарищи. На Востоке умеют хорошо сказать о человеке, если он заслужил добрые слова, вспомнят все хорошее, что сделал ветеран для колхоза, для людей. Ему дарят букеты цветов и что-нибудь на память. В честь юбиляра устраивают концерт. После этого выражают надежду,

что у него будут силы и желание и дальше трудиться. Такие праздники стали обычаем во всей стране, но в районах, где распространен ислам, они имеют особый смысл. Они весомо противостоят религиозному юбилею (акгоюн бермек), который отмечается в 63 года — именно в этом возрасте умер пророк Мухаммед. По мусульманским канонам, после такого рубежа человек должен оставить суету и думать о мире ином, проводить время в молитвах. Но сегодня даже верующим старикам по душе юбилей светский, конечно если его проводят с любовью, не формально.

Особое значение в преодолении религиозных обычаев имеют и семейные вечера. Люди собираются несколькими семьями и идут в гости. Так удовлетворяется одна из насущных потребностей человека — в общении с соседями, односельчанами, с группами сверстников. Та самая потребность, которая часто толкает людей к мечети, к святым местам. Но когда она удовлетворяется, скажем, на семейных вечерах, многим нет нужды идти в мечеть...

Эти вечера помогают еще и в другом деле. Не секрет, что и в наши дни иные сельские жители, придерживаясь старых взглядов и традиций, не появляются на людях с женами — ни в гостях, ни в кино, ни в других общественных местах. А на семейные вечера заведено приходить с женами. Женщина получает возможность быть в компании своих товарищей по труду и вне рабочего времени, принимать участие в общих разговорах. У мужчины происходят изменения во взглядах и поведении: после того как одиндва раза побывает на семейных вечерах с женой, он уже не постесняется пойти с ней вместе на собрание, на свадьбу, на праздник, в кино и т. д. Так постепенно проведение досуга вместе с женой становится привычным, а это изменяет и традиционное отношение мужа к жене и к женщинам вообще.

В последние годы в сельском быту республики утверждается немало других праздников, обрядов, обычаев, которые, хотя и не противостоят конкретно какому-то религиозному празднику, всем своим содержанием, своим духом способствуют вытеснению религиозной идеологии, противостоят образу жизни, диктуемому исламом.

Большое изменение претерпел обычай «евар» — совместная работа, коллективная помощь всех одному. Раньше весь род убирал урожай одного из его членов, помогал при постройке дома, проведении свадьбы, ткании ковров, валянии кошм и т. д. Сообща велась прокладка дорог, рытье оросительных каналов, колодцев, любое крупное строительство. По шариату, все сделанное при еваре считалось общим достоянием. Водой из одного и и того же канала поливали свои земли и баи, и бедные дайхане, по одной и той же дороге ездили богатые и бедные. Но надо ли разъяснять, сколько воды требовалось на байские земли, которые, кстати, обычно лежали в верховьях канала. Бывало, что на земельные клочки бедняков воды не хватало. Хороший обычай использовался феодалами в своих интересах. Скажем, в еваре по уборке урожая богачам вряд ли приходилось гнуть спины на ничтожных по площади полях бедняков.

В наши дни евар утратил прежний классовый характер, новое его содержание соответствует условиям нашей жизни. Во многих колхозах Кара-Калинского, Байрам-Алийского, Куня-Ургенчского районов сооружают жилые дома с помощью евара. Значение этого обычая не ограничивается тем, что он дает возможность быстро и дешево (его участники работают, конечно, бесплатно) строить, он воспитывает сельских жителей в духе дружбы и коллективизма.

Получают в последние годы на селе все более широкое распространение праздники, посвященные труду. Праздник урожая — «харман тойы» проводился и в прежние времена, однако сейчас он приобрел совсем другой смысл.

В прошлом харман тойы не мог вызывать удовлетворение у бедняков и батраков, вручную убиравших урожай с полей баев, мулл и ишанов. Конечно, люди радовались окончанию тяжелой, изнурительной работы, однако многие бедняки, отдававшие значительную часть своего урожая феодалам — за разные долги, муллам — во имя Аллаха, по существу, не отмечали харман тойы. Чему было радоваться, если дайхане знали, что запасов не хватит до следующего урожая? Теперь этот праздник — всеобщий, в нем участвуют все члены колхоза или совхоза. Он устраивается по-разному — как люди хотят, но всюду он славит тружеников, в нем воплотились лучшие черты советской действительности. Сельские труженики переживают общее чувство радости и гордости за свои дела. Уверенность в своем материальном благополучии, вера в свои силы и в будущее — все это делает праздник урожая всеобщим, ярким, эмоциональным.

В традицию вошел у нас и день чабана. Он проводится в райцентрах, в отдельных колхозах или в чабанских кошах. До революции туркменские пастухи были очень бедны, никто о них не беспокоился, не заботился, они и думать не могли о каких-то торжествах в честь своего труда. Сегодня чабаны в республике — уважаемые люди, посвященный им праздник имеет большое воспитательное значение.

Все новые праздники, обряды, обычаи играют огромную роль в становлении коммунистического быта, образа жизни, в котором не должно быть места религиозной идеологии. При организации каждого такого праздника или обряда мы заботимся и о том, чтобы он был не только интересным, веселым, но и имел определенный мировоззренческий смысл, стремимся найти правильное соотношение между серьезным и развлекательным, облечь идею происходящего в яркую, оригинальную форму.

Пример нашей республики убедительно подтверждает, что все советские праздники и обряды играют огромную роль в атеистическом воспитании — помогают создавать такую духовную атмосферу в жизни людей, в которой религии не находится места, они удовлетворяют потребность человека в коллективных переживаниях, в эмоциональном оформлении различных событий жизни — личных и общественных.

●

УТВЕРЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Уроки нравственного прозрения

Л. АЙЗЕРМАН

1

На уроке в десятом классе шел разговор о романе Голдинга «Повелитель мух». В нем рассказывается о том, как английские дети после аварии самолета одни, без взрослых, оказались на необитаемом острове. Постепенно ребята дичают, верх одерживают слепые, животные инстинкты. Благопристойные английские мальчики, еще вчера певшие в церковном хоре, становятся разрушителями; цивилизованные дети, воспитанные в традициях разума и добра, превращаются в дикарей.

Обсуждение романа вызвало у десятиклассников целый ряд вопросов:

— Что является первоначальной сущностью человека, что заложено в него природой? Жестокость — врожденное свойство каждого человека или оно приобретено в общении с окружающим миром? Всасываются ли милосердие и любовь к людям с молоком матери, передаются ли по наследству?

Согласно христианскому вероучению, существует «первородный грех», тяготеющий над всем человечеством с тех пор, как Адам и Ева ослушались бога и вкусили плодов с древа познания, после чего и были изгнаны из Эдемского сада. Так христианская религия объясняет происхождение зла на земле, так обосновывает изначальную греховность рода человеческого и склонность к греху каждого человека как такового.

«Первородный грех» — одно из краеугольных понятий христианской догматики. И хотя эта догма, по сути, компрометирует религию, представляя бога не как «вселюбящего отца», а как жестокого и мстительного деспота, церковь тем не менее держится за нее, так как именно эта догма служит традиционным аргументом для оправдания всяческого зла в человеческом обществе. Тяготы на земле «никогда не прекратятся,— говорилось в энциклике папы римского Льва XIII «Рерум новарум» (1891 г.),— так как дурные последствия греха всей тяжестью всегда будут давить на человека до последнего его воздыхания». 40 лет спустя в энциклике «Квадрагезимо анно» папа Пий XI повторил то же самое: «Вследствие первородного греха первоначальная чудесная гармония человеческого устройства была расстроена, человек легко поддался своим беспорядочным склонностям и предпочел непрочные блага этого мира длительным благам небесным». В решениях II Ватиканского собора утверждается: человечество отягощено «первородным грехом».

Говоря об изначальной и непреодолимой греховности человека, теологи ссылаются на библейские тексты. Но и те буржуазные идеологи, которые оперируют не только библейскими текстами, а и «научными» положениями, стоят на той же позиции. «За последние годы,— пишет американская журналистка Джоун Марбл Кук в книге «В защиту homo sapiens», — писатели псевдоантропологического направления, проповедующие, что человек — это всего-навсего «голая обезьяна», охотник, захватывающий территорию, или «дитя Каина», завоевали прямо-таки поразительную популярность. Их книги написаны живым языком, сдобрены пикантными интимными подробностями и намеками на то, что в недрах нашей души таится зло, и мы проглатываем все это некритически, внутренне содрогаясь от зрелища столь глубокого принижения нашей природы».

Взгляд на человека как на существо эгоистическое и жестокое по самой своей природе получил широкое распространение в художественной литературе Запада. Именно в этом символ веры литературы модернизма. «В основе модернистского образа антигероя... лежит мысль о том, что «от природы» человек зол, жесток, агрессивен, и цивилизация, как она ни пытается смягчить эти качества, только маскирует и затушевывает их, будучи бессильной изменить что-либо по существу. Концепция антигероя вобрала в себя самые разнообразные теории «об изначальном несовершенстве» природы человека, которые когда-либо выдвигались религией, философией, наукой» *.

Вот почему одна из излюбленных тем искусства модернизма — изображение торжества темного инстинкта над разумом, тьмы над светом, зверя над человеком. В какой-то мере эта мысль выражена и в романе Голдинга, о котором шла речь на уроке. Некоторые десятиклассники мне возражали:

— А разве классики русской литературы не показывали, что скотское порой одерживает верх над человеческим? Разве не пишут о случаях капитуляции человечности в человеке современные советские писатели?

Продолжаем публикацию статей учителя школы № 232 Москвы Л. С. Айзермана. Статьи этого цикла напечатаны в № 2, 3 и 4 за 1977 г., в № 4 и 8 за 1978 г. и в № 1 за 1979 г.

* «Литература США XX века. Опыт типологического исследования», М., 1978, стр. 530.

— Да,— отвечал я,— русские писатели изображали торжество скотского в человеке. Достаточно вспомнить фонвизинского Скотинина. Или чеховского Николая Ивановича Чимшу-Гималайского из рассказа «Крыжовник». Помните: «...Он сидит в постели, колени покрыты одеялом; постарел, располнел, обрюзг; щеки, нос и губы тянутся вперед,— того и гляди хрюкнет в одеяло».

Но русские классики всегда убедительно и ярко показывали, в силу каких причин происходит разрушение человеческой личности. Так, Чехов, исследуя в рассказе «Крыжовник» истоки свинства, раскрывает его как результат всепобеждающего чувства собственности. Для русских классиков скотское в человеке всегда являлось извращением человеческого начала. Ибо нормальное человеческое — подлинно человеческое. Именно в этом рассказе звучат известные слова: «Человеку нужны не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар; вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа».

В «Мертвых душах» предел падения человека — Плюшкин. Это уже не человек — «прореха на человечестве». И характерно, что в главе о нем, показывающей, до какой «ничтожности, мелочности, гадости мог низойти человек», звучат страстные слова писателя, обращенные к молодым: «Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточенное мужество, забирайте с собою все человеческие движения...»

В «свободном духе», «человеческих движениях» видели русские классики истинное предназначение человека. И во имя победы этих начал рисовали горькую картину человеческого оскудения, духовной деградации, нравственного умирания. Рисовали, веря в возможность возрождения, воскрешения, обновления человека. Как никто, изобразил бездны духовного падения, в которые может быть низвергнут человек, Достоевский. Но именно он, определяя свое нравственно-эстетическое кредо, записал: «При полном реализме найти в человеке человека».

2

О «свинцовых мерзостях дикой русской жизни», о жизни «тяжелой и позорной», о мерзостях, которые давят на человека, «расплющивая множество прекрасных душ», не раз писал М. Горький. Но он осознавал жизнь как процесс поступательного движения, развития, обновления, жизнетворчества. «Не только тем изумительна жизнь наша, — писал он в 1913 году, — что в ней так плодовит и жирен пласт всякой скотской дряни, но тем, что сквозь этот пласт все-таки победно прорастает яркое, здоровое и творческое, растет доброе — человечье, возбуждая несокрушимую надежду на возрождение наше к жизни светлой, человеческой».

На факультативных занятиях по литературе я предложил десятиклассникам для самостоятельного анализа рассказ М. Горького «Двадцать шесть и одна», один из любимых рассказов В. И. Ленина.

«Нас было двадцать шесть человек — двадцать шесть живых машин, запертых в сыром подвале... Мы вставали в пять часов утра, не успев выспаться, и — тупые, равнодушные—в шесть часов садились за стол делать крендели из теста». Жизнь двадцати шести однообразна. В ней каждый день повторяет вчерашний. В ней нет ничего святого. Работа не приносит никакого удовлетворения. «Мы ненавидели нашу работу острой ненавистью, мы никогда не ели того, что выходило из-под наших рук, предпочитая кренделям черный хлеб» .

Но человек не может жить, ни во что не веря, ничему не поклоняясь, в противном случае он мертв. Рабы всеми силами старались поверить, что они еще живы. Как ни бедны двадцать шесть, у них все же что-то есть. У них есть песня, «поют все двадцать шесть, громкие, давно спевшиеся голоса, наполняют мастерскую».

«Кроме песен, у нас было еще нечто хорошее, нечто любимое нами и, может быть, заменявшее нам солнце»: 16-летняя горничная Таня каждое утро приходила за кренделями, и они каждый день с нетерпением ждали ее прихода. Бескорыстная привязанность к Тане не позволяла двадцати шести окончательно утратить последнее человеческое, что у них оставалось. «Мы должны были любить Таню, ибо больше было некого нам любить». «Мы нашли себе это и любили, а то, что любим мы, двадцать шесть, должно быть незыблемо для каждого, как наша святыня».

«Они сотворили себе из Тани кумира, идола. И когда однажды в их подвале появился солдат, родилась эта безумная и в то же время законная мысль — «испробовать крепость» своего божка, попытаться узнать, «насколько чист и недоступен для грязи тот сосуд, в который мы вложили наше лучшее». «Нам казалось, что мы играем в какую-то игру с чертом, и ставка с нашей стороны — Таня». Им нужно было окончательно убедиться в непохожести предмета своего поклонения на других, им нужно было проверить его подлинную святость. Испытание, которое они придумали для нее, в первую очередь, было испытанием для них самих».

Приблизительно так написали все авторы сочинений. А вот дальше в своих размышлениях и выводах многие разошлись.

«Это рассказ о крушении идеала, о растоптанном добре, поруганной вере,— утверждает автор одного из сочинений. — Страшным разочарованием расплатились двадцать шесть за «пробу чистоты», оставшись «среди двора, в грязи, под дождем и серым небом без солнца». И они отомстили Тане, «ибо она ограбила» их, «мы на нее расходовали наше лучшее, и хотя это лучшее — крохи нищих, но нас — двадцать шесть, она — одна, и поэтому нет ей муки от нас, достойной вины ее!». В этом рассказе показано, как никому не желающие зла люди растаптывают свою единственную отраду, последнюю привязанность.

Совершенно по-другому раскрывается смысл рассказа в другой работе:

«Не сотвори себе кумира»... Тяжелая мудрость, освященная веками. Но нет и не может быть здесь победы тягостной правоты. Потому

что тяга к идеалу, желание любить и обожествлять любимое существо — это уже победа человека над всем темным и злым, что его окружает. Жажда общения, света, любви, добра бессмертна! Они любили ее — «этим все сказано». Так сотвори себе кумир!»

Преобладала же в сочинениях иная точка зрения:

«Почему Таня не устояла против солдата? Конечно, не из-за испорченности своей натуры. Она любила его. Горький пишет: «Глаза у нее сияли радостью и счастьем, а губы — улыбались».

«Они решили, что она их предала. Но это не так: ее чувство к солдату было честным и чистым».

«Действительно ли рассказ Горького пессимистичен? Действительно ли всегда добро попирается злом? Нет, ведь Таня нравственно победила, хотя и упала с божественного пьедестала».

«Поэма кончается банкротством «арестантов», они потеряли единственное и самое дорогое, что у них было, они потеряли веру, то последнее, что связывало их с жизнью. Но рассказ прекрасен своей верой в светлое начало, утверждением красоты человека. В его финале мы видим другую Таню, словно заново рожденную, гордую своей великой радостью, преображенную».

«С одной стороны, прекрасно, что в душах людей, подавленных тяжестью труда, сохранилось живое, человеческое чувство, а с другой... Двадцать шесть — рабы. Из Тани они делают идола, а сами уподобляются язычникам, поклоняющимся ему. Именно поэтому падение их «божка» заранее обусловлено: он рухнул, когда они его решили проверить на прочность. «Мы... выскочили на двор и засвистали, заорали на нее злобно, громко, дико». Двадцать шесть человек уподобились зверям («мы ревели, рычали»), униженные, они унижали Таню, понимая, что ушел из жизни пока единственный луч света. Тогда-то Таня и оказалась выше двадцати шести. В финале — предчувствие настоящих идеалов, настоящей жизни».

Крушение идола, а не крушение идеалов — вот что увидели в рассказе большинство десятиклассников. «Двадцати шести захотелось проверить крепость своего божка, сыграть в игру, где ставкой служит человеческая душа. Тогда к ним приходит справедливое возмездие... Они ошиблись, когда наделяли ее выдуманными добродетелями, и они ошиблись еще больше, когда не заметили ее действительной добродетели: проснувшейся гордости». Вот о чем этот рассказ — о неистребимости человеческого в человеке. «Вдруг глаза ее сверкнули... И она пошла прямо на нас, так просто пошла, как будто нас и не было перед ней... И — ушла, прямая, красивая, гордая».

Не бездумную, облегченную, благодушную веру в человека несет гуманистическое искусство, а веру, основанную на знании, а потому и нелегкую, и суровую, и часто — трагическую. Характерна в этом смысле повесть Василя Быкова «Сотников» и фильм Ларисы Шепитько «Восхождение» — по этому произведению.

Обсуждая его в классе, мы говорили о том, что размышление о возможностях человеческого духа, которое проходит через повесть Быкова, в фильме усилено. Эпизодический в повести образ предателя Портнова выходит здесь на одно из главных мест. Экранный Портнов — не просто предатель, трусливо переметнувшийся к захватчикам. Он «философски», «теоретически» оправдывает предательство как неизбежность человеческого поведения. Ему важно, чтобы Сотников выдал своих не только для того, чтобы получить нужные сведения, но и чтобы убедиться: его «философия» не знает исключений. Вот почему он так старается доказать Сотникову, что человек ничтожен и жалок. Однако судьба героев фильма — Сотникова, старосты Демчихи, девочки Баси — страстно опровергает такой взгляд на человека и человечество.

«Почему фильм называется «Восхождение», а не «Сотников», как называлась повесть? — спросили режиссера. — Вы имели в виду восхождение на Голгофу? Великую жертвенность или великую духовность?» «Именно духовность, — ответила Лариса Шепитько. — Кристаллизация в каждом человеке духовного начала — это то, ради чего создавался фильм. Восхождение не куда-то, а к самому себе. К лучшему, что есть в нас, что делает нас людьми. В минуты высших испытаний мы либо уничтожаем в себе человека, либо возносимся до его высот. Сотников вознесся. Рыбак хоть и остался жить, но уничтожил в себе себя».

Фильм «Восхождение» беспощаден. Он не льстит человеку. «В каждом из нас, — говорит Лариса Шепитько в той же беседе, — живет и Рыбак и Сотников». И это очень важно: видеть в себе все то, что мешает восхождению к себе как к человеку, к лучшему в себе, видеть и то худшее, что есть в нас. И вместе с тем знать: восхождение к высотам человеческого духа возможно.

Истинно гуманистическое искусство всегда выступало против утверждения фатальной предопределенности и неустранимости зла, против роковой безысходности жизни. Изучая литературу в школе, мы обязаны донести до учеников выстраданную ею веру в человека, человечество. Ибо без этой веры не может быть и речи ни о воспитании, ни о самовоспитании.

«Если ребенок потерял веру в человека или совсем не знал ее, — писал В. А. Сухомлинский,— в его душе происходит надлом, а нередко и трагедия. Он перестает верить в правду, истину, и становится или озлобленным, ожёсточенным, или же безвольным и лицемерным, двуличным и лживым — какими бы пороками ни взошли семена безверия, человек становится нравственно толстокожим, этические ценности для него не существуют».

Размышляя над этими вопросами на уроках литературы, учащиеся не только более глубоко и детально знакомятся с произведениями русской, советской и зарубежной классики, но и убеждаются в том, что человеческое в человеке неизменно побеждает, оно выше и сильнее низменных и злых чувств.

Центральная улица Новокубанки.

...На целину мы шли не налегке, не затем, чтобы «урвать» ее богатства, снять сливки с ее плодородия и уйти восвояси, а шли на долгие годы.

Л. И. Брежнев. ЦЕЛИНА.

ГЛУБОКИЕ КОРНИ

Г. ИВАНОВА, В. ЗЫБКОВЕЦ,
специальные корреспонденты
журнала «Наука и религия»

По улицам Целинограда мела пурга. Заснеженные вихри плотного, густого ветра стремительно проносились по улицам и, вырвавшись на степной простор, разворачивались во всю свою ошеломляющую мощь. Память невольно выхватывала знаменитое пушкинское «Беда, барин... Буран!».

Буран в степи — действительно беда, особенно если настигнет вдали от жилья. В такие дни вымирают аэропорты, сиротливо стынут в парках междугородные и сельские автобусы, с трудом пробивают путь поездам мощные железнодорожные снегоочистители. Не только тропы и тропинки — километры расчищенных автомагистралей исчезают под снежными заносами, словно и не было их вовсе.

Пурга мела несколько дней, и, казалось, не будет ей конца, но в одно воистину прекрасное утро в окна гостиницы ударило яркое, веселое солнце. Погода установилась, дороги наладились — и вскоре у подъезда гостиницы остановился «газик», присланный парткомом колхоза «18 лет Казахстана». Водитель Эдуард Иванович, пожилой, словоохотливый, всех и все знающий в округе, начал вводить нас в местную жизнь с первых же минут знакомства. Однако, несмотря на говорливость, которая нас поначалу даже несколько смутила — столько разнообразной информации выдавал он, не отрывая рук от баранки, а сосредоточенного взгляда от обледенелого шоссе, — он оказался склонным к юмору и доброй шутке, весьма обстоятельным человеком, которому до всего есть дело.

Продолжение. Начало см. в № 7.

За разговорами мы и не заметили, как въехали в село Новокубанка Шортандинского района — центральную усадьбу колхоза «18 лет Казахстана»...

ВО ИМЯ ЧЕЛОВЕКА

Широкие улицы отделены палисадниками от аккуратных белых домиков на одну или две семьи, вдоль пешеходных дорожек — фонари. За домами — дворы с хозяйственными постройками, приусадебные участки. Центральная улица упирается в прекрасное здание Дворца культуры со спортивным комплексом и плавательным бассейном. Неподалеку — средняя школа, торговый центр, детская библиотека. Чуть в стороне — ремонтные мастерские, мельница, животноводческий городок — коровники, свинарники, конюшня.

Когда мы ехали сюда, нам казалось, что зима у хлеборобов — время отдыха и нам смогут уделить больше внимания, не отрываясь от важных дел.

— Ну, нет, — улыбнулся председатель колхоза Анатолий Игнатьевич Подольский, — гостям мы в любую пору рады, только летом проще. Заботы, конечно, большие, но сконцентрированы вокруг главного. Сев или уборку при помощи современной техники заканчиваем за несколько очень напряженных дней. А зимой обычно наваливается множество мелких, но каждодневных дел: зимовка скота, снегозадержание, ремонт техники — всего не перечислишь.

Еще в двадцатые годы здесь появились первые сельскохозяйственные коммуны. Когда в Казахстан отправлялись коммунары — петроградские рабочие — с Обуховского и Семянниковского заводов, В. И. Ленин писал народному комиссару земледелия: «Почин прекрасный, поддержите его всячески». Ехали люди мужественные. Везли с собой косы, лопаты и... винтовки. В центре Целинограда возвышается огромная гранитная глыба в память о первых коммунарах и хлебных комиссарах, расстрелянных кулаками продотрядовцах.

Как и во всей бескрайней России, тут шла борьба не просто за хлеб и за молодую Советскую власть, шла борьба против старого мира, его защитников, психологии. И степные островки новой жизни выстояли. Одним из таких островков была и артель имени Ковтюха, основанная выходцами с Кубани. Поэтому и поселение свое назвали они Новокубанка. В 1938 году артель стала колхозом «18 лет Казахстана».

Возможно, когда-нибудь по примеру знаменитой горьковской «Истории фабрик и заводов» будет создана «История колхозов и совхозов». Будущий историк, осмысливая путь колхоза «18 лет Казахстана», наверное, отметит в нем несколько этапов. Начало одного из них придется на 1944 год. Именно тогда «сосватали» председателем Кан Де Хана.

Через год война кончилась, но День Победы еще не означал, что разом кончились и все ее тяготы для советских людей. Надо было кормить страну, разбирать руины, восстанавливать разрушенные города, заводы и фабрики. Долго еще ощущала на себе страна тяжелую, горестную тень войны. И такие хозяйства, как колхоз «18 лет Казахстана», держали, если можно так выразиться, сельскохозяйственный фронт, пока наш народ залечивал раны войны, собирал силы для решительного и мощного наступления, имя которому — Целина!..

Кан Де Хан.

Трудно приходилось председателю, не легче было и колхозникам. Не хватало всего — техники, мужских рук — многие не вернулись с фронта, специалистов. Держалось хозяйство на выносливости людской, на извечном крестьянском чутье и любви к земле. Трудодень был скуден. И нет ничего удивительного, что если удавалось кому-либо из девчат закончить восьмилетку, то чаще всего рвались они в город, а молодые ребята после армии тоже редко возвращались домой. Колхоз старел. И если даже появлялось в хозяйстве что-либо из новой техники, некому было доверить ее. Если бросали силы на животноводство, то, пока вытягивали его из прорыва, сорняки начинали душить пшеницу. Наваливались на зерновое хозяйство — под угрозой оказывалась кормовая база животноводства...

Целинная эпопея изменила все. Пришла современная техника, приехали люди. В три раза выросло колхозное поле. Рядом возникло опытное хозяйство ВНИИЗХ, отрабатывающее в местных условиях современную научную методику полеводства. Колхоз перенял у соседей новую технологию обработки земли, получил семена лучших для здешних почв сортов пшеницы. В 15 раз увеличил он производство зерна, в восемь раз вырос доход, достигнув почти четырех миллионов рублей. В 1959 году ввели денежную оплату труда. Одновременно с общественным производством укреплялось и личное хозяйство колхозников, улучшались условия жизни и труда. Семьи стали строить новые, добротные дома. И все эти годы во главе хозяйства стоял Кан Де Хан, уже Герой Социалистического Труда.

Крупные успехи не вскружили головы руководителям колхоза, не заставили их успокоиться. Надо было думать о том, кто придет на смену ветеранам, кто сядет на современные тракторы и комбайны, придет на обновленные фермы. Надо было растить смену, которой можно было бы со спокойной совестью доверить сложное современное хозяйство. Его рост и обновление уже сами по себе потребовали не только грамотности, но и культуры, обогащения духовного мира людей.

Колхоз построил среднюю школу на 640 мест. Десятиклассникам правление уделяло особое внимание. В соответствии со склонностями каждого одних направляли на специально созданные здесь курсы механизаторов, других — в техникумы и институты с колхозной стипендией. Колхоз построил сначала Дом, а потом и Дворец культуры. Появились в Новокубанке бесплатные ясли на 140 мест, поликлиника, больница на 75 коек.

Но жизнь не стоит на месте. Все более мощная и совершенная техника и технология приходят на село. И вот уже понадобились курсы по повышению квалификации механизаторов. Да и запросы молодых резко возросли. Молодожены, например, хотят с первых дней жить своим хозяйством! Ну что же, рассудило общее собрание, желание вполне законное, надо давать кредит на постройку собственного дома с рассрочкой на 15 лет! Все главные специалисты имеют высшее образование. Из восьми парней, ушедших в армию три года назад, семеро вернулись домой, из 25 человек, закончивших школу в 1978 году, 18 работают в колхозе...

И за всеми успехами, за делами хозяйства стоит невысокий, спокойный, неторопливый, умеющий брать на себя ответственность и заботу Дмитрий Хосенович, как его здесь называют. Кан Де Хан — человек, твердо знающий: земля не терпит легкомыслия, лености, она или воспитывает мудрость и трудолюбие, или отбрасывает в сторону то, что не может на ней расти. Сейчас Дмитрий Хосенович на пенсии. Но он продолжает заботиться о молодежи, о делах родного колхоза. А о его цветниках, самый большой и красивый из которых разбит перед Дворцом культуры, колхозники с гордостью говорят, что даже в Целинограде такого нет! Вырастил он и троих детей. Дочь вышла замуж за русского парня, один сын женился на дочери молдаванки и белоруса, другой — украинки и корейца. Такие межнациональные браки — тут не редкость.

ЧЕЛОВЕК СЛАВЕН ТРУДОМ

Нынешний председатель «18 лет Казахстана» Анатолий Игнатьевич Подольский знакомит нас с хозяйством. Здесь сейчас 107 тракторов, в том числе 14 сверхмощных К-700, 60 зерноуборочных комбайнов, 97 грузовых автомобилей. Мы осмотрели мельницу, ремонтные мастерские, животноводческий комплекс. Кто, какие люди управляют всей этой техникой?

Дело жизни А. В. Логинова — бригадира тракторной полеводческой бригады — растить хлеб. Еще 13-летним мальчишкой пахал он землю в родной деревне, в Костромской области. В 1942 году поступил учиться на курсы трактористов. Затем призыв в армию, фронт. После демобилизации поманила городская жизнь — приехал в Фурманов Ивановской области, работал мотористом и электромонтером на заводе, женился. Вскоре родился первый ребенок.

— Не прижился я в городе, — рассказывает Александр Владимирович, — земля звала, тянула к себе. Ночами снились запахи вспаханного поля, скошенной травы, парного молока. Когда услышал о целине, сразу пошел в райком комсомола. И ранней весной 1954 года уже был вместе с другими в Акмолинске — нынешнем Целинограде...

Просторные степи радовали Логинова. Сколько земли — паши и паши. В посевную вместе со сменщиком он поднял 150 гектаров целины. Потом наступило

Анатолий Игнатьевич Подольский и Елена Алексеевна Цысневич.

лето — жара, ни капли дождя. Машины раскалились — не дотронешься, земля трескалась и рассыпалась пылью...

К физическим трудностям были готовы все. Народ ехал на целину не хлипкий. Однако не всякий способен выдержать, когда его тяжкий, воистину самоотверженный труд идет прахом. Тут уж не физическая сила нужна, а духовная. Ведь труд твой — это жизнь твоя. Если пойдет он прахом, то и жизнь — тоже прахом! Выдержать первый год на целине мог только тот, кто способен был поверить: воля людей, величие их духа окажутся сильнее стихийных сил природы. А такое не всем оказалось по плечу. Не выдержал и Александр Владимирович. Пришел к директору МТС с заявлением об увольнении.

— Торопишься, парень, — сказал тот, — в себя не веришь, в коллектив. Ну, да я тебя не осуждаю. — И словно самому себе: — Что же слабых осуждать-то, слабого поддержать надо...

Задумался директор, а потом добавил:

— Вот что, дам я тебе отпуск, поезжай домой, подумай, а надумаешь — забирай семью и возвращайся. А мы тут тебе квартиру подготовим.

Подумал Александр Владимирович и вернулся из отпуска с семьей. Поселился... в кабинете директора. Жена тоже не сразу привыкла к степи, но постепенно обжились. В 1957 году стал Логинов бригадиром. Сегодня в его бригаде 23 трактора, четыре бульдозера, 20 комбайнов. В бригаде всего 30 человек, а обслуживают они 8300 гектаров пашни. Работать с такой техникой да еще на огромной площади непросто — пришлось учиться.

— Без науки теперь в поле не выйдешь. Особенно с тех пор, как стали мы вводить бараевскую почвозащитную систему земледелия, — говорит А. В. Логинов. — Раньше, когда целину поднимали, трудились от зари до зари, уставали — еле до постели добирались, не до учебы было. А урожаи получали слабенькие — не более пяти центнеров с гектара. Сегодня при 8-часовом рабочем дне (даже в страду) не уснешь, пока не разберешься точно и детально в рекомендациях ученых: как выровнять поле,

как настроить плоскорезную технику, какие и когда применять удобрения, как эффективнее использовать новейшие механизмы, какие сорта пшеницы лучше культивировать на наших полях. Теперь и урожаи совсем другие. Наша бригада, например, последние несколько лет собирает в среднем по 15 центнеров пшеницы с гектара, и пшеницы высокого качества.

Сложны взаимосвязи человека и техники в век научно-технической революции. Нам нужна теперь не просто высокопроизводительная техника, а такая, которая превращала бы труд в процесс творческий. В свою очередь и техника предъявляет к человеку иные требования, чем прежде, заставляет его постоянно учиться и переучиваться, то есть меняет само содержание и качество его жизни. А когда уровень техники и стремления человека попадают в резонанс, появляется нечто качественно новое, олицетворяющее собой завтрашний день. Чтобы по-настоящему узнать, почувствовать это, надо увидеть, как готовят тут технику механизаторы, как разминает в руках, нюхает, чуть ли не на вкус пробует землю Подольский.

— Давно уже, — говорит Александр Владимирович, — только добрым словом вспоминаю я того директора МТС, который помог мне найти судьбу, обрести радость труда, родную землю, без которой, я уверен, не было бы сегодня счастья в моем доме. Родина и партия высокими наградами оценили мой вклад в целинную эпопею. Я награжден орденами Ленина и Октябрьской Революции. Считаю, что это и аванс на будущее. Целина продолжается, она теперь — как символ труда советского человека, способного на все, за что ни возьмется.

— Александр Владимирович! Нам, работникам журнала «Наука и религия», трудно удержаться от вопроса: как обстоят дела с религиозностью у вас в бригаде?

— Как-то я не задумывался об этом, что, по-моему, может служить ответом на ваш вопрос. Живем мы дружно, хорошо трудимся, вместе отдыхаем, каждый у всех на виду, хотя, может, кое-кто из стариков в поселке еще и верит в бога. Мне кажется, иное у нас отношение к жизни, работе, другие заботы и радости земные. Характерная особенность нашего коллектива — его многонациональность: у нас в колхозе 25 национальностей. Но мы считаем, что все мы с целины, она — наша родина. Недавно моя старшая дочь вышла замуж, так мы с женой даже не знали, какой национальности ее муж. Зато видим, что труженик. Отношение к труду, земле, хлебу, к людям — вот мерило человека, вот что определяет место человека.

Еще по дороге в Новокубанку шофер Эдуард Иванович рассказал нам быль, ставшую на целинной земле легендой. Потом мы не однажды слышали ее в различных вариантах, но каждый из них сохранял главное.

...Встречаются в приишимской степи удивительной красоты озера. Богаты они и рыбой, и птицей. Поселился на одном из них много десятилетий назад русский мужик Егор Рекин. Нашел он себе здесь новую родину и уважение пастухов-казахов. Частенько к вечеру собирались они у его костра, угощались душистой ухой, слушали рассказы бывалого человека. Здесь-то и заприметил молодой джигит Дуйсен красавицу дочь Рекина — певунью Машеньку.

Полюбили друг друга парень и девушка, но соединить свои судьбы не могли — мешали старые предрассудки, запрещавшие мусульманину-казаху брать в жены христианку. И стали тоскливыми песни, которые пела Мария. По зову ее песен и собственного сердца, презрев вековые религиозные запреты, пришел к ней Дуйсен.

Минуло с той поры много лет. Мария Рекина стала известной народной сказительницей. И одна из песен ее молодости — «Дударай» символизирует сейчас братство и дружбу народов многоязыкого Казахстана...

Григорий Христианович Итерман — один из старожилов колхоза. Сейчас он бригадир четвертой бригады, которая заготавливает корма для животноводческой фермы. На воскресенье мы приглашены к нему в гости.

...Чистый просторный двор ограничен с одной стороны гаражом и хозяйственными постройками, с другой — приусадебным участком, с третьей — трехкомнатным домиком с веселыми наличниками окон. Четвертая сторона двора выходит на улицу. В доме современная мебель, телевизор, книжный шкаф, в просторной кухне — холодильник.

У Григория Христиановича сегодня «большой сбор». Он сам, его жена Ева Михайловна, мать — «бабушка Лена», дочь Гертруда с мужем Александром Александровичем Евгиенко и детьми Игорем и Ириной, сын Анатолий с женой Светланой Эдуардовной.

Почти вся семья Итерманов специализируется по животноводству: Светлана — доярка, Гертруда — на кормораздаточном пункте, Анатолий — тракторист в бригаде отца. Александр, заочник последнего курса факультета механизации областного сельскохозяйственного института, заведует механическими мастерскими.

Молодые — все выпускники местной школы, как и большинство их товарищей, остались работать в колхозе. Анатолий и Александр вернулись в родное село после армии. Живут отдельно от родителей — колхоз помог в рассрочку построить дома и обзавестись хозяйством.

Вспоминая далекие годы, Григорий Христианович и Ева Михайловна говорили, что раньше молодые почти не оставались в колхозе. Зато теперь почти все после школы не ищут счастья на стороне.

— И все-таки не знают молодые трудностей, — сказал Итерман, — легко им все дается. В городе бывает даже труднее, чем в колхозе: и жилье хорошее не сразу получишь, и заработки ниже. А в культурном отношении Новокубанка не многим отличается даже от областного центра. Программа телевидения та же, во Дворце культуры выступают художественные коллективы из областного центра, республиканской столицы, даже из Москвы, да и своя самодеятельность неплохая. Бывают передвижные выставки. С выводами главы семейства молодежь не согласилась. На несколько минут даже шумно стало в этом степенном и спокойном доме. Наиболее интересные доводы «против» привел Александр Александрович:

— Малокультурье и низкие заработки, конечно, не подарок. Но не от них и да-

Семья Итерман.

Александр Владимирович Логинов.

Тихий час в детском саду.

же не от трудностей бежала молодежь, а от бесперспективности содержания труда и жизни. В городе можно было любое образование получить и любую профессию. Да и рост в любой профессии практически безграничный. А в колхозе? Вручную коров доить? Даже если парню трактор давали, а это редкость, их было-то — по пальцам можно пересчитать, ну а дальше что? Сколько у тебя, отец, в бригаде сейчас тракторов?

— 33.

— А было?

— Три...

— Вот видишь! У тебя в бригаде тракторов теперь больше, чем до «целины» во всем колхозе. И какие! Чтобы работать на них, обслуживать и ремонтировать, надо быть первоклассным механизатором. Теперь не столько руки нужны да пот людской, сколько знание и умение. Вот Светлана — доярка, а руками доит только дома.

— Был у нас в колхозе года три назад, — вступил в разговор Анатолий, — смешной случай. Давно правление думает об улучшении молочного стада. И вот купили где-то в Прибалтике несколько коров и поздней весной привезли сюда. Отдельного пастуха приставили и выпустили на выгон.

Прошло три дня. Пастух в панике: не едят коровы траву. Что делать? И что удивительно: с рук едят за милую душу, а выгоняем на луг — бродят как неприкаянные и орут голодные. Пригласили специалистов. Оказалось, коров этих уже в нескольких поколениях содержали в стойлах, на лугах не пасли — вот они и разучились растущую траву есть. Пришлось заново учить — пустили их в наше стадо. Поглядели на местных коров — научились. Случай, конечно, смешной, но поучительный...

Беседу прервала Ева Михайловна, пригласив всех к столу.

— Кушайте, гости дорогие, — то и дело говорили хозяйки. — Все свое.

Все свое, не покупное! Многое услышали мы в этой тихой гордости. Разделение труда и узкая специализация чем дальше, тем сильнее проявляет в людях тягу к мастерству, к чему-то такому, что сродни былому творчеству искусных ремесленников, тому, что сделано своими руками. И если горожане гордятся собственноручно сработанными полочками, торшерами, то чем же еще гордиться крестьянину, как не особенными яблоками, откормленной птицей, маринадами и солениями. И если от полочки или торшера польза лишь их владельцу, то от мастерства крестьянина и от «изюминок» его приусадебного хозяйства польза, как правило, всем.

Колхоз много внимания уделяет развитию личного хозяйства. Дает ссуду для покупки животных и птицы, помогает с кормами, во все приусадебные участки проведен летний водопровод для полива огорода и сада. Можно сказать, что, решив коренную проблему в масштабах колхоза, в Новокубанке стали решать ее и в личном хозяйстве. Так, Григорий Христианович и Ева Михайловна получили за работу в колхозе 2 тонны зерна. В результате они могут содержать корову с теленком, свинью с поросенком и несколько десятков уток, гусей, кур. Семья полностью обеспечивает себя почти всеми основными продуктами питания.

В сельской библиотеке.

ЧТО ВОСПИТЫВАЕТ ЛЮДЕЙ!

Вместе с председателем колхоза, секретарем парткома Еленой Алексеевной Цысневич и заведующей библиотекой Дворца культуры Ириной Григорьевной Петровой мы в читальном зале.

— В течение уже нескольких лет, — говорит А. И. Подольский, — большую часть прибыли, а она выражается внушительной суммой — один миллион триста тысяч рублей, мы имеем возможность расходовать на социальные нужды и на премии. Так, построено 400 новых жилых домов с электричеством, газом, водяным отоплением. Начали сооружать благоустроенные многоквартирные дома, довели размеры пенсий колхозникам до уровня рабочих...

И вот что хочется подчеркнуть: из года в год растут наши доходы, улучшается благосостояние людей. Реальные дела, радости жизни все больше вытесняют из сознания людей тысячелетиями тяготевшее над ними религиозное мировоззрение. По сути, вся наша действительность сама по себе убеждает: истинное счастье — всегда земное. Но, наверное, этим нельзя удовлетворяться, надо всячески помогать этому процессу.

Ведь в чем сила религии? — спрашивает Подольский и сам отвечает: — Она ориентируется на одиночку, ему одному обещает райское блаженство, учит, как его заслужить. Поэтому наша задача, вернее одна из задач — создавать из одиночек коллектив, показывать его силу и возможности, не забывая, конечно, что коллектив состоит из людей.

— Коллектив коллективом, — вступила в разговор Елена Алексеевна, — но даже в крепком и дружном сообществе людей нельзя забывать о том, что мы не имеем права обделить счастьем ни одного человека. Надо помогать каждому раскрывать все его способности.

Мне не хотелось бы выделять здесь атеизм, атеистическое воспитание как что-то отдельное, замкнутое. Мы его рассматриваем как одну из сторон коммунистического воспитания, имеющую, однако, свою специфику. В таком плане обсуждали этот вопрос и на партийном бюро. И здесь должна признаться: мало мы уделяем внимания этой стороне. Читаются у нас лекции во Дворце культуры и красных уголках, в школе есть энтузиасты среди педагогов, но похвалиться особенно нечем. Вот только библиотека ведет такую работу систематически. Может быть, мы и дальше не обращали бы внимания на эту сторону нашей пропаганды, если бы не случай.

Проблема с кадрами у нас в основном решена. Сейчас мы принимаем в колхоз новых людей с большим разбором, даем четырехмесячный испытательный срок. Поступило как-то заявление от приехавшего с Украины новичка. Четыре месяца он трудился в полеводческой бригаде. Работал неплохо, но и особого рвения не проявлял — точно исполнял, что

ему было положено: от и до. Затем на общем собрании слушали его заявление.

Должна вам сказать, что сейчас колхозные собрания совершенно не похожи на те, что нам показывают в кино или пишут в книгах о колхозах послевоенной поры. На наших собраниях воочию видишь возросшее самосознание людей, заинтересованность в общем деле.

Однако в тот раз как-то расстроилось. Бригадир дал вступающему характеристику, рассказал о его работе, а зал молчит. Но длилось это недолго — вдруг прорвалось что-то. Выступающих сразу много — и одни женщины. Оказалось, что наиболее активно приезжий «трудился» после работы — пытался организовать баптистскую общину: приглашал к себе женщин, говорил им проповеди, собирал с них пожертвования на строительство молитвенного дома. А мы ничего об этом не знали. Мы растерялись, а собрание единогласно проголосовало против принятия этого человека в колхоз. Буквально на следующий же день новичок уехал. Потом мы поразмыслили и пришли к выводу, что сплоховали здесь, совершили ошибку. Коллектив у нас здоровый, сумели бы переубедить, перевоспитать этого человека, научить его работать на совесть, с полной отдачей, активно, творчески относиться к труду, к своему делу, а через отношение к труду повлиять и на его мировосприятие. А так он, наверное, подумал, что не приняли его в колхоз из-за того, что верующий, и в своей вере только укрепился. Так что придется нам улучшать атеистическую пропаганду, делать ее более активной, глубже раскрывать гуманистическую сущность атеизма.

— Если сравнить нашу работу с практикой других библиотек (с опытом некоторых из них я познакомилась, кстати, на страницах вашего журнала), то похвастать нам нечем, — чистосердечно призналась Ирина Григорьевна. — Набор обычных методов и форм — читательские конференции, обсуждение отдельных книг или статей с активными читателями библиотеки, вечера вопросов и ответов — вот, пожалуй, и все. Но я бы хотела рассказать о моем опыте организации читательского актива.

20 лет работаю здесь в библиотеке. Когда пришла, то испугалась: кто же будет читать книги? Посетителей раз, два и обчелся — взрослым не до книг, а дети не приучены к чтению. Пошла в школу, рассказала ребятам о библиотеке и ее фондах, читала вслух самые интересные места из книг, устраивала выставки. И школьники постепенно начали заглядывать в библиотеку. Сейчас в нашем фонде 11 тысяч книг, около половины — художественная литература. За прошлый год я выдала по абонементу 15 тысяч книг. Если учесть, что на селе 1400 человек, то в среднем за год каждый читает более 10 книг. А ведь у нас есть еще и детская библиотека.

Но самое замечательное вот в чем: преобладающее большинство моих нынешних читателей — это те, с кем я начала работать 20 лет назад. Они выросли и теперь уже не могут жить без книги. Да и дети их, по примеру родителей, тоже не представляют жизнь без чтения...

...Мы уезжали из гостеприимной Новокубанки и вспоминали слова товарища Л. И. Брежнева из книги «Целина»: «Жизнь в этих краях пустила глубокие, крепкие корни».

КОРОТКО ОБ ИНТЕРЕСНОМ

«МУРАВЛЕНИЕ КОРАБЛЯ»

«Муравление корабля» — этого слова вы не найдете ни в академических словарях, ни даже у Даля. Но и само слово, и конкретные действия, им определяемые, все-таки существовали. Связаны они с волжским судоходством второй половины прошлого века. Когда в пути на деревянной барже открывалась течь в пазах или стыках между досками набора, команда высаживалась на берег и занималась тем, что набирала в рогожные кули муравьиные кучи. Проделав в кулях несколько отверстий, ими терли в местах течи. Вода, стремящаяся под внешним давлением войти в щели, втаскивала за собой составные части муравейника и постепенно закупоривала пустоты. Набухая в воде, эти частицы расширялись и теперь уже наглухо закупоривали все щели лучше всякой конопатки.

Вот отсюда и пошло по Волге выражение — «муравление корабля».

КЛЮЧ К МОРЮ

Чаще всего думают, что Санкт-Петербург назвали в честь Петра I. Но это не так. Город назвали в честь святого Петра.

Когда осенью 1702 года была взята штурмом шведская крепость Нотебург (древнейший русский Ореховоград, или просто Орешек), Петр прибил к крепостным воротам ключ и объявил, что город теперь будет называться Шлиссельбург. В переводе на русский это Ключ-город, то есть ключ к Неве. Через год в ее устье был заложен Санкт-Петербург. Название его тоже символическое. Согласно церковной легенде, святой Петр считался привратником-ключарем, у него хранились ключи от рая. Таким образом, Санкт-Петербург стал еще одним «Ключ-городом», ключом к Балтийскому морю. Однако в народе принято было связывать название города с именем Петра I.

«ШУТКИ» АТМОСФЕРЫ

Высыпав на палубу, все свободные от вахты моряки черноморского теплохода «Иркутск» были немало удивлены открывшейся им картиной. Над линией горизонта отчетливо виднелись два судна. Но в каком виде! Они словно висели в воздухе, да еще вверх днищем. Спустя некоторое время корпус одного из кораблей стал постепенно выступать из-за горизонта.

По мере приближения реального судна его зеркальное отражение словно бы сливалось с ним, пока мачты, надстройка, нос миража и самого судна не совместились.

Это явление экипаж «Иркутска» наблюдал в Средиземном море на протяжении получаса.

— Миражи в Средиземном море, да еще такие красивые и длительные, — объяснил заведующий кафедрой Одесского гидрометинститута профессор Э. Бурман, — наблюдаются довольно редко. Чаще они возникают в северных морях. Явление природы, свидетелями которого оказались моряки «Иркутска», относится к числу верхних перевернутых миражей. Но бывают и прямые. Вспомним хотя бы знаменитого «Летучего голландца», который «несся» в небе на всех парусах и наводил ужас на мореходов. Современным морякам хватает знаний, чтобы не испугаться небесного видения.

КОМПАС МАЙЯ

В конце 1975 — начале 1976 года в районе Исапа (Тихоокеанское побережье южной Мексики) работала археологическая экспедиция Дартмутского колледжа (США), возглавляемая Винсентом Х. Мальмстремом.

В ходе работы экспедиции была обнаружена каменная скульптура, изображающая голову черепахи и обладающая магнитными свойствами. Геологическое обследование находки показало, что скульптура изготовлена из базальтового валуна, содержащего большое количество железной руды. Возраст ее примерно 3300 лет.

По мнению В. Х. Мальмстрема, не случайно в качестве изображения была выбрана именно черепаха. Население древнего Исапа, хорошо знакомое с мореплаванием, поражалось умению морских черепах находить дорогу к месту откладки яиц даже в очень далеких миграциях. Поэтому он предположил, что «магнитная черепаха» могла иметь определенное ритуальное значение.

В НОМЕРАХ 8, 10 И 12 ЗА 1978 ГОД; 2, 4 И 6 ЗА 1979 ГОД ПОД РУБРИКОЙ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ В ДЕЙСТВИИ» ЖУРНАЛ ПУБЛИКОВАЛ СТАТЬИ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ В СССР ПРИНЦИПОВ ПОДЛИННОЙ СВОБОДЫ СОВЕСТИ, О РАЗВИТИИ ЛЕНИНСКИХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОЛОЖЕНИЙ ПО ВОПРОСАМ СВОБОДЫ СОВЕСТИ В КОНСТИТУЦИЯХ И ДРУГИХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА.

ПРОДОЛЖАЯ ЭТУ ТЕМУ, РЕДАКЦИЯ ПОДГОТОВИЛА К ПУБЛИКАЦИИ ДВЕ СТАТЬИ ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР В. Г. ФУРОВА, РАССКАЗЫВАЮЩИЕ О ТОМ, КАК ФОРМИРОВАЛОСЬ И СОВЕРШЕНСТВОВАЛОСЬ СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТАХ.

СТАНОВЛЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КУЛЬТАХ

В. ФУРОВ,
заместитель председателя
Совета по делам религий
при Совете Министров СССР,
кандидат исторических наук

Основным законодательным актом Советского социалистического государства, определяющим положение религии и церкви в СССР, является исторический ленинский Декрет от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Декрет и поныне живет и действует. За минувшие десятилетия в нем не потеряли своего значения ни одно положение, ни одна законодательная норма. Все другие законодательные акты о религиозных культах, принятые в последующие годы, опирались на этот документ, развивали его идеи.

Декрет — выдающийся акт молодой республики Советов. Характерной чертой этого документа, как и всех других нормативных актов Советского государства, определявших взаимоотношения между церковью и государством, явился демократизм: уважение к убеждениям людей, их вероисповедным и бытовым традициям, забота о правах человека, независимо от его отношения к религии. Отделив церковь от государства, декрет принципиально по-иному, чем в буржуазных странах, решил проблему свободы совести — в интересах всех советских граждан, как верующих, так и неверующих. Учитывая, что содержание этого документа рассматривалось в предыдущих статьях, посвященных проблемам свободы совести, подчеркнем лишь такие его аспекты.

Во-первых, декрет установил равенство прав граждан. «Каждый гражданин, — сказано в нем, — может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой». Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры, были отменены. «Из всех официальных актов, — записал В. И. Ленин в примечании к декрету, — всякое указание на религиозную принадлежность и непринадлежность граждан устраняется».

Во-вторых, декрет провозгласил равноправие всех граждан независимо от отношения к религии, что закреплено в 34 статье новой Конституции. Это отвечало прежде всего чаяниям народов национальных окраин России. В результате этого акта и ленинской «Декларации прав народов России», принятой Советским правительством 15 ноября 1917 года, в стране были отменены все и всякие национально-религиозные ограничения. Декрет уничтожил деление на господствующие, покровительствуемые, признаваемые, терпимые, а также нетерпимые, подвергавшиеся гонениям со стороны самодержавия религии. Эта демократическая мера позволила навсегда покончить с ущемлением прав и свобод национальных меньшинств, исключила из жизни общества бытовавшие в прошлом оскорбления чувств верующих всех национальностей и народностей.

В-третьих, декрет отделил школу от церкви, прекратил вмешательство церкви в дело воспитания молодежи, насильственное приобщение учащихся к религии, создал единую систему народного образования, обеспечил условия для осуществления культурной революции.

Буржуазные государства, как известно, фактически сводят свободу совести только к свободе выбора религии. В этом состоит ограниченность конституций западного мира. Что же касается советской демократии, то она не на словах, а на деле покончила со всеми средневековыми привилегиями церкви, устранила насилие над совестью граждан, дала человеку возможность самостоятельно, без давления со стороны государства, решать вопрос — верить или не верить в бога.

Ленинский декрет, провозгласив свободу совести, особое внимание обратил на гарантии этой свободы. Главная гарантия — это отделение церкви от государства и школы от церкви. В соответствии с этим в нашей стране осуществляется принцип невмешательства государства во внутренние дела церкви, а церковь не участвует в государственных делах.

Отделение церкви от государства — главная гарантия, обеспечивающая свободу совести для всех граждан, независимо от их отношения к религии и церкви. Наряду с этим есть и гарантия обеспечения прав верующих граждан. Так, декрет, объявив все имущество существующих в России церковных и религиозных обществ народным достоянием, вместе с тем обеспечивал материальные гарантии свободы отправления религиозных культов. «Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, — говорится в декрете, — отдаются, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ».

Декрет проводился в жизнь в сложных условиях. Клерикалы встретили его с негодованием. Поместный собор русской православной церкви, проходивший в то время, принял постановление, где изобразил отделение церкви от государства как «злостное покушение на весь строй жизни православной церкви и акт открытого против нее гонения».

Коммунистическая партия настойчиво и последовательно разъясняла народу значение декрета, политику Советского государства в отношении религии и церкви. Советское правительство, возглавляемое В. И. Лениным, держало все эти вопросы в центре внимания. Так, в мае 1918 года Совнарком вынес постановление об организации при Народном комиссариате юстиции специального — VIII отдела, который по предложению его заведующего и бессменного руководителя П. А. Красикова был назван «Отделом по проведению в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства».

В. Д. Бонч-Бруевич так определил основные задачи и функции этого отдела: «Разбор и решение многочисленных случаев прецедентарного характера, могущих возникнуть при непосредственном применении декрета; осуществление почина в издании ряда правительственных актов в развитие и разъяснение декрета; помощь другим органам Советской власти в пресечении контрреволюционной деятельности религиозных объединений». VIII отдел давал разъяснения местным органам власти по вопросам осуществления свободы совести, взаимоотношений государства и религиозных объединений, применения отдельных положений декрета. В этих же целях Наркомюст в 1919—1924 годах издавал журнал «Революция и церковь».

Так как подлинное отделение церкви от государства было делом новым, декрет вызвал массу запросов со стороны местных органов власти, а также верующих и духовенства. В связи с этим Народный комиссариат юстиции подготовил и 24 августа 1918 года опубликовал имеющую силу закона инструкцию «О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»[1]. В ее первом разделе — «О церковных и религиозных обществах» — указывалось, что под действие декрета подходят все церкви, вероисповедания и религиозные общества, образовавшиеся для отправления какого-либо культа как до, так и после издания декрета.

Во втором разделе инструкции — «Об имуществах, предназначенных для совершения религиозных обрядов» — говорилось, что все имущества, находившиеся в ведении ведомства православного вероисповедания и других вероисповедных учреждений и обществ, согласно декрету переходят в непосред-

[1] См. сб.: «О религии и церкви». М., 1977, стр. 98—101.

ственное заведование местных Советов рабочих и крестьянских депутатов, но передаются религиозным обществам. Необходимое число местных жителей, получающих в пользование богослужебное имущество, определяется местным Советом, но не может быть менее 20 человек.

Полностью сохранил силу и порядок пользования имуществом. Инструкция обязывала верующих, принявших имущество, хранить и беречь его как доверенное им народное достояние; производить ремонт, принимать на себя расходы по отоплению, страхованию, оплате местных сборов и прочее; пользоваться им исключительно для удовлетворения религиозных потребностей; отвечать за целостность и сохранность солидарно (по круговой поруке); иметь у себя инвентарную опись всего богослужебного имущества, в которую вносятся и вновь поступающие (путем пожертвований, передачи из других храмов и т. п.) предметы религиозного культа; допускать беспрепятственно во внебогослужебное время уполномоченных Советом рабочих и крестьянских депутатов лиц к периодической проверке и осмотру имущества. Все эти условия, говорилось в инструкции, вносятся в соглашение — типовой договор, заключаемый группой граждан с местным Советом.

В распоряжение верующих перешли ценнейшие исторические памятники культового зодчества: храмы, мечети, костелы, синагоги. В инструкции было сказано, что храмы и молитвенные дома, имеющие историческое, художественное и археологическое значение, передаются верующим с соблюдением особых правил, выработанных музейным отделом Народного комиссариата просвещения. Это разъяснение, а также сам факт передачи в то суровое время в бесплатное пользование религиозным обществам многих сотен ценнейших исторических памятников начисто опровергают клеветнические измышления тех буржуазных пропагандистов, кто утверждает, что верующим были отданы лишь маленькие церквушки.

В типовом договоре, приложенном к инструкции, разъяснялись права и обязанности верующих. Права — это получение в бесплатное пользование храмов и находящихся в них богослужебных предметов. Обязанности же состояли в том, что верующие брали на себя обязательство использовать полученное имущество исключительно для удовлетворения религиозных потребностей. Группа верующих должна была гарантировать, что молитвенные здания не будут служить для антисоветских сборищ; раздачи и продажи книг, брошюр, листовок и посланий, направленных против Советской власти или ее представителей; произнесения проповедей и речей, враждебных Советской власти или отдельным ее представителям, и совершения набатных тревог для созыва населения в целях возбуждения его против Советской власти.

Инструкцию завершал раздел «О преподавании религиозных вероучений», который прямо перекликался с постановлением Государственной комиссии по просвещению от 18 февраля 1918 года «О светской школе» [2]. В этом документе, опубликованном за подписью А. В. Луначарского, было сказано: «Российская Республика предоставляет каждому гражданину полную свободу выбирать любое вероисповедание или вовсе не принадлежать ни к одному из вероисповеданий, в зависимости от его убеждений. Считая религию делом совести каждого отдельного человека, государство в деле религии остается нейтральным, т. е. не становится на сторону ни одного вероисповедания, не связывает с ним никаких особых прав или преимуществ, не поддерживает материально или морально ни одно из них. Из этого само собой вытекает, что государство не может брать на себя религиозное воспитание детей. Ввиду этого, на основании декрета Совета Народных Комиссаров от 21-го января 1918 г., преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, состоящих в ведении Народного Комиссариата по Просвещению, и исполнение каких-либо религиозных обрядов в стенах школы не допускается».

Инструкция 1918 года действовала без существенных изменений до 1929 года. Некоторые ее положения не потеряли своего значения и в наше время. Жизнь, конечно, ставила и новые проблемы, которые оперативно решались в органах государственной власти. Так, к концу 1918 года выяснилось, что не все работники на местах правильно понимают задачи Советской власти в деле отделения церкви от государства. Был разработан «Циркуляр по вопросу об отделении церкви от государства» [3], разъяснявший, что здания, специально предназначенные для религиозных и обрядовых целей, могут быть закрыты только в двух случаях: если не окажется граждан, желающих взять эти здания для использования в культовых целях, и если в силу нужды в соответствующем помещении для общеполезных целей местный Совет, отвечая запросу трудящихся масс, примет соответствующее решение.

Циркуляр, как можно видеть на данном конкретном примере, четко определил порядок и мотивы закрытия храмов и других молитвенных зданий. Он не допускал произвола в отношении церкви, запрещая попытки подтолкнуть, ускорить закономерно идущий в стране процесс секуляризации. Далее в циркуляре говорилось о необходимости «соблюдать корректное отношение к религиозным чувствам сторонников данной религии». Принципиальное значение имело и то место этого документа, где шла речь о свободе религиозной проповеди в храмах. Запрещение ее, гласил циркуляр, явно противозаконно и не достигает цели. «Необходимо помнить, что с религиозными предрассудками и темнотой народных суеверий следует бороться не столько карами и репрессиями, сколько хорошей школой, пропагандой коммунизма и организацией хозяйства на коммунистических началах».

Декрет об отделении церкви от государства, изданная в дополнение к нему инструкция Наркомюста от 24 августа 1918 года, целый ряд постановлений Совета Народных Комиссаров, касающихся создания светской школы, защиты семьи, женщины и детей, стали теми нормативными актами, на которых основывались все распоряжения и действия власти на местах. Однако в связи в нэпом, а также появлением новых церквей — «живой», «древнеапостольской», «трудовой» и т. д. — местные власти стали испытывать затруднения в практическом применении этих актов. Потребовались новые разъяснения. Народные комиссариаты юстиции и внутренних дел 19 июня 1923 года издали новую «Инструкцию по вопросам, связанным с проведением декрета об отделении церкви от государства» [4].

Инструкция поясняла, что дела о передаче верующим церковных зданий и пользовании ими, дела о нарушении договоров о закрытии храмов и молитвенных домов решаются постановлениями президиумов губернских или областных исполнительных комитетов с указанием мотивов и оснований для ввода в действие или расторжения договора. Подчеркивалась необходимость крайней осмотрительности, с которой должны «разрешаться дела о судьбе богослужебных зданий, находящихся в бесплатном пользовании верующих».

Характерно, что, если в прежних документах вопросы подобного рода решались Советами депутатов, в том числе волостными и уездными, новая инструкция повышала уровень, на котором могло быть принято решение: только губернский и областной исполкомы.

Одной из особенностей инструкции 1923 года стало расширение и конкретизация прав верующих. Так, например, в ней было сказано, что молитвенные собрания верующих в находящихся в их пользовании помещениях проводятся свободно без предварительного разрешения независимо от числа участников. Определяя права верующих, инструкция повторяла, что культовые здания передаются в бесплатное пользование исключительно группам верующих или религиозным обществам. Но ни одна религиозная организация не имеет права вмешиваться, как власть имущая, в деятельность какой-либо другой религиозной организации против ее воли: назначать неугодных ей служителей культа, отбирать предоставленные в ее пользование местным исполнительным комитетом здания и т. п., ибо храм или молитвенный дом передаются не в пользование какой-либо церковной иерархии, а конкретно той группе верующих, которая подпишет договор с исполнительным комитетом. «Вообще местная власть, — говорится в инструкции, — должна оградить спокойное и свободное отправление религиозных потребностей граждан в той лояльной форме, какая им угодна, и привлекать к ответственности лиц, нарушающих законы».

Инструкция уточняла также, что по договору о бесплатном пользовании культовыми зданиями и имуществом ответственность за сохранность и целостность вверенного им народного достояния несут сами верующие, сами религиозные общества, а не центральные религиозные организации — всероссийские, епархиальные и т. д. То есть служитель культа, являющийся представителем епархиального управления, не может претендовать на руководство хозяйственными делами общины верующих. Эти пункты еще и еще раз подчеркивали демократическую сущность инструкции, заботу о свободе самих верующих. Этот принцип сохраняет свою силу и в наше время.

В инструкции подчеркивалось, что отправление культа, а также произнесение

---

[2] См.: «О религии и церкви». стр. 101 — 102.

[3] См.: «Коммунистическая партия и Советское правительство о религии и церкви». М., 1961, стр. 45, 48—49.

[4] См.: «О религии и церкви», стр. 102 — 104.

проповедей, поскольку они являются неотъемлемой частью богослужения, никем не контролируются, при условии, чтобы по содержанию своему они носили исключительно религиозный характер (ответственность за это возлагалась на религиозное общество и самого проповедника). Но пропаганда в ходе богослужения или чтения проповедей буржуазно-анархических и антигосударственных взглядов уголовно наказуема на общем основании соответствующих статей Уголовного кодекса как антисоветская пропаганда.

«Если обнаружится участие церковной группы в контрреволюционных выступлениях или если будут обнаружены злоупотребления церковным имуществом или растрата последнего, — говорилось в инструкции, — то постановлением губернского исполнительного комитета договор с данною группою расторгается, храм передается другой, более благонадежной или исправной группе верующих, а лица, совершившие преступные деяния, предаются суду...»

Инструкции и циркуляры, связанные с проведением в жизнь декрета об отделении церкви от государства, сыграли важную роль в становлении советского законодательства о религиозных культах. Некоторые их положения отражали какой-то конкретный исторический этап во взаимоотношениях церкви и государства, например то, что в первые послеоктябрьские годы и в годы гражданской войны церковь вела себя враждебно по отношению к Советской власти, и поэтому со временем утрачивали силу.

В некоторых зарубежных кругах, враждебно относящихся к СССР, распространялась и распространяется клевета о нарушении свободы совести в нашей стране, об ущемлении прав верующих. Эту ложь опровергала и опровергает сама церковь.

Так, патриарший местоблюститель митрополит Сергий в марте 1942 года писал в изданной Московской патриархией книге «Правда о религии в России»: «С отделением церкви от государства сняты были всякие преграды, искусственно задерживавшие людей в составе церкви, и все номинальные церковники от нас ушли... Декрет о свободе совести, изданный Советской властью еще в январе 1918 года, обеспечивает всякому религиозному обществу, в том числе и нашей православной церкви, право и возможность жить и вести свои религиозные дела согласно требованию своей веры, поскольку это не нарушает общественного порядка и прав других граждан... За годы после Октябрьской революции в России бывали неоднократные процессы церковников. За что судили этих церковных деятелей? Исключительно за то, что они, прикрываясь рясой и церковным знаменем, вели антисоветскую работу. Это были политические процессы, отнюдь не имевшие ничего общего с чисто церковной жизнью религиозных организаций и чисто церковной работой отдельных священнослужителей. Православная церковь сама громко и решительно осуждала таких своих отщепенцев, изменяющих ее открытой линии честной лояльности по отношению к Советской власти... Нет, церковь не может жаловаться на власть».

Ленинский декрет об отделении церкви от государства стал основой аналогичных декретов Украинской Советской Республики (1919), Грузинской Советской Республики (1921), Белорусской и Армянской Советских Республик (1922).

8 апреля 1929 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров РСФСР приняли постановление «О религиозных объединениях», в котором конкретизировались положения ленинского декрета, обобщалось все, что не утратило силу из содержания инструкций и циркуляров, принятых в первые послеоктябрьские годы.

Постановление ВЦИК и СНК Российской Федерации с учетом новых условий и требований жизни определило юридическое положение церквей и религиозных объединений. Аналогичные нормативные акты были приняты затем и в других союзных республиках. Так сложилась совокупность законодательных актов о религиозных культах [5].

Законодательство о культах устанавливало, что верующие граждане, достигшие 18-летнего возраста, могут объединяться для совместного удовлетворения своих религиозных потребностей в общества (не менее 20 человек) и группы. Правом юридического лица религиозные объединения (общества и группы) не пользуются. Как религиозное общество, так и группа верующих могут приступить к деятельности лишь после регистрации в местных органах власти. Что же касается РСФСР в целом, то вопросами законодательства о культах занимался Народный комиссариат внутренних дел.

Так было около двух лет. Затем ВЦИК и СНК 1 января 1932 года внесли дополнение в постановление 1929 года «О религиозных объединениях». Была создана Постоянная комиссия при Президиуме ВЦИК по рассмотрению религиозных вопросов, а на местах — соответствующие комиссии при городских и районных исполкомах, решавшие и вопросы регистрации религиозных обществ.

Регистрация религиозных обществ не ущемляет прав верующих, а лишь ставит их под защиту закона. Разумеется, и религиозные объединения берут на себя обязательство соблюдать законы о культах. Следовательно, регистрация в равной степени отвечает интересам как верующих, так и государства.

Зарегистрированное религиозное объединение имеет определенные права. Верующим предоставляется возможность свободно удовлетворять свои религиозные потребности, совместно исполнять религиозные обряды, проводить молитвенные собрания и церемонии, связанные с отправлением культа. Верующие получают в бесплатное пользование молитвенные здания или же право арендовать подходящее помещение. Они могут пользоваться культовым имуществом, производить складчины и собирать добровольные пожертвования для содержания молитвенного здания, культового имущества, найма служителей культа, содержания исполнительных органов, производить всякого рода расходы по удовлетворению своих религиозных потребностей. Верующие решают все вопросы, касающиеся деятельности религиозных объединений. Для управления хозяйственными и финансовыми делами религиозного общества верующие избирают из своей среды исполнительный орган в количестве трех человек и ревизионную комиссию.

Постановление 1929 года определило также и обязанности религиозных групп и обществ. Главная обязанность — соблюдать законы, заниматься лишь удовлетворением религиозных потребностей верующих. Религиозные объединения не вправе: создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей. Они не могут оказывать материальную поддержку своим членам; организовывать как специальные детские, юношеские, так и общие библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, по обучению религии и тому подобные собрания, группы, кружки, отделы, а также проводить экскурсии, устраивать детские площадки, открывать библиотеки и читальни, создавать больницы, санатории, медицинские пункты. Советское государство само заботится о социальных нуждах граждан независимо от того, верующие они или неверующие.

Законом установлен порядок снятия с регистрации религиозных объединений, закрытия молитвенных зданий и домов, исключающий произвол со стороны того или иного должностного лица местных органов власти. Молитвенное здание может быть закрыто, если не окажется желающих взять его и культовое имущество в пользование для удовлетворения религиозных потребностей, если налицо несоблюдение религиозным обществом условий заключенного договора или при наличии серьезных нарушений религиозным обществом законодательства о религиозных культах.

Характерно, что к вопросам снятия с регистрации религиозных обществ, закрытия молитвенных зданий государство всегда подходило с большой осторожностью. Когда не оказывается желающих взять в пользование культовое здание и имущество, местный Совет вывешивает на дверях здания соответствующее объявление. Если по прошествии недели со времени объявления не поступит заявления о желании взять в пользование культовое здание и имущество, то об этом сообщается вышестоящему исполнительному комитету. Что же касается определения дальнейшего назначения здания и имущества, то здесь решение принимает лишь областной или окружной исполнительный комитет, исполнительный комитет автономной республики. Передача культового здания для других надобностей допускается исключительно по мотивированному постановлению указанных органов автономных республик, областных и окружных исполкомов.

Все вопросы своей внутренней деятельности, как это определяет закон, религиозные объединения и их центры решают самостоятельно, в духе своего вероучения, канонических требований и традиций, учитывая при этом правовые нормы, установленные законодательством о религиозных культах.

Контроль за соблюдением законодательства осуществляют как республиканские, так и местные советские органы. Надзор же за деятельностью религиозных объединений, за выполнением ими своих обязательств возлагается на регистрирующие органы, в сельских местностях также и на сельские Советы.

---

[5] Здесь и далеее излагается и комментируется постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года без последующих его изменений, внесенных в 1975 г. См.: «О религии и церкви», стр. 105—117.

Практика: опыт, проблемы

ПРОПАГАНДИСТ ИЗ РЯЗАНИ

И. ШАТИЛОВ,
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

Этот человек, с копной белых волос и молодыми голубыми глазами, обладает редким даром собеседника — слушает внимательно, понимает с полуслова, говорит без нажима, с юмором:

— Нас, лекторов, больше критикуют. Помните, про атеиста в «Крокодиле»? Два ангела прямо с трибуны подхватили бедолагу под мышки и понесли в рай. А он, сердешный: «За что возносите?!»

Павел Николаевич Карницкий приобщился к атеистической пропаганде более 40 лет назад, еще студентом педагогического техникума. Проходя практику в сельской школе, заметил однажды, как вихрастый мальчуган изо всех сил нажимал пальцем левой руки на сучок в парте, а правой выводил крест на животе. «Это зачем?» «Чтобы не спросили», — простодушно ответил мальчик. Учитель сначала весело рассмеялся, потом так же искренне «заклеймил»: суеверия — это невежество, а религия — дурман.

— До сих пор не могу забыть удивленные глаза так ничего и не понявшего паренька, — говорит Павел Николаевич. — Зато тогда для меня стало ясно: чтобы успешно бороться с суевериями и религией, нужно много знать. Приналег на книги. Стал лучше готовиться к урокам и беседам.

П. Н. Карницкий.

Потом были физико-математический факультет, изучение трудов В. И. Ленина, диссертация. И постоянная работа с людьми...

Член общества «Знание» со дня его основания, П. Н. Карницкий ездит с лекциями в самые отдаленные селения. Насыщенные интересным научным и житейским материалом, пронизанные искренним участием к людям, его лекции всегда заканчиваются продолжительными беседами, а нередко и перепиской со слушателями.

Ни один верующий человек после лекции не станет атеистом. Но сомнение в религиозной вере и интерес к знаниям лектор обязан пробудить. А это и есть та ступенька, с которой начинается процесс преодоления суеверий и религиозных заблуждений...

В одной из глубинных деревень Центральной России, где мне довелось быть в командировке, из беседы с группой женщин я узнал, что к ним несколько лет назад приезжал лектор Карницкий: «Так хорошо рассказал, что все понятно стало. А потом вывел нас на улицу и показывал звезды, планеты. Мороз был сильный, но мы не расходились и долго задавали ему вопросы».

Одна из основных забот Карницкого-лектора — добиться простоты в изложении материала, сделать так, чтобы самые сложные вопросы были понятны всем. Он не любит навязывать готовые выводы, формулировки, старается найти яркие примеры из окружающей действительности и подать их так, чтобы слушатель подумал и сделал выводы без подсказки.

— Педагогика у меня, наверное, в генах, — шутит Павел Николаевич. — Насколько проглядывается родословная, все предки по прямой линии — учителя...

Середина 30-х годов. Получив диплом учителя начальных классов, Павел Николаевич назначается... преподавателем физики. Что делать, не хватало тогда специалистов-предметников. Но в районо не ошиблись. Уже с первых уроков ребята стали бредить физикой. Особенно утвердился его авторитет после случая с «вороньим камнем».

Недалеко от школы на обочине дороги, ведущей в райцентр, лежал большой валун. Никто не помнил, когда он там появился, но из поколения в поколение передавалось поверье, будто место это «гиблое». Кто верил, кто не верил в небылицы, но в сумерки и ночью боялись даже идти там.

В шестом классе, когда ребята начали изучать раздел «Удельный вес», Павел Николаевич и спросил: «А кто из вас знает, сколько весит тот камень на дороге?» Ребята затихли, переглянулись, потом сказали сдержанно: «Разве узнаешь...» И тут Карницкий предложил: «Давайте сходим туда. Может, что-нибудь придумаем».

Сходили. Ребята осторожно ощупали камень. Кто-то даже решился отколоть маленький кусочек. А в школе по этому кусочку и определили удельный вес камня. А потом придумали и как его вес измерить. Кто первый догадался — неизвестно, но, когда Павел Николаевич на следующий день подошел к камню, работа была в самом разгаре: ребята натащили глины, обмазали камень, и получилась эдакая коробка с прямыми углами — осталось только вычислить объем. Потом, содрав глину, слепили из нее коробочку поменьше. Из большего объема вычли меньший и получили объем камня. Теперь нетрудно было узнать и вес.

А попутно с «вороньего камня» была снята и «нечистая сила», которая с незапамятных времен держала в суеверной боязни жителей близлежащих деревень.

Всяких специалистов готовим мы для села, а вот пропагандистов атеизма — мало. Эту сложную и, я бы сказал, деликатную работу взяли на себя те же агрономы, механизаторы, учителя, врачи. Им надо помогать...

Карницкий обязательно приглашает на выездные лекции местную интеллигенцию. Побеседует, проконсультирует... А в самом Рязанском сельскохозяйственном институте, где он заведует кафедрой физики, вот уже более 20 лет работает организованная им школа молодого лектора. Выпускники института, получив в ней соответствующую подготовку, впоследствии ведут атеистическую пропаганду в колхозах и совхозах области. Практически все студенты института заканчивают школу молодого лектора, а это значит, что ежегодно село

получает более 300 квалифицированных пропагандистов.

Идею создания этой школы подсказала сама жизнь. Когда вслед за спутниками облетел на космическом корабле земной шар Юрий Гагарин, появился массовый интерес ко всему, что связано с Космосом. Заявки на лекции хлынули со всех концов области. А где взять столько лекторов? Вот и пришлось обратиться с призывом к студентам.

Желающих попробовать силы в лекторском деле оказалось много. Разработали несколько тем («Успехи СССР в освоении Космоса», «Человек — Земля — Вселенная», «Освоение Космоса и религия» и др.), и во время каникул студенты разъехались с путевками общества «Знание» по деревням и селам области.

Потом, когда к работе школы молодого лектора подключились остальные кафедры, были разработаны темы: «Ленин о религии и церкви», «Наука и религия об урожае», «Идеологическая борьба и религия» и другие. Совершенствовалась методическая работа, повышалось качество лекций, расширялась тематика. Теперь, во время каникул с лекциями выступали уже сотни студентов. Уже под силу оказались такие сложные формы работы, как тематические вечера, вечера вопросов и ответов, устные журналы. Стали традиционными массовые атеистические агитпоходы, посвященные историко-революционным датам и общественно-политическим кампаниям. На высоком уровне прошли такие походы в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, 60-летия Советской власти, 60-летия ВЛКСМ, а также в честь принятия новой Конституции СССР. В последнее время успешно выступают студенты с лекциями об июльском и ноябрьском (1978 г.) Пленумах ЦК КПСС, связывая в своих выступлениях практические задачи коммунистического строительства и мировоззренческие, идеологические вопросы. Сегодня школа молодого лектора Рязанского сельскохозяйственного института завоевала признание: она дважды была участницей ВДНХ, а ее организатору и наставнику Павлу Николаевичу Карницкому присуждена золотая медаль выставки.

— Действенность атеистической пропаганды — в ее связи с жизнью, с конкретными делами, поэтому мы стараемся вести атеистическую пропаганду в русле решения первоочередных задач коммунистического строительства.

Дальше Павел Николаевич поясняет, что главная задача сегодняшнего дня — это мобилизация всех трудящихся на высокопроизводительный труд, на повышение качества продукции, на выполнение планов десятой пятилетки. И приводит строки из Отчетного доклада ЦК КПСС XXV съезду партии: «...Современные условия выдвигают новые задачи перед идеологической деятельностью партии. Практика партийных организаций подсказывает нам путь, следуя по которому мы можем добиться повышения ее эффективности. Это — комплексный подход к постановке всего дела воспитания, то есть обеспечение тесного единства идейно-политического, трудового и нравственного воспитания с учетом особенностей различных групп трудящихся».

Сам Павел Николаевич привык больше всего заботиться о той части населения, которая еще недостаточно образована. А, как известно, именно здесь в основном встречаются религиозно настроенные люди.

— При работе именно с этими людьми, — говорит Карницкий, — очень важен принцип: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». А еще лучше, если факты зримо сопоставлять, сравнивать во время лекции, беседы. Путь для этого один — использование наглядных пособий...

Павел Николаевич в любом деле скор на руку. Но тут его мобильность просто поразительна. Уже на третий день после окончания работы XXV съезда КПСС он начал применять изготовленные в домашних условиях цветные диапозитивы, иллюстрирующие грандиозные планы десятой пятилетки. Высокое качество диапозитивов Карницкого отмечали многие мастера плаката, в частности заслуженный художник РСФСР, лауреат Государственных премий В. Корецкий. Правление общества «Знание» РСФСР тщательно изучило опыт Карницкого по изготовлению и использованию в лекциях наглядных пособий и рекомендовало широко использовать его краевым, областным, районным, первичным организациям.

Изготовление слайдов по методу Карницкого привлекает не только оперативностью, что, безусловно, очень важно. Дело еще в том, что слайды, разработанные и изготовленные самим лектором, как правило, лучше, нежели серийные, соответствуют и характеру пропагандиста, и содержанию его лекции, и его аудитории. В частности, открываются неограниченные возможности для использования местных фактов. Так, на одном из диапозитивов, показанных во время лекции рязанским энергетикам, Карницкий сравнил Рязанскую ГРЭС с Днепрогэсом. Оказывается, она будет давать электроэнергии в четыре раза больше, чем Днепрогэс первой очереди.

Методика подготовки лекций, сопровождаемых показом диапозитивов, а также предложенная Карницким технология изготовления слайдов в общем-то не сложны. Тем не менее пропагандисты многих областных организаций общества «Знание» РСФСР изъявили желание познакомиться лично с Карницким и его материалами. Так деятельность рязанского лектора-атеиста перешагнула границы области. С лекциями по материалам XXV съезда партии, июльского и ноябрьского (1978 г.) Пленумов ЦК КПСС, на которых он использует технические средства пропаганды, и с рассказом о технологии изготовления наглядных пособий он уже выступил на семинарах пропагандистов в 18 областях республики и на всесоюзном совещании пропагандистов общества «Знание» СССР, состоявшемся в Пензе.

С каждой нашей встречей я все больше восхищаюсь энергией Павла Николаевича. Как-то встретил его с чемоданом у подъезда Политехнического музея, где разместилось Всесоюзное общество «Знание». Поинтересовался, далеко ли он собрался. «Чемодан? Так это же современная лекция! В портфель не влезает», — и весело захохотал. Раскрыл чемодан: ни одной бумажки. Эпидиаскоп, коробки со слайдами. А когда я поздравил его с наградой, полученной недавно от Правления общества «Знание» РСФСР, пропустил мимо ушей — не любит Карницкий говорить о наградах.

В. АНДРЕЕВ,
доцент Нижнетагильского педагогического института, кандидат философских наук

ГОД ЗА ГОДОМ

Уже более 30 лет Нижнетагильский университет марксизма-ленинизма готовит высококвалифицированных пропагандистов по различным отраслям знаний. Из многих его факультетов атеистический — самый молодой: он создан в 1972 году. Уже было два выпуска. 134 человека получили дипломы. Среди них — 45 инженеров и мастеров промышленных предприятий, 36 учителей средних школ, 12 преподавателей ГПТУ, 10 врачей, восемь воспитателей детских садов.

Анализируя учебную и практическую деятельность других факультетов, мы пришли к выводу, что работоспособность слушателей в немалой степени зависит от того, как пройдет первое занятие, какое впечатление оставит. Обычно оно начинается с разговора о роли и месте религии в современном мире. Почувствовав интерес аудитории, преподаватель отступает от рамок академической лекции и переводит ее в беседу, в ходе которой рассказывает об особенностях и задачах факультета, намечает программу практической работы.

Уже на первом курсе мы стремимся выявить склонность слушателей к исследовательской работе. План, литературу и объем реферата каждый определяет самостоятельно. На втором году обучения слушатели пишут еще по одному реферату — основу будущей лекции. Окончательный вывод об исследовательских способностях слушателей делается на теоретических конференциях.

Большое значение мы придаем семинарским занятиям, в ходе которых изучаются первоисточники. Анализу основных книг Библии и их критике, помимо семинарских занятий, посвящается и ряд рефератов. Думая о том, как лучше теоретически и практически вооружить слушателей, мы готовим различный вспомогательный материал. Так, каждый из окончивших факультет в 1974 и 1977 годах, помимо полного систематического курса лекций по научному атеизму, получил «Памятку организатора атеистической работы на предприятии», список имеющихся в городском кинопрокате атеистических фильмов, а также перечень диапозитивов и диафильмов, которыми располагает методкабинет городской организации общества «Знание».

Вообще кино, на наш взгляд, — один из наиболее действенных помощников в усвоении программного материала. Вот почему в начале второго года обучения мы открываем в одном из Домов культуры города кинолекторий, где демонстрируются документальные и художественные фильмы. Так, в прошлом учебном году за восемь месяцев наши слушатели просмотрели около 20 фильмов.

Интерес слушателей к проблемам атеизма проявляется, в частности, и в такой форме, как массовая подписка на журнал «Наука и религия» и брошюры серии «Научный атеизм». Постепенно будущие пропагандисты начинают систематически читать не только популярную, но и специальную научную литературу. Они организуют у себя на работе атеистические уголки и выставки, проводят вечера вопросов и ответов, выступают с беседами.

Как правило, после окончания университета все становятся активными пропагандистами научного атеизма у себя на предприятии или в учреждении. Одни из них берут на себя нелегкий труд организатора атеистической работы в цехе, отделе, поликлинике, другие ведут индивидуальную работу, третьи выступают в печати или по местному радио со статьями и беседами атеистического содержания. Хорошо, например, отзываются руководители предприятий и учреждений об инженерах Т. В. Кузнецовой, М. Д. Сальникове, Н. Г. Успенской, врачах Т. Н. Кирилловой, Е. Ф. Антоновой, Э. Ф. Климовой, В. М. Мишуковой, воспитателях детских садов А. Г. Киричковой, Т. Т. Яковенко, Н. И. Зорихиной.

Более трети слушателей факультета составляют преподаватели школ и ГПТУ. Среди них — не только учителя-предметники, но и директора, замы по воспитательной работе. С большой теплотой мы говорим о Зое Сергеевне Коротковой — директоре средней школы № 1, Гелии Александровиче Цимлякове — директоре школы № 3, Ларисе Михайловне Сетьковой — завуче школы № 5. Все они, несмотря на крайнюю занятость, находили время не только посещать занятия, но и быть инициаторами интересных дел на факультете.

Если пройти по школам и техническим училищам нашего города, то можно заметить, что атеистическая работа поставлена лучше всего там, где трудятся выпускники факультета. Интересен, в частности, опыт работы в средней школе № 18, где директором Г. Б. Зайцева. В этой школе учатся много детей из семей верующих, а поэтому основной формой работы здесь считают индивидуальную. В 1975 году на базе школы проведен кустовой семинар замов по воспитательной работе.

Получив в период обучения навыки организаторской работы, многие наши выпускники со временем становятся не только хорошими пропагандистами, но и квалифицированными руководителями атеистических секций при районных организациях общества «Знание». Хорошо на этом поприще зарекомендовали себя А. Д. Кузнецов, А. И. Овсянников, И. Г. Сухова, М. В. Прокопьева. С интересными лекциями перед населением Нижнего Тагила выступают Г. И. Шарыгина, Р. А. Котельникова, Н. П. Охотенко, З. С. Короткова и другие.

Писать о планах и делах выпускников атеистического факультета можно много. Однако мы далеки от мысли, что у нас все идет хорошо и гладко. К сожалению, пока не все руководители цехов и отделов промышленных предприятий как следует помогают организаторам атеистического воспитания. Недостаточно хорошо поставлена атеистическая работа в комсомольских организациях, которые почти не используют наших выпускников-комсомольцев в атеистической пропаганде. Тем не менее мы уверены в главном: выбранный нами курс верен. А это позволяет надеяться на хорошие результаты уже в самые ближайшие годы.

г. Нижний Тагил
Свердловской области

П. ГЛАДЫШЕВ,
консультант Дома политпросвещения

ПУТЬ К СЕРДЦУ

С тех пор минуло немало лет, а я как сейчас помню Надино лицо. В свое время, не поступив в институт, девушка осталась жить у родственников, людей, как потом оказалось, набожных. Часто они уходили на молитвенные собрания, приглашая и ее. И однажды она пошла, потом еще и еще... Сначала было просто интересно посмотреть, послушать, а позже она скажет, что «уверовала».

Не знаю, как сложилась дальнейшая судьба Нади, хватило ли у нее сил и воли освободиться от религиозных иллюзий, повезло ли ей так, как повезло Лилии Никитиной...

В Зыряновское ГПТУ-6 Лилия приехала уже убежденной верующей. Девушка без труда нашла в городе «братьев» и «сестер» и стала ревностно посещать богослужения. Молодая, общительная, она хорошо пела под гитару. Ребята потянулись к ней. О том, где Лилия проводила свободное от учебы время, узнала Нина Яковлевна Скрипченко, работавшая тогда в училище заместителем директора по воспитательной работе. Человек внимательный и решительный, Скрипченко предложила Никитиной жить у нее. Девушка согласилась.

С того дня у Нины Яковлевны с Лилией начался откровенный и долгий диалог о вере и атеизме. Знакомство с атеистической литературой Лилия вначале категорически отвергла. Стали читать Библию. С каждой прочитанной главой у Никитиной все больше открывались глаза на священную книгу. Девушка все чаще спрашивала: «Как же так? Ведь об этом нам на собраниях не говорили». Через некоторое время она уже размышляла: «В Библию я уже не верю, но бог все же есть. Не может человек жить без веры».

Однажды по телевидению показывали фильм «Сердце Бонивура». За событиями на экране Лилия следила с затаенным дыханием. Сцена казни героя ее потрясла. Спустя некоторое время, возвращаясь к разговору о фильме, Нина Яковлевна сказала:

— У Бонивура была короткая, но яркая жизнь. Ты задумывалась над тем, во имя чего он ее отдал? Для него борьба за счастье людей была превыше всего...

Медленно, не без душевных мук и колебаний отходила Лилия от религии. Она начала участвовать в общественной жизни училища, а вскоре ей вручили красную косынку ударницы коммунистического отношения к учебе... Однако прошел не один год, прежде чем в областной газете появились вот эти слова Никитиной:

«Нашелся человек, который очень захотел мне помочь, — Нина Яковлевна Скрипченко. От противоречия к противоречию священного писания вела меня мой друг, подробно и убедительно объясняя законы жизни человеческого общества, природы. А как долго мы засиживались вечерами! Многое узнала от нее я в тот год. От моей веры в несуществующего бога не осталось и следа.

Я уверена, что любого верующего можно разубедить в его религиозных заблуждениях. Только нужно это делать доброжелательно, терпеливо объясняя человеку то, что ему непонятно».

Процесс отхода от религии — сложен. Можно только сказать, что к уму и сердцу каждого верующего ведет своя, единственная тропка, которую пропагандисту и надо найти, как нашла ее Н. Я. Скрипченко.

Известно, какое серьезное внимание баптистские проповедники уделяют пополнению своих рядов за счет молодежи. Когда Михаил Антонович Пересыпкин, в то время директор одной из начальных школ города Зыряновска, а теперь методист гороно, впервые узнал, что среди его учащихся есть верующие, он был удивлен. Ему не приходилось сталкиваться с подобными фактами.

Первые встречи с верующими учениками вначале обескуражили его. Пробовал Михаил Антонович разговаривать о вере в бога — они, потупившись, отмалчивались. Поразмыслив, Пересыпкин понял, что недооценил обстановку, в которой жили дети баптистов. Да и сами знания о баптизме были у него недостаточны.

Пришлось основательно проштудировать атеистическую литературу, Библию, походить на молитвенные собрания, вступать в споры, на которые его вызывали проповедники (рядовые верующие, как заметил он, в разговоре обычно не участвовали). Не всегда выходил Пересыпкин из этих дискуссий победителем. На первых порах баптисты ловко использовали его неосведомленность в некоторых вопросах. Но эта полемика способствовала углублению знаний Михаила Антоновича, заставила подумать о наиболее действенных методах материалистического воспитания школьников.

Атеистическая работа постепенно приносила свои плоды. Из семи верующих ребят пять вступили в октябрята и приобщились к общественной жизни школы, стали ходить в кино (для детей это целое открытие). В свой актив учителя могли записать, что община постепенно утрачивает былое влияние. Далеко не все ребята из семей верующих ходят сегодня на молитвенные собрания. Молодежь идет своей дорогой, отличной от пути религиозных родителей.

Что же делается сейчас в области для пропаганды атеизма? В вечерних университетах марксизма-ленинизма Усть-Каменогорска, а кроме того и Зыряновска, имеются отделения научного атеизма. Работает также областная школа лекторов-атеистов. В минувшем году по научно-атеистической тематике члены областной организации общества «Знание» прочитали более 2700 лекций. В Лениногорске при молодежных общежитиях и некоторых клубах созданы атеистические лектории, а в Шемонаихинском районе — киноклуб. Тщательнее ведется подбор пропагандистов и агитаторов-атеистов. Учитывается их образование, авторитет, умение общаться с людьми. Перед населением выступают партийные работники, учителя, врачи, специалисты народного хозяйства. Во всех селах демонстрируются художественные и хроникально-документальные фильмы. Организуются тематические вечера вопросов и ответов.

Не остаются в стороне и культурно-просветительные учреждения. Многие сельские клубы орга-

низуют выступления художественной самодеятельности на атеистические темы. Значительная часть библиотек имеет специально оформленные стенды атеистической литературы. Обзоры ее передаются по радио, созываются читательские конференции.

Большая работа проводится также по внедрению советских обрядов и праздников, таких, как торжественная регистрация новобрачных и новорожденных, посвящение в рабочий класс, вручение юношам и девушкам паспортов, проводы в армию, вечера трудовой славы и многие другие. Что это дает, видно на таком примере. В ряде городов области продуманное, тщательно подготовленное проведение 9 мая Дня памяти умерших и погибших в годы гражданской и Великой Отечественной войн сразу же привело к сокращению посещений кладбищ в церковный поминальный день.

Людям, свободным от религиозных предрассудков, порой кажется невероятным, что в наше время, время величайших достижений науки, техники, культуры, есть люди, которые верят в бога. И здесь кроются корни легковесного, поверхностного отношения к атеистической работе. Коль религия — абсурд, а религиозные взгляды — всего-навсего «случайное заблуждение», то стоит ли особенно задумываться над тем, как вести атеистическую пропаганду?

Мне вспоминается беседа с председателем правления Глубоковской районной организации общества «Знание» Анатолием Марковичем Тупием о работе научно-атеистической секции. Собственно, разговаривать было не о чем, поскольку секция бездействовала. Припоминали, кто же ее возглавляет, да так и не вспомнили. Думаю, самоуспокоенность была безосновательной.

В свое время шел серьезный разговор о постановке атеистического воспитания в колхозе имени XX съезда КПСС Шемонаихинского района. Атеисты здесь бездействовали. Такое же положение было и в ряде других районов области. Партийные, профсоюзные, комсомольские организации наметили ряд мер, которые помогли в значительной мере исправить недостатки.

Практика показывает, что лишь там умело и квалифицированно ведется атеистическая пропаганда, где атеисты по-настоящему увлечены ею, чувствуют к ней вкус. Но ведь вкус и увлеченность не приходят сами собой, они воспитываются и развиваются в процессе учебы и практической работы.

г. Усть-Каменогорск
Казахской ССР

ОБРАЩАЯСЬ К ЖУРНАЛУ

Сейчас могу сказать, что побудительным стимулом к тому, чтобы впервые прочесть журнал «Наука и религия» было любопытство. С интересом прочитав первые номера, стала рекомендовать его учащимся школы, в которой вела производственное обучение. Затем, уже будучи библиотечным работником, проводила читательские конференции, обзоры, организовывала тематические выставки, неизменно используя журнал.

Уже в те годы я поняла, как помогает журнал формированию атеистических убеждений. Больше того, в значительной степени и мои убеждения складывались под влиянием журнала.

В 1964 году я поступила в университет марксизма-ленинизма на факультет научного атеизма. По мере того как опытные преподаватели раскрывали предо мной сущность этой области знания, я все чаще прибегала к сведениям, почерпнутым из журнала. Так я стала его регулярным подписчиком.

Сейчас я заведую областным Домом научного атеизма. Мы часто и успешно используем такую форму работы, как обзоры «По страницам журнала «Наука и религия».

И. ГЛАДЫШ,
директор Дома научного атеизма

г. Одесса

КЛУБ ПРИ ОБЩЕЖИТИИ

В учебных заведениях, домах культуры профтехобразования Российской Федерации в настоящее время активно работают сотни лекториев, кинолекториев, атеистических клубов, где читаются лекции и беседы, проводятся тематические вечера, читательские конференции, диспуты, устные журналы. Причем в последние годы культурно-просветительные учреждения профтехобразования ориентируются на проведении атеистической пропаганды непосредственно в общежитиях. Практика показывает, что воспитательный эффект такой работы достаточно высок.

Хорошо зарекомендовал себя, например, клуб «Молодой атеист», созданный четыре года назад в ГПТУ № 68 Центральным Домом культуры учащихся профессионально-технических учебных заведений. Члены клуба — учащиеся строительного училища, приехавшие в Москву из разных районов Нечерноземья. К занятиям удалось привлечь квалифицированных лекторов, разработана интересная программа, рассчитанная на год. Сюда входят теоретические лекции, беседы, встречи с бывшими верующими, экскурсии в естественнонаучные и художественные музеи, посещение театров, вечера вопросов и ответов. Некоторые лекции и беседы сопровождаются показом диапозитивов, художественных, документальных и научно-популярных фильмов.

Члены клуба — не только отдельные учащиеся, но и целые группы. Показателен пример, в частности, группы № 18, в которой учатся будущие маляры и отделочники. Вместе с мастером производственного обучения Т. И. Олейниковой они посещают клуб со дня его основания. Сегодня ребята — уже на последнем, третьем курсе, и все это время они активные слушатели клуба. Думается, что, придя на стройки, они смогут успешно вести атеистическую работу.

А. ЖАРИКОВ,
руководитель клуба «Молодой атеист»

Нужен разговор по душам

Э. ТАКЕЛЛО,
председатель научно-методического совета по пропаганде научного атеизма при правлении Омской областной организации общества «Знание»

Однажды был я свидетелем разговора двух пропагандистов, суть которого заключалась вот в чем: почему, несмотря на исключительно благоприятные условия, результаты научно-просветительской работы еще скромны? Ответ тут напрашивается один: мы не используем в полной мере ее возможности. Не буду касаться всех наших недостатков, скажу лишь об одном. О дефиците теплоты.

Давно известно, что недостаток теплоты в человеческих отношениях может толкнуть человека к религии. Еще К. Маркс отмечал, что религия — это сердце бессердечного мира, а В. И. Ленин указывал, что одиночество питает ее корни.

Октябрь подорвал у нас в стране социальные корни религии, которые порождали бессердечие, отчуждение между людьми. Но мне представляется, что еще и сегодня сохраняются тут некоторые причины социально-психологического характера, которые могут привести людей нестойких в церковь именно в поисках теплоты и участия. Вспомним хотя бы тот факт, что в религиозных общинах преобладают женщины. Ведь объясняется это в числе многих других причин также неурядицами в их личной жизни.

Как-то в молитвенном доме я заметил уборщицу из нашего института. Разговорились. «Душой отдыхаешь, — ответила она на вопрос, почему ходит в общину. — Поплачешь — сердце облегчишь. Человеком себя чувствуешь». Последняя фраза показалась странной: в церкви, где тебе неоднократно напоминают, что ты — раб божий, червь земной, и вдруг—человеком! Но нужно было услышать ее рассказ о безрадостной жизни в семье, муже-пьянице, непутевых детях... Вот уж, действительно, все познается в сравнении.

Пропагандистам, ведущим индивидуальную работу с подобными людьми, очень нужна тонкая, умная и своевременная помощь со стороны общественных организаций и государственных органов. Увы, получают они ее не всегда...

Несколько лет назад в клубе «Металлист» была организована встреча жителей с пропагандистами Центрального района города Омска. На ней выступил председатель райисполкома. Он рассказывал о перспективах развития района, о культурном, бытовом и жилищном строительстве. Затем состоялась беседа, в которой принял участие и лектор-естественник. Во время перерыва юрист давал консультации по трудовому законодательству. В заключение агитбригада клуба показала небольшой спектакль. Слова «религия», «церковь», «верующие» не звучали под сводами клуба, хотя атеистическое значение вечера было безусловно значительным. Вечер явно удался. К сожалению, впоследствии подобные мероприятия повторялись тут не столь часто.

В Любинском районе нашей области есть колхоз имени Ленина. На его территории — деревни Квасовка, Казанка, Матюшино, где живут немало верующих. Председатель сельсовета Д. А. Вольтер — частый гость в их домах. Он разъясняет людям положения советского законодательства о религиозных культах, рассказывает о конституционных гарантиях свободы совести. Беседы проходят товарищески, доверительно. В школе, что на центральной усадьбе, большую работу по интернациональному воспитанию молодежи проводит преподаватель немецкого языка П. П. Свирская. Ведь нередко «религию отцов» местные верующие воспринимают как неотъемлемый элемент своей национальной культуры. Вот почему интернациональное воспитание здесь неизбежно получает атеистический аспект.

Такая же работа ведется в хозяйствах Исилькульского района и в самом районном центре. К сожалению, в других районах организаторы атеистического воспитания не очень утруждают себя такой кропотливой работой.

А это, на мой взгляд, — одна из главных задач атеистической работы на современном этапе. Такой сугубо индивидуальный подход помогает привлечь верующего человека к общественной жизни, способствует раскрепощению от уз религиозного миропонимания. Гуманное, проникновенное слово пропагандиста и его подлинно человеческое отношение к людям в сочетании с глубокой идейной убежденностью и страстностью — вот что дает наиболее действенные результаты в нашей работе.

г. Омск

Вишневецкие беседы

Ю. ХОЛОПОВ,
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

Благоустроенный центр деревни Вишневец, что в Столбцовском районе Минской области, приятно поражает приезжего: строгое, нарядное здание новой школы-десятилетки, современная столовая и магазин. Рядом, через опрятную площадь, — новенький Дворец культуры.

Спрашиваю заместителя председателя колхоза имени Мичурина Михаила Александровича Кутаса, богат ли колхоз, и он с гордостью поясняет:

— В области не самый богатый, просто крепкое хозяйство. В районе с нами считаются. Вот видите, мы не пожалели 400 тысяч рублей на новый Дворец культуры, а деньги, согласитесь, немалые. Это, наверное, кое о чем говорит. Дворец наш сегодня — действительно центр культурной жизни колхоза. Здесь отличная библиотека, на интересных вечерах, концертах всегда полно зрителей. И все делается силами актива.

На втором этаже заведующая библиотекой Вера Васильевна Девойна гостеприимно открыла широкие застекленные двери и ввела нас в свои владения. Тут много света и воздуха. Стройные ряды книжных стеллажей, между которыми можно свободно пройти и выбрать, что душе угодно. Сегодня заведующая сельской библиотекой занята важным делом. У большого стенда с журналами собрались члены актива: готовится очередной вечер клуба читателей журнала «Наука и религия».

— Два года назад на такие вечера людей приходило мало, — рассказывает Вера Васильевна, — человек 12, одни женщины. В колхозе и до этого читали журнал, но немногие и от случая к случаю.

Работа с журналом поначалу была незамысловата: кто-либо из сельского актива или сама Девойна читали статьи вслух. Новую форму работы подсказал сам журнал. Однажды, когда лектор партийной организации колхоза И. М. Анифер проводил в клубе очередной обзор, зашел разговор о знахарстве, а дальше, как-то само собой получилось, перешел на другие вопросы. Выяснилось: старыми темами ограничиваться нельзя. Собрали научно-атеистический совет, который решил провести вечер для жителей входящих в колхоз имени Мичурина деревень.

Готовили его старательно. В фойе Дворца культуры работники библиотеки оформили стенд с номерами «Науки и религии». Фельдшер А. А. Антонович на конкретных примерах объяснила происхождение знахарства, преподаватель В. А. Баранова показала несложные химические опыты, акушерка Л. И. Новицкая рассказала о достижениях медицины в предупреждении детских заболеваний. Вечер понравился. Так встречи читателей журнала превратились в своеобразные атеистические вечера.

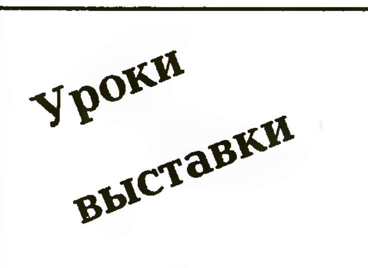
Сейчас колхозники собираются на них раз-два в месяц, в зависимости от полевых работ. Помимо обсуждения статей из очередного номера журнала, проводятся обзоры и диспуты. Вопросы слушателей подсказывают, какие темы должны стать основой будущих докладов, вечеров. Самое живое участие в работе принимает актив Дворца культуры: директор школы Н. М. Климко, заведующая клубом Л. В. Ивашко, преподавательница химии Р. В. Нестерович, медсестра Т. А. Жилинская. Без активного участия клуба читателей теперь не обходится ни один праздник в деревнях.

Часто приезжает в Вишневец Нина Васильевна Терентьева, заведующая районной библиотекой. Ее интересует не только работа коллег, но и деятельность созданных при библиотеках района 50 клубов читателей журнала «Наука и религия».

— В каждом таком клубе, — рассказывает Нина Васильевна, — есть и молодежь, и пожилые люди. В молодежной группе — школьники-старшеклассники, а младшие обычно занимаются в кружках «Юный атеист». Особенно

ребят интересует все, что связано с историей страны. Они учатся работать с книгой, спрашивают, если что непонятно. Для них проводим тематические вечера познавательного характера.

Однако сам по себе журнал даже вместе с другой атеистической литературой вряд ли окажет действенную помощь, если работу не возглавят люди, хорошо подготовленные, уважаемые, авторитетные. Это в Столбцовском районе отчетливо понимают, и потому серьезное внимание обращено на подбор и воспитание атеистических кадров. За минувшие годы местный народный университет научного атеизма окончили 112 лекторов, агитаторов, работников культуры. Постоянно действуют тут и семинары, где слушатели изучают методику атеистического воспитания.

Э. ГУСЕВА,
специальный корреспондент журнала «Наука и религия»

Львов, Ставропигийская, 1... По этому адресу направляются многочисленные группы экскурсантов, а также зарубежные туристы. Здесь расположен Музей истории религии и атеизма, который ведет плодотворную работу по атеистическому воспитанию трудящихся. В частности, вместе с коллективом Львовского Дома народного творчества сотрудники музея организовали передвижные тематические выставки художников-любителей в районах области.

Многие картины здесь написаны под впечатлением пережитого и несут ярко атеистическую нагрузку. Их создавали художники старшего поколения, познавшие гнет панской Польши, участники событий последней войны. Они знают, как вели себя в те годы многие служители церкви, помнят пастырские послания, требовавшие подчинения фашистской власти, призывавшие сдавать оккупантам продукты, выезжать на работу в Германию... Этих деятелей религии точно характеризуют слова писателя-трибуна Ярослава Галана: «Униатская церковь родилась 350 лет назад в атмосфере предательства... Проклятие позорного прошлого шло за ней через всю ее историю, проклятие многих поколений украинского народа висит над ней как неумолимый приговор».

Вот почему работы, представленные на этих выставках, интересны не только с позиции художественного творчества, но и с мировоззренческой.

30 полотен представлены на передвижной выставке. Все их отличает разная степень мастерства, различная манера исполнения. А что касается содержательной стороны, то организаторы отобрали для показа картины, отражающие деятельность церкви. Религия порой оправдывает и освящает самые несправедливые войны, а церковь выступала прислужницей фашистов, — эти мысли проходят красной нитью в картинах самодеятельных художников.

Немало картин посвящено кровавой истории насаждения католичества и униатства на украинских землях.

...«Где крест, там и смерть», — так назвал свою картину самодеятельный художник из села Блажов Самборского района Я. Цыбулько. На переднем плане — распятие, которое как бы делит картину на несколько фрагментов: расстрел советских людей гитлеровцами, камера пыток фашистского концлагеря, виселицы, политая кровью земля. Художник изображает события второй мировой войны с документальной достоверностью, заставляет зрителя вспомнить, как с «благословения» служителей культа действовали «фабрики смерти» на львовской земле.

...На высоком холме во Львове стоит собор святого Юра. Здесь митрополит Шептицкий благословил бандеровщину. Здесь правили службу во здравие «янычар» из дивизии СС «Галичина». Слишком много зла родилось под сводами собора, чтобы люди видели в нем только шедевр архитектуры стиля барокко. Эту мысль выразил в своих картинах житель Червонограда И. Ляшенко. Апофеоз «деятельности» униатов на полотне художника выглядит так: зловещая фигура митрополита на горе из черепов, на черной сутане — фашистская свастика...

Безусловно, историческое прошлое Львовской земли обязывает и сегодня говорить обо всем этом. Но жизнь призывает обратиться и к другим темам, раскрыть отношение современного человека к религии... Броско, плакатно выполнены работы червоноградского рабочего Н. Холонивцева и мастера Львовского завода кинескопов А. Герасимова. Они убеждают: религиозное восприятие мира связывает силы человека, обедняет его духовно.

Правда, в ряде работ авторы не сумели достаточно глубоко проникнуть в тему. Сжечь Библию, сорвать с себя крест — так порой упрощенно понимают они разрыв с религией. Недаром один из членов жюри этой выставки — директор Львовской картинной галереи Б. Г. Возницкий высказал мнение о том, что пока еще атеистическое творчество художников-любителей слабо в сюжетном отношении и не лишено подражательности.

Художественная выставка, посвященная такой тематике, — хорошее начинание. Оно ведет к расширению рамок атеистического воспитания, к его углублению. Одновременно она показала, что многие художники еще недостаточно хорошо понимают роль религии в жизни людей, не обладают в этой сфере достаточными знаниями. Очевидно, самодеятельным художникам надо помочь лучше осмыслить и содержательную сторону и найти более яркие методы и формы выражения, воздействия на зрителей. Верится, что организаторы выставки учтут ее уроки и не только подскажут новые темы людям, создающим такие полотна, но и подкрепят их атеистические настроения глубоким пониманием предмета.

ТЕМАТИКА ВЫСТУПЛЕНИЙ АГИТАТОРОВ, ПОЛИТИНФОРМАТОРОВ, ДОКЛАДЧИКОВ И ЛЕКТОРОВ

Марксистский подход к религии.

Ленинские принципы атеистического воспитания.

XXV съезд КПСС о формировании научного мировоззрения.

Отношение Советского государства к религии, церкви и верующим.

Конституция СССР и свобода совести.

Советское законодательство о религиозных культах.

Атеизм как закономерность духовного прогресса человечества.

Социалистический образ жизни и развитие атеизма.

Атеизм и формирование активной жизненной позиции.

Гуманизм и атеизм.

Наука и религия об обществе.

Научно-техническая революция, атеизм, религия.

Православие и современность.

Идеология христианского сектантства.

Ислам сегодня.

Что такое буддизм.

Иудаизм и сионизм.

Критика клерикального антикоммунизма.

Атеизм и современная идеологическая борьба.

Комплексный подход к научно-атеистическому воспитанию.

Единство идейно-политического и атеистического воспитания.

Нравственное и атеистическое воспитание.

Интернациональное и атеистическое воспитание.

Атеистическое воспитание в семье.

Научно-атеистическое воспитание учащейся молодежи.

Использование культурного наследия прошлого в атеистическом воспитании.

Роль социалистической обрядности в преодолении религиозных традиций и обычаев.

ПОЧЕМУ МЫ СПИМ?

Просьбы рассказать о работах ученых, исследующих сон, — постоянные в читательской почте журнала.
Пожалуй, не было такого времени, когда воображение людей не привлекали бы тайны головного мозга, смена состояний бодрствования и сна. Но научное исследование этих процессов, подлинное, а не мистическое объяснение началось в основном со второй половины XIX века. До тех пор пугающе непонятный мир сна люди, по сути, полностью отдавали во власть сверхъестественного.
Сон издавна считался особым состоянием, которое наводят боги, чтобы сообщить в нем свои откровения, прорицания. Мифы разных народов и Библия хранят многочисленные свидетельства таких представлений. Долгое время непостижимость этой стороны жизни человека была следствием недоступности мира сна для научного исследования, предполагаемого его отрыва от материальной основы — центральной нервной системы. Только в 30-х годах нашего века ученые смогли «заглянуть» в таинственные глубины головного мозга и получить записи биотоков его нейронов, свидетельствующие о характере их активности.
В наши дни во многих физиологических лабораториях мира идет штурм бастиона сна, широкая экспериментальная проверка идей, гипотез, касающихся состояния нервной системы в различные периоды сна. Наука открыла здесь материальные процессы, доступные изучению. В работе принимают участие представители разных областей науки. Сегодня мы предоставляем слово биохимику, доктору биологических наук, профессору Н. Н. ДЕМИНУ, руководителю лаборатории функциональной нейрохимии Института физиологии имени И. П. Павлова АН СССР.

Беседу с ним записала корреспондент нашего журнала В. Астахова.

Фото В. Опалина.

Прошло уже более 20 лет со времени открытий, заставивших пересмотреть большинство прежних представлений о нашем сне. Было установлено, что сон — это не торможение, состояние пассивного отдыха, снижение жизнедеятельности, а весьма активный процесс, связанный с возбуждением определенных структур мозга и активным торможением других. В частности, особая фаза наиболее глубокого сна — «быстрый», или, как часто его называют, парадоксальный сон, с быстрыми движениями глаз и электрической активностью коры мозга, не отличающейся от активности в бодрствовании. Сейчас исследования этой проблемы пошли по двум основным направлениям: постижение биохимических механизмов сна и выявление тех изменений в нервной системе, которые побуждают нас спать. В первом направлении уже есть много интересных работ. Прежде всего — это результаты поисков французского ученого Мишеля Жувэ.

Смена различных фаз сна (а также быстрый переход от бодрствования ко сну) сопровождается сменой активности нервных клеток (нейронов) в стволе мозга. Причем сейчас удалось установить, от активности каких мозговых структур зависит бодрствование, от каких — переход в фазу медленного сна, а затем к парадоксальному сну. И все же полностью этот механизм еще не расшифрован, хотя и тут уже есть достаточно обоснованная гипотеза. О ней можно сказать, воспользовавшись образным сравнением М. Жувэ: как у хорошего банкира сейф открывается тремя ключами, так быстрый сон, очевидно, зависит от возбуждения трех структур, выделяющих серотонин, ацетилхолин и норадреналин. Это — медиаторы, то есть вещества, передающие нервный импульс от нейрона к нейрону. Загадочные механизмы возникновения трех состояний, в которых мы живем, — бодрствования, медленного и быстрого сна, постепенно начинают проясняться.

Быстрые движения глаз в быстром сне, вероятно, связаны с возбуждением выделяющих ацетилхолин нейронов, находящихся в так называемой ретикулярной формации мозга. Другая система вызывает падение тонуса всех скелетных мышц при быстром сне — у человека это единственный период полного их расслабления.

В опытах Жувэ быстрый сон исчезал, если у животных разрушали ядра ретикулярной формации, расположенные в одной из структур — так называемом варолиевом мосту. От него исходит влияние, которое вызывает нейронную активность в зрительной системе мозга. Возможно, эта активность и обусловливает появление зрительных образов в сновидениях. Движения глаз в быстром сне не имеют никакого отношения к просматриванию фантастических картин

сна. У подопытных животных в быстром сне наблюдаются признаки особой деятельности лимбической системы мозга, играющей важную роль в механизмах эмоций и памяти. Все это способствует формированию «небывалых комбинаций из бывалых впечатлений», то есть наших сновидений: и эмоции, и память, и ощущения извне, и сигналы, поступающие от внутренних органов. Таким образом, во многом еще загадочный механизм возникновения сновидений теперь тоже начинает проясняться.

Вскоре после открытия медленного и быстрого сна американский исследователь К. Гаарднер предложил так называемую информационную гипотезу. Это была первая попытка объяснить, для чего мы спим и, в частности, столь высокую активность коры мозга, как в быстром сне. Гаарднер обратился к аналогии между мозгом и счетно-решающими машинами. В течение дня мозг накапливает огромную информацию, дальнейшее усвоение которой затрудняется по мере того, как ее количество превышает необходимый минимум. Этот минимум оформляется в качестве программы действий на будущее, а ненужная информация отбрасывается. «Наилучший способ избавиться от тяжелого беспокойства или умственной путаницы — переспать их!»[1] — писал Норберт Винер, и этот афоризм одного из основателей кибернетики вполне укладывается в информационную гипотезу Гаарднера. Согласно ей, перерабатываются не только осознанные, но и неосознанные впечатления, поэтому такая переработка иногда превосходит работу мозга в бодрствовании[2].

Помимо переработки впечатлений, возможно и прогнозирование событий, которое в быстром сне по той же причине (анализ осознанных и неосознанных впечатлений) может по качеству превосходить дневное. Так информационная гипотеза своими данными отчасти объясняет явления «вещих снов». Не таинственные откровения свыше, а реальные законы жизнедеятельности мозга. Ученые в разное время давали объяснения «ночным откровениям» спящих людей. Эти объяснения были далеки от мистики. В. Я. Данилевский считал их результатом влияния внушения на сновидение, В. М. Бехтерев — влиянием сновидения на последующий поступок, другие ученые — ошибками памяти и иллюзией ложного узнавания.

Н. Е. Введенский сделал попытку объяснить, почему может сбыться пророчество старинного сонника, утверждавшее, что покойник, мол, снится к перемене погоды. Согласно наблюдениям этого выдающегося физиолога, при ухудшении погоды сон глубже, и в этом случае сновидения по содержанию относятся к более отдаленному прошлому. Исследования ученых направлены на то, чтобы выяснить материалистическую причину, объяснить загадочное явление, если оно существует, или опровергнуть, если его нет в действительности.

Ясно, что человек спит не для того, чтобы во сне получать откровения. А для чего же? Почему сон — эта удивительная работа мозга — приносит ощущение обновления и отдыха?

В начале нашего века ученые предложили несколько теорий, объясняющих необходимость сна. Французские исследователи Р. Лежандр и А. Пьерон в начале нашего века опубликовали работу, где говорилось о том, что при длительной бессоннице в сыворотке крови, в тканях мозга и спинномозговой жидкости собак накапливаются вещества, способные вызвать сон у бодрствующих животных.

Уже в наше время американский биохимик Дж. Паппенхаймер и швейцарец М. Моннье сумели доказать, что в мозгу спящих животных появляется вещество, способное вызывать медленный сон у бодрствующих. Моннье выделил это вещество в чистом виде из сыворотки крови кроликов. Паппенхаймер обнаружил в спинномозговой жидкости коз, спавших после длительного лишения сна, фактор, его вызывающий. Моннье назвал найденное им вещество «дельта-фактором». Оно оказалось пептидом — производным девяти аминокислот, и его удалось искусственно синтезировать. Так было получено естественное снотворное, одинаковое для всех млекопитающих, в том числе и для человека. Но оно вызывает лишь медленный сон.

«Дельта-фактор» появляется при сне. Но почему появляется сон? Вызывает ли его это вещество или же появление «дельта-фактора» есть следствие наступления сна? Какие биохимические изменения происходят во сне в клетках мозга? И если происходят, то в каких фазах: в быстром или медленном сне (или в том и другом)?

Объектом исследования в нашей лаборатории были крысы. Сон у них короткий — от 15 до 30 минут, но в общей сложности спят они довольно много. После максимального по продолжительности сна мозг животного исследовался биохимически.

В стволе мозга наряду с другими отмечены два скопления нейронов, два ядра — супраоптическое и красное. Исследовались и другие нейроны, и так называемые глиальные, окружающие нейроны клетки этих ядер. Почему выбрали именно эти структуры мозга? При стрессовых состояниях из супраоптического ядра выделяются белки-гормоны, поступающие в общий кровоток организма. Эти вещества оказывают влияние на активность гипофиза и всей эндокринной системы: гипоталамус — гипофиз — кора надпочечников. Красное ядро, тоже обладающее высокой интенсивностью белкового обмена, несет другие функции, будучи связано со спинным мозгом, мозжечком и корой головного мозга. Работа по биохимии сна у крыс установила, что в быстром сне у них идет накопление гистоноподобных белков, а также рибонуклеиновых кислот в нейронах и особенно в клетках глии супраоптического ядра, причем за 15—20 минут сна их накапливается около 25—30 процентов. В нейронах этого ядра во сне накапливаются рибонуклеиновые кислоты. В то же время в нейронах красного ядра содержание белков несколько снижается.

Эксперимент, в ходе которого крыс лишали быстрого сна, дал неожиданные и интересные результаты. В то время, когда наступает фаза быстрого сна, как уже говорилось, падает тонус скелетных мышц. Расслабление начинается с мышц шеи, затем охватывает все мышцы тела. Если крысу посадить на небольшую площадку, выступающую над водой на 3—4 миллиметра, то животное окунет мордочку в воду или даже свалится в нее, как только перейдет в фазу быстрого сна. Очутившись на площадке снова, крыса через некоторое время опять уснет. Сон всегда начинается с медленного сна. Как он только перейдет в быструю фазу, все повторится: животное опускает голову в воду.

Лишение крыс быстрого сна привело к резкому уменьшению белков в исследованных нейронах мозга. Если эксперимент с лишением быстрого сна продолжался дольше — содержание белка в клетках мозга несколько повышалось, затем стабилизировалось, но не достигало исходного уровня. Этот уровень восстанавливался лишь тогда, когда животному давали спать в быстром сне.

По-видимому, при бодрствовании происходят изменения в белках, причем в основном это касается структурных, нерастворимых белков клеточных мембран. Во время сна измененные белки должны быть разрушены и построены заново или каким-либо образом перестроены. Аналогичные результаты были получены, когда исследовались и другие отделы мозга.

Теменная область коры больших полушарий суммирует сигналы, поступающие в мозг, и образует часть регуляторной системы, определяющей целостное поведение животного. Деятельность этих областей коры отражает уровень активности всего головного мозга. Для исследования белкового обмена в лаборатории профессора А. Б. Когана, в Ростове-на-Дону применяли электрофизиолого-цитохимический метод. При нем по записи электрической активности мозга можно было точно установить, в какой фазе сна находится животное, а также взять на анализ кусочек ткани с помощью специального устройства, вживленного в мозг. Анализ подтвердил результаты предыдущих опытов: быстрый сон сопровождался значительным повышением биосинтеза белков.

Белки в клетках мозга выполняют многообразные функции, которые определяются уникальными свойствами каждой из двадцати аминокислот, входящих в состав белковой молекулы. Эти широкие возможности белковых молекул зависят от их способности к изменению конфигурации в ответ на воздействие. Такие изменения в известной мере обратимы, то есть после того, как воздействия закончатся, молекула белка возвращается в свое первоначальное состояние. Роль белка и синтезирующей их системы первостепенна в процессах возбуждения, торможения, запоминания и других сторонах деятельности нервной системы. Установлена зависимость между сложностью выполняемых задач отделов нервной системы и содержанием в них белков. Оно выше в коре больших полушарий головного мозга, меньше — в его подкорковых областях, еще меньше — в спинном мозге.

В опытах с животными при лишении их фаз быстрого сна страдали нейроны мозга. Для глиальных клеток более необходим медленный сон. Есть и другие интересные результаты изучения биохимии медленного сна. Так, только при медлен-

---

[1] Н. Винер. Кибернетика. М., 1968, стр. 218.

[2] Примеры творческих сновидений широко известны. О них подробно рассказывалось в статье «Таинственный мир сна». «Наука и религия», 1976, № 10.

ном сне у людей происходит поступление в кровь гормона роста. Эта закономерность не изменяется ни при каких нарушениях смены циклов сна в течение суток. Выход гормона роста в общий кровоток организма в медленном сне продолжается и после окончания роста. С его помощью идет активация биосинтеза белков в периферических тканях организма. Иначе говоря, фаза медленного сна нужна для восстановления работоспособности органов тела, а быстрый сон — для восстановления работоспособности мозга.

Чем выше организовано животное, чем лучше развита его нервная система, тем больше оно нуждается в быстром сне. Рыбы вообще не спят. У них две формы отдыха: обездвиженность с потерей или сохранением мышечного тонуса. У амфибий тоже нет сна. Его заменяет обездвиженность с сохранением тонуса мышц. У рептилий (пресмыкающихся) можно наблюдать нечто похожее на медленный сон, у крокодилов (наиболее развитых представителей этого класса) намечается что-то вроде небольших периодов быстрого сна. У птиц уже хорошо выражен и медленный и быстрый сон (последний, правда, занимает лишь один процент всего времени сна), а также наблюдается еще одно состояние во сне, которое есть у более низко организованных животных — каталепсия (оцепенение). Если у крыс в быстром сне идет накопление белков и рибонуклеиновых кислот в нейронах и глии супраоптического ядра, то у кур при каталепсии этого нет, у них содержание белка в этом состоянии даже падает. Обездвиженность животных — это отдых, пассивный в биохимическом отношении. Быстрый сон — активный процесс обмена веществ в клетках мозга.

В свое время известный советский биохимик А. В. Палладин указывал, что состояние сна не подразумевает бездеятельности головного мозга и что его активность при этом может и не ослабляться, но направляться на восстановление его функциональной работоспособности. Возможно, при быстром сне повышается скорость кровотока, температура, снабжение кислородом, глюкозой и другими компонентами крови. Богатые энергией вещества не накапливаются, повышается их расход на биосинтетические процессы. Причем уровень их использования не менее высокий, чем при бодрствовании.

При полном длительном лишении сна снижается активность окислительных процессов и падает синтез аденозинтрифосфорной кислоты (АТФ), необходимой для обеспечения энергией всех реакций, идущих в клетках. Нарушения сна могут приводить к заметным сдвигам в обмене аминокислот — к торможению биосинтеза белков. При приеме определенной группы снотворных препаратов естественный ритм сна нарушается, снимаются фазы быстрого сна со всеми вытекающими отсюда последствиями — со всей суммой нарушений биохимических реакций в клетках мозга.

Вот какой предстает сегодня картина сна с точки зрения биохимии. Наука внесла в нее свои методы исследования, свои оценки, в свете которых проясняется уже в биохимических деталях сложнейший для постижения механизм этого природного процесса. Многое пока в нем остается еще невыясненным, многое вызывает споры, рождает различные гипотезы. Но все это не дает оснований для пессимистических выводов о непостижимости природы сновидений, неподвластности их силе разума. Наука и здесь успешно движется вперед, выясняет самые сокровенные тайны природы.

Земные корни сверхъестественного

ДУШИ И НАСЕКОМЫЕ

Уважаемые товарищи читатели! Вы познакомились с рядом материалов наших рубрик о земных корнях сверхъестественного: «Божественные» растения: правда и вымысел», «Божественные» камни: правда и вымысел». В портфеле редакции имеются и другие материалы на эти темы. Публикуем статью энтомолога профессора П. И. Мариковского из цикла «Божественные» насекомые: правда и вымысел».

Мир насекомых богат и разнообразен. Еще в древности люди, постоянно с ними встречаясь, стали внимательно наблюдать за их жизнью. Однако, не обладая достаточными знаниями, не могли объяснить их особенности, жизнь, поведение. А из незнания, как известно, рождаются религиозные представления, суеверия, легенды. Многое в мире таких представителей фауны нашей планеты, как насекомые, не объяснено наукой еще и сегодня. Но с каждым годом энтомологи все меньше оставляют здесь места для суеверных представлений...

П. МАРИКОВСКИЙ, профессор

Количество видов насекомых на нашей планете больше числа видов всех остальных животных и растений, вместе взятых. Человек с древности пытался понять и объяснить особенности их жизни, и это часто сказывалось на мировоззрении людей в самом широком плане. Вспомним замечательную сказку А. С. Пушкина о царе Салтане. Один из ее героев царевич Гвидон превращался в комара и муху. Здесь не просто игра фантазии. Такими были, оказывается, древнейшие верования людей о сверхъестественной способности душ умерших переселяться в насекомых, в растения, в животных.

Во многих странах Востока, в Тибете, в Индии — там, где господствовало буддистское учение с его идеей посмертного перевоплощения души, жители обязаны были терпеливо сносить докучливых мух, кровососущих насекомых, не смея ни прогнать их, ни убить.

Один из русских путешественников-первопроходцев Филипп Ефремов, человек необыкновенной судьбы, побывавший в странах Средней Азии и в Тибете в XVII веке, писал о тибетцах следующее: «Они весьма неопрятны и по правилам своей веры не смеют бить ни блох, ни вшей, ибо, по их рассуждениям, и сии твари имеют разумную душу».

Согласно верованиям древних египтян, душа, покидающая тело, часто принимает облик пчелы. И, видимо, не случайно древние греки изображали богиню Артемиду Эфесскую в образе этого насекомого. По верованиям древних болгар и сербов, душа человека по выходе из тела будто бы превращается в птичку или в бабочку. Богатырь славян Волх Всеславович с детства учился оборачиваться соколом, волком, золоторогим туром, горностаем и мурашкой. Славяне верили, что старая бабка по ночам превращается в муху или бабочку и прилетает в избы ночью душить людей.

Как следует из большинства религиозных представлений, душа человека бессмертна. Куда же деваться великому множеству душ, как не поселиться в таких многочисленных существах, как

насекомые? Отсюда и такие верования. Поэтому в Японии до сих пор нередко считают светлячков душами воинов, отдавших свою жизнь за родину и заслуживших вечное блаженство. Африканское племя масаи верит, что души умерших предков избирают любое животное, за исключением льва. Но чаще всего они переселяются в мух, поэтому, мол, те и любят жить возле человека. Убивать их нельзя, нельзя от них и отмахиваться.

Советский журналист О. Игнатьев в книге «Амазонка глазами москвича» («Молодая гвардия», 1966) рассказывает о тропическом лесе, сверкающем множеством светлячков. Местное население верит, что эти насекомые — души погибших батраков-серингейрос — добытчиков каучука, жестоко эксплуатировавшихся плантаторами.

Вера в то, что душа человека воплощается в новую форму, могла находить подтверждение и в жизни насекомых. Таким образом, например, люди объясняли необыкновенное, как им казалось, явление, когда гусеница, «умирая», вдруг «воскресает» в виде прекрасной бабочки или другого крылатого насекомого. Обычнейший метаморфоз насекомых, о котором теперь знает каждый школьник, раньше подтверждал убеждение о переселении душ одного живого существа в другое. И это находило свое отражение в религиозной символике и в обрядах. Так, в сложных китайских церемониях погребений на язык умершего клали специальный языковый амулет. Его делали из коричневого агата в форме цикады, считавшейся символом воскрешения умерших.

С насекомыми связаны и другие верования. В Древнем Египте, например, на каменные жуки-скарабеи наносили имена усопших царей и клали их на грудь мумий. Иногда изображение жука лепили из глины размером с куклу. На плоской стороне глиняной модели жука цитировался текст из священной «Книги мертвых», обращенный к сердцу с просьбой не свидетельствовать против мертвого на предстоящем загробном суде. Древние египтяне почитали скарабея символом возрождения, воскрешения и вечной жизни духа. Они называли его «хенру», что примерно соответствует слову «быть», «существовать».

Орочены, живущие в Уссурийском крае, полагали, что душа может превращаться в насекомое и на время покидать тело животного во время сна. Большую зеленую бронзовку с белыми пятнами надкрылий они принимали за душу сохатого и, увидев ее, ловили и прятали. По их представлению, когда лось засыпает, его душа летает в виде жука. Проснувшись, лось идет разыскивать беглянку и приходит к человеку, поймавшему насекомое.

Когда более ста лет назад на тихоокеанском острове Алтутаки появились завезенные путешественниками и ранее там не обитавшие блохи, то простодушные местные жители пришли к заключению, что это не что иное, как души умерших белых людей.

Известны случаи, когда насекомых возводили в ранг богов. Так, в Лиме (Перу) у деревушки Сьера-Викуск была обнаружена ранее неизвестная культура одного из вымерших народов. Из раскопанных археологами курганов извлекли оригинальные глиняные сосуды. Вода, налитая в них, вытекая, звучала. Среди геометрических узоров, украшавших эти сосуды, часто встречались изображения какого-то странного насекомого, напоминавшего муравья. После долгих раздумий археологи пришли к заключению, что это насекомое — символ какого-то древнеперуанского божества. Какую роль оно играло в мифологии жителей Перу, сейчас сказать трудно.

Знаменитый русский художник, путешественник, ученый и публицист Н. К. Рерих, будучи в Кашгар-Джунгарии, в провинциальном китайском храме видел «бога насекомых». К сожалению, он не описал его. Уцелело ли это древнее изображение бога насекомых после всепожирающего пламени так называемой культурной революции — неизвестно.

Развитие науки, распространение образования и культуры постепенно освобождают человека от подобных представлений, дают реальное знание об окружающем мире, в том числе и о насекомых. Но и сегодня есть еще и в этой сфере много непознанного, такого, что иногда кажется чуть ли не сверхъестественным. И здесь, как вообще в природе, надо постоянно помнить один, не раз подтверждавшийся материалистический принцип: то, что сегодня нам неизвестно и кажется таинственным, необъяснимым, будет обязательно разгадано, познано и получит вполне реальное объяснение.

г. Алма-Ата

Рисунок Е. Федоровой.

ЗАГАДКИ КАРАКЫСТАКА

А. ПЕЧЕРСКИЙ,
действительный член
Географического общества
АН СССР

В конце 1977 года на страницах газеты «Казахстанская правда» появилась статья Э. Кривобокова «Загадка долины Каракыстак», ставшая для меня началом интересных поисков.

Речь шла об археологических находках в этих местах: «На расчищенной от наносов площадке в скальных породах высечена метровая человеческая голова, напоминающая чем-то найденные на юге Мексики ольмекские головы. Рядом с идолом сохранились четырехметровые стены круглого помещения». По-видимому, это остатки какого-то культового сооружения, высказывал предположение автор статьи.

Несколькими годами раньше я видел эту высеченную в скальных породах человеческую голову, фотографию которой предлагаю вниманию читателей. Она действительно напоминает известные мексиканские изваяния, но еще в 1973 году я высказал в местной печати иное предположение относительно ее происхождения, связав памятник с буддизмом. Где доказательства? Я стал искать их в легендах и сказаниях, бытующих у тех киргизов и казахов, которые долгое время жили и живут в Каракыстакской долине.

Газетная публикация заставила меня освежить в памяти услышанное и еще раз побывать в долине Каракыстак. И вот мы с сыном — где на мотоцикле, где пешком — к заходу солнца поднялись к палатке чабана Маймака Суюндукова, выпасавшего свою отару почти у самой вершины перевала. Весь вечер мы только и говорили что о долине, о ее загадочных озерах, героях стародавних преданий. Среди них главным считался святой Дуанай Машруп.

Утром чабан показал нам: «Вон там любил, говорят, сидеть Дуанай. Сейчас там тоже святилище». По крутому серпантину тропы мы начали спускаться в долину. Через несколько часов, изнемогая от жары и усталости, мы почувствовали, как охватила наши разгоряченные тела речная прохлада. Преодолев несколько заболоченных мест и бродов, добрались наконец до жилища сторожа покосных угодий колхоза «Джамбул» Жолдасбека Абдуллаева.

Снова вечер, снова разговоры. Житие святого, каким оно сохранилось в преданиях, рисовало облик благочестивого чудотворца, строго соблюдавшего религиозные каноны. Сын бедняков Дуанай начал совершать чудеса, еще не родившись. Так, он из чрева матери запретил ей срывать абрикосы с чужого дерева. Едва научившись ходить, взбирался на крышу и что-то вынюхивал, повернув голову навстречу ветру. «Я по запаху ветров определяю, где какой святой живет», — объяснял он. Живя в горах, Дуанай ловил руками диких животных и никогда не носил одежды. Вел бродячий образ жизни (по-узбекски «дуана» — «проповедующий странник»), помогал бедным, проповедовал доброту и справедливость.

Когда Дуанай прибыл в долину, толпы паломников заставили его скрыться в глубине Киргизского хребта, в каменной пещере выше облаков. А внизу, у основания горы, жил в летней ставке влиятельный калмыцкий князь — контажи, у которого была дочь. Услышав о святом, она рискнула подняться в его убежище. Девушка полюбила его, святой полюбил ее. Он спустился с горы, чтобы посвататься к дочери богача. Тот поставил ему условие: вместо калыма пасти в одиночку его многочисленные стада, не выходя из долины. А если по истечении указанного срока пропадет хоть одна овца, он поплатится жизнью.

Нужно ли говорить, что обычному человеку такое задание было не под силу. Соглядатаи хана видели однажды, как, сидя на вершине Конур-Шоку, Дуанай палкой раздвигал тучи, отчего над стадами светило солнце, не было снега, а на пастбище зеленела трава. И еще они заметили: овец пасли волки, верблюдов — барсы, а коров и быков — медведи. Дуанай умел разговаривать с животными, и только один строптивый баран убегал от него. Тогда святой, рассердившись, превратил его в камень, который и поныне один-одинешенек стоит среди зеленых лугов и называется Кок-Кошкар, что означает «зеленый баран».

Пришлось хану исполнить обещание. И хотя святой не разделил ложа со своей нареченной, жена-девственница родила ему сына, Чайхы-Бурхана — кудесника Бурхана. Традиционными для религиозного сознания чудесами сопровождалась и смерть святого. Он вызвал гнев правителя Балха, раздарив народу мешок драгоценностей — подарок вельможи. По его приказу Дуаная казнили. Однако, когда правитель хотел лично убедиться в смерти дерзкого чудотворца и поспешил на кладбище, он увидел его могилу разрытой и пустой. А вскоре кара постигла и самого правителя: его задавила рухнувшая стена дворца.

По легенде, Дуанай Машруп, живой и невредимый, добрался до святилища мусульман Каабы и оттуда вознесся на небеса, откуда дает о себе знать то свечением на горе Аулье-Шоку (Святая вершина), где когда-то жил, то верблюжьим

криком. Когда люди слышат этот крик, они могут быть спокойны за благополучие семьи и стада, считают чабаны.

Предание рассказывает, что вслед за Дуанаем скончалась и его жена, а юный Чайхы поселился в уединенной пещере и, чтобы изолироваться от всего мирского, начал строить огромную каменную стену поперек тропы (и поныне вблизи Бурхан-Тобе — холма Бурхана, пересекая тропу, высятся остатки стены из уже замшелых камней). Но как ни старался он преуспеть в своей затворнической жизни, к нему, как и к его отцу, шли и шли люди за помощью и исцелением. А все приношения они складывали в круглый колодец-жертвенник.

После смерти Бурхана вход в его жилище заложили камнями и замаскировали, но паломничество сюда продолжалось и дары в жертвеннике росли. Некие злоумышленники решились на кражу — и тогда свершилось чудо. В одну из ночей месяца рамазана, во время грозы, на глазах у паломников из земли начала расти скала. На ней обозначился овал головы, прорезались глаза, появились нос, потом губы. Голова усмехнулась, и пораженные страхом люди будто бы узнали в ней черты Бурхана. Тогда все бросились врассыпную. Небесный огонь, сопровождаемый страшным громом, ударил в сторону жертвенника — туда, где за каменной его стеной укрылись воры. До сих пор от него в сторону Бурхан-Тобе лежат, словно разбросанные, россыпи камней, и люди видят в них окаменевшие тела тех давних осквернителей святого места. Традиция требует остановиться и плюнуть в их сторону, как рассказал мне об этом аксакал Балтабай Дюйшенов, сопровождая нас на пути в Ак-Тас.

Было над чем подумать и в чем разбираться. Конечно, ни о какой скале, выросшей из-под земли, не могло быть и речи. Это подтверждала сама структура пород головы и стены культового сооружения. Известково-глинистые породы с включением необкатанного обломочного материала представляли собой благодатный для выветривания материал, со временем принимающий округлые формы и как следствие этого — видимость искусственного происхождения.

Впрочем, человеческие руки здесь явно потрудились, придавая объекту природы сходство с человеческим лицом. Но с чьим? С сыном святого? Я думаю, изображение связано с одним из тысячи богов буддистского религиозного пантеона, а значит, с культом Будды. Это убеждение подкрепляется, в частности, «Древнетюркским словарем». На языке древних жителей здешних мест, Бурхан — это идол, посвященный Будде. Носителем этой культуры можно предположительно назвать калмыцкие племена, появившиеся здесь в XVII веке (кстати, по легенде, это время Дуаная).

Памятники буддистской культуры на юге Казахстана не единичны и относятся к куда более древним временам, например найденный в 1972 году рисунок на монолитной скале в форме трехгранной пирамиды, где на одной из ее граней, обращенной на восток, высечено изображение... сидящей неоседланной лошади. Такие изображения символизировали великий уход, когда Будда, будучи Сидартхой, покинул своих домочадцев и пошел искать истину, в результате чего произошло «просветление» и он получил имя Будды, что значит «просветленный». Такого рода рисунок-символ мог появиться не позднее рубежа нашей эры.

Начиная с эпохи скифо-сарматских племен династии Кушан (I—IV вв. н. э.) появляются изображения не символические, а принимающие образ человека, как на нашей скульптуре у Бурхан-Тобе. Как полагают ученые, рисунки-символы помещались у входов в подземные буддистские храмы-святилища, вроде того, в котором жил легендарный кудесник Чайхы. Несомненно одно: найденное святилище относится к той эпохе в изображении Будды, когда на смену символике пришел реализм скульптуры. Значит, его можно датировать временем более древним, чем XVII век, как то следует из содержания легенды.

Пытаясь разобраться в преданиях о Дуанае и его сыне Чайхы, я побывал на вершине горы Аулье-Шоку. Почти у самой ее макушки обнаружились две пещеры в скальных породах, явно искусственного происхождения. Мы обратились за консультацией в Южноказахстанское геологическое управление, чьи маршруты проходили и через эту вершину. Геологи знали о пещерах, но считали их остатками древних горных выработок — штолен. Если так, то были все основания считать, что некогда здесь жил человек.

А как быть с легендарным огнем Дуаная?

Многие чабаны, кочующие в верховьях Каракыстака, видели «огни святого». Одни считают это его знамением, другие уверены, что видели волчьи глаза. Геологи допускают возможность свечения горных пород, что не редкость в этом крае.

Недавно мы выяснили и происхождение «верблюжьего крика» Дуаная. Звуки, напоминающие крик верблюда, нам довелось услышать вблизи горы с пещерой святого, у непроточного озера Кок-Коль. Мы убедились, что они вызваны сильными засосами воды вместе с воздухом в донные подземные каналы, выводящие излишек озерной воды в речку Каракыстак. Подобное озеро — Остав-Коль есть у подножия горы, и оно имеет такой же выход излишков воды и тоже рождает звуки, сходные с криком верблюда. Они-то и послужили, очевидно, основой для рассказов о «верблюжьем голосе» Дуаная.

Немало интересного раскрыла нам и гора Бурхан-Тобе. Там мы нашли внушительного вида воронку, а в ней два каменных кургана-захоронения. Одно мусульмане почитали как могилу святого, о чем говорили узелки с приношениями, висящие там и тут на кустах. По легенде, в недрах горы и было жилище-святилище Чайхы. Геологи помогли нам разобраться с происхождением воронкообразного углубления. Здесь была древняя шахта, которая затем обвалилась.

По дороге домой мы решили завернуть к юрте Оттегенова, сторожа покосных угодий колхоза «Джана-Турмыс». В ожидании чая с ароматными лепешками-кумбешами мы всматривались в вершину горы, где, по преданию, любил сидеть святой Дуанай Машруп. В разговоре с хозяином выяснилась и еще одна подробность, связанная с легендой о святом. Мол, на вершине у кургана растет дерево, а рядом торчит палка, с которой Дуанай никогда не расставался. Не откладывая на завтра то, что можно увидеть сегодня, мы заторопились на вершину, где увидели небольшое кладбище и курган с оградкой, на краю которого сохранились остатки ствола толстого дерева. А рядом торчала воткнутая в землю палка. Она была довольно свежей, очевидно, палку часто меняли.

Поразило меня другое — оформление могилы с посадкой дерева у изголовья умершего. Такие захоронения в этих местах относятся к домусульманскому периоду * их истории. Дуанай, как следует из легенды, был узбеком, родился он в Намангане. Не здесь ли его могила? Очевидно, легенда об убийстве святого в Балхе — миф.

Так постепенно возникла реальная картина, связанная с этим человеком. Если отбросить религиозные вымыслы о чудесах, перед нами жизнь обыкновенного, наделенного от природы многими способностями человека. Был он, по-видимому, отличным охотником, знал повадки зверей, приручал их, лечил людей, помогал бедным. В его действиях не было ничего сверхъестественного, как представлено в позднейших религиозных легендах. Даже сватовство к дочери богатого хана звучит правдоподобно, если представить его в роли одаренного рудознатца (вот где пригодилась его таинственная палочка!). Во все времена, у всех народов была нужда в таких специалистах, приносивших своим покровителям богатство и могущество. Недаром же все места, связанные с именем Дуаная, где, очевидно, он когда-то находил золотые жилы, объявлены были святыми, а значит, и неприкосновенными. И пространство вокруг них поэтому было огорожено каменными стенами, остатки которых и поныне почитаются как священные.

Нет, не особой божественной благодатью отмечены примечательные места Каракыстакской долины, а щедростью и богатством природы. Именно эта связь прослеживается в преданиях и легендах, в названиях гор и рек, в именах людей, которых почитали святыми. Земное, реальное начало лежало в их основе.

пос. Мерке
Джамбулской области

* См. об этом в книге «Домусульманские верования и обряды в Средней Азии». М., 1975, стр. 270.

СО ВСЕГО СВЕТА

ИЗ ГЛУБИН БАЛТИКИ

Группа водолазов из Федеративной Республики Германии развернула подготовку к подъему со дна моря в районе Шлезвига корабля викингов, затонувшего в XI веке.

Интерес к этой операции велик, потому что в отличие от древних норманнских судов, известных по предыдущим находкам и имеющих явно ритуальный характер, корабль, о котором идет речь, по-видимому, принадлежал к военному или торговому флоту.

Читатель сообщает, советует, спрашивает

СОБЕСЕДНИКИ

Каждое письмо, полученное редакцией, содержит не только какой-либо вопрос одного из наших читателей, не только сообщает его мнение о чем-либо, но и отражает характер писавшего. Открываешь конверт, начинаешь читать — и сразу же видишь собеседника, который ведет с нами разговор — возражает или соглашается, рассказывает о себе или просит помощи. В редакцию пишут о неудачной семейной жизни, о «сбывшихся снах», о священнике, который своим образом жизни отвратил прихожан от храма, об опыте атеистической работы... Всякое письмо — доброе или сердитое — вызывает у нас чувство удовлетворения: значит, люди читают журнал не равнодушно, обращаются к нему со своими мыслями, предложениями, прояв-

Л. Геринас (Москва), Г. Диаконов (г. Люберцы), М. Земнов (г. Долгопрудный), В. Корнюшин (Москва), Е. Рыманов (г. Тольятти).

ляют заинтересованность в улучшении дела коммунистического воспитания. Словом, почта наша — один из главных показателей того, как относится читатель к публикуемым материалам, что мы уже сделали и что еще нужно сделать.

Конечно, основная тема всех вопросов и размышлений — мировоззрение. Человек приобретает его вместе с жизненным опытом, перенимает его у родителей, у окружающих, в процессе учебы. И нередко, когда постижение окружающего мира заставляет задуматься, удивиться, возникает желание осмыслить познанное и излить кому-то душу. Старые люди, давно порвавшие с религией, в своих письмах рассказывают о пережитых в юности или детстве тяжких обидах, в которых повинны либо религия, либо духовные наставники.

Максим Тарасович Куличенко из Купянска Харьковской области пишет нам, что перестал верить в бога еще 15-летним парнишкой и связывает свой отход от религии с революционными событиями 1905 года. А десятью годами позже с ним произошел такой случай.

Шла война, он работал в паровозном депо. Начальство требовало от железнодорожников строгого соблюдения всех религиозных обрядов. Деповские рабочие говели и причащались по списку. О тех, кто посмел не являться в церковь, мастер знал и заставлял их писать объяснения. Максиму и его товарищу, тоже неверующему, не хотелось навлекать на свои семьи неприятности, и они написали в своих объяснительных записках, что говели и причащались. Однако священник знал в лицо всех деповских и донес мастеру, а тот оштрафовал безбожников. А дальше так пишет М. Т. Куличенко:

«Пришел священник к нам домой и начал стыдить отца: «Что же ты, Тарас, сам примерный христианин, а сын твой безбожник, он даже в великий пост не исповедовался и не причащался». Отец рассердился, а я твердо заявил, что в церковь давно уже не хожу и не пойду никогда. Поп говорит: «Ты не пойдешь? Нет, это я тебя за безбожье отлучу от церкви и постараюсь, чтобы послали тебя туда, где быстро дурь выбьют из головы». Но тут вскоре разразилась Февральская революция, и не успел батюшка сдержать своего обещания».

В большинстве воспоминаний тех наших читателей, кому за 70, крепко сидит образ приходского священника, духовного отца и наставника, законоучителя в школе. И чаще всего он описывается как тупой догматик, лишенный доброты и понимания. Михаил Николаевич Еремук, например, пишет о своем детстве:

«В 7 лет по церковным канонам для меня была уже обязательна исповедь. Поп накрывал мне голову епитрахилью и спрашивал, какие у меня грехи. Я оправдывался, что не грешил, однако батюшка указывал мне на икону в углу церкви и приказывал: «Ступай, ударь 10 поклонов». После окончания школы я поступил в духовную семинарию, где и застала меня Октябрьская революция. Мы, семинаристы, жадно накинулись на книги Маркса и Ленина, ставшие нам доступными, и многие из нас, я в том числе, открыто начали критиковать библейские противоречия. С них-то, с библейских противоречий, еще раньше и началось мое безбожие...»

Многие другие читатели тоже указывают на Библию как на источник раздумий, приведших к атеизму. И это понятно: часто вдумчивый человек, вчитываясь в слова «священного писания» вдруг замечает, что они противоречат друг другу. А ведь церковь постоянно твердит: писанию следует верить, как самому богу! Здесь изумление верующего заставляет его искать объяснения в других книгах, что и приводит к атеистической литературе.

Настоящая атеистическая мысль рождается с усвоением материалистического мировоззрения. И те наши читатели, которые приобщились к научному атеизму, прекрасно знают, что Библия — собрание весьма разных древних сказаний, создававшихся на протяжении многих веков. Об этом и о своих наблюдениях, беседах с верующими на эти темы они тоже пишут в редакцию, спрашивают, с какой литературой им надо познакомиться для лучшего изучения вопроса.

Немало писем приходит в редакцию относительно религиозных обрядов. Некоторые защищают их, и примерно так: чем, мол, вредны или нелепы эти обряды для современного человека? Ведь если раньше церковнослужители объясняли эти культовые действия как сообщение человеку «божьей благодати», то теперь мы не признаем бога и, следовательно, его благодати тоже. Значит, можем просто не принимать эти действия всерьез, не обращать на них внимания и не считать проявлением религиозности. Так написала нам по поводу крещения Т. Лазарькова: что же, мол, здесь такого, если ребенка окрестили. Крещение — древний культовый ритуал, который в настоящее время выполняется довольно редко. Этот обряд со временем отомрет сам по себе, как и религия вообще.

«Я, например, крещеная, а в бога не верю, — пишет она. — Сам обряд крещения не может влиять на мировоззрение человека. Крестят в основном ведь новорожденных. Родители, бабушки и дедушки успокоили свою совесть: сделали, дескать, все, что полагается. Иначе, когда человека окрестят уже взрослым, с его согласия, но и это может быть связано с какими-то другими причинами, не обязательно религиозными. Скажем, уступил парень просьбе матери, а верующим от этого не стал».

Ответ Т. Лазарьковой начнем письмом другой нашей постоянной читательницы—Т. Д. Жерновковой из Донецка. Ей призналась как-то одна знакомая комсомолка, что окрестилась в 15-летнем возрасте. Семья этой девушки религиозностью не отличалась, но один родственник был верующим. В конце концов девочка согласилась на уговоры дяди. Когда батюшка совершил обряд, то, поздравляя ее, сказал: «Ну, раба божья, что ты была до сего часу? Ты была телка. А теперь ты православная христианка».

«Вызывает удивление, что школьница, обязанная по своему возрасту и образованию иметь собственные твердые убеждения, так легко поддалась уговорам и позволила совершить над собой церковный обряд. А где же атеистическая воспитательная работа со школьниками? — спрашивает в своем письме Татьяна Дмитриевна.

Мы согласны: вполне очевидно, что в школе, где училась эта комсомолка, атеистическим воспитанием занимались плохо. Ведь если бы у семиклассников воспитали твердые атеистические убеждения, привили им нашу активную и твердую жизненную позицию, то эта девочка сумела бы устоять перед напором своего верующего дяди.

И еще нам хотелось бы тут добавить.

Крещение символизирует собой вступление человека в сообщество верующих, принятие его в лоно христианской церкви. Религиозные обряды служили веками и служат сегодня для того, чтобы внушать верующим мысль о бренности бытия, о бессилии, слабости и ничтожестве человека перед всемогущим богом. Крещеный — это уже раб божий. Совместимо ли такое звание с идеей свободомыслия, с вольностью духа. Вот почему, уважаемая наша читательница, мы никоим образом не можем согласиться с вашим мнением о невинности обряда крещения. Неверующий юноша окрестился и остался неверующим. Значит, он лицемер. Так — и только так — можно назвать подобный поступок. А уж если говорить об успокоении верующей матери, то ведь даже с точки зрения церкви соблюдение обряда без веры — бесполезно.

Религиозное миропонимание, как ни стараются богословы затушевать это, антипод науки. Об этом много раз говорилось в журнале. Наш старый читатель А. А. Левитан из Львова рассказывает, что вырос в неверующей семье, где безбожниками были даже прабабушка и прадедушка, хотя в те далекие времена это осуждалось законом.

И вот уже в зрелом возрасте А. А. Левитану захотелось поближе познакомиться с религией и верующими. Он много читал, посещал православные и католические храмы, синагоги, молитвенные дома и собрания сектантов, наблюдал, как люди относятся к религии, и решил поделиться с нами своими наблюдениями. Многие неверующие, считает он, празднуют рождество и пасху, потому что привыкли их отмечать, когда в семье были верующие дедушка и бабушка, а потом уже сами, состарившись, отмечают и прививают эту привычку детям своим и внукам. Так, мол, исстари велось, это якобы народная традиция.

«Таким людям бесполезно говорить, что не было спасителя Христа, они это и сами прекрасно знают, они просто празднуют, — пишет он. — Но зачем отдавать веселые праздники в руки церкви? Не лучше ли, объясняя людям, откуда взялась традиция праздника, помочь отметить его как дань обычаям предков? Ведь многие не ходят в церковь, а сидят с родственниками за столом, но посмотрите, что у них на столе — салат, рыба, колбаса, то есть обычная, каждодневная еда. Ну, на пасху покрасят яйца, испекут кулич. А многие ли помнят, как делают пасху из творога? А ведь «кулинарная» сторона доставляет немало радости, которая никакого отношения к религии не имеет».

Так ли тут просто обстоит дело?

Как известно, ранние христиане не знали праздника рождества Христова. Лишь в 354 году церковь установила его. Задолго до этого во многих местах Римской империи шире и веселее всех других праздников отмечали день рождения солнечного бога Митры. И вот именно этот день, с большими усилиями, христианство выбрало для рождества Иисуса Христа. Русь получила и рождество вместе с христианством в X веке. Причем праздник этот совпадал с древним славянским многодневным торжеством — святками. Святочные обряды перешли и в рождество — хождение ряженых, колядование, общие веселые застолья. Христианская церковь очень умело внедрялась в сознание людей, включая в свои праздники часть древних народных обычаев. Но при этом главное внимание уделялось утверждению религиозного миропонимания. Так, в рождественских проповедях постоянно утверждается, что жизненный путь Христа—пример для всякого христианина, что каждый верующий, подобно Иисусу, должен смиренно нести свой крест на свою Голгофу. А пасха — это очень древний весенний праздник, он прямо заимствован из дохристианских культов. Только в 325 году, на первом Вселенском соборе в Никее, был установлен день его празднования.

Оба эти праздника — рождество и пасху — церковь крепко держит в своих руках, а с ними и тех, кто их отмечает, если даже и не верит в бога. Внешнее проявление религии — обряды, повторяющиеся из года в год, помогают ей удержаться и привлекать к себе внимание, а то и новых приверженцев. На это и рассчитано эмоциональное воздействие таких праздников. Зачем же нам, атеистам, поддерживать его? Так мы и ответили на письмо нашего читателя А. А. Левитана.

В. У. Кузьмина из селения Тендык Кокчетавской области рассказывает в своем письме, что около 20 лет назад познакомилась с нашим журналом, а пишет нам впервые. Приехала она в 1955 году с Украины на целину, в казахский аул, и сделалась в нем необходимой. Лечила, принимала роды, учила беречься от инфекций. Валентина Устиновна по специальности медицинский фельдшер и акушерка. Приглашали ее и на праздники — тои, на обряды по случаю рождения ребенка, на свадьбы. Все проводилось по мусульманским обычаям.

«Живет моя семья в том же Тендыке, и вижу я, как мало значит теперь здесь религия. Конечно, старики еще молятся, соблюдают старые привычки. Но как изменилась сама жизнь! В каждом доме чистота, современная мебель, ковры, телевизор. Участок мне когда-то достался тяжелый — туберкулез, трахома, а сейчас здесь и не знают этих болезней...»

Борясь за чистоту в ауле, в каждом сельском доме, Валентина Устиновна помогала односельчанам преодолевать отсталость и те дремучие порядки, которые держались на вековых обычаях, нередко не совместимых ни с современными санитарными нормами, ни с требованиями медицины. Действовать — просвещать, учить, доказывать — помогал, как пишет нам В. У. Кузьмина, наш журнал. И мы очень этому рады. Надеемся, что и впредь он поможет многим нашим читателям-собеседникам.

Е. СЕРГИЕНКО

МОЛНИЯ

Родился я и вырос в селе Казачья Слобода Рязанской области. Село было очень большое, но бедное, хотя с двумя церквами.

Наша семья состояла из четырех человек — бабушка Наталья Петровна, мать, я и моя сестренка Саня. Отец нас бросил и уехал куда-то. Бабушка была неграмотная, религиозная, но энергичная, умная и добрая женщина. Завтракать, обедать и ужинать мы садились только после того, как помолимся.

Иконы висели в переднем углу, перед ними — медная лампадка, но ее редко зажигали. А по воскресеньям мы ходили всей семьей в церковь, где усердно молились и просили простить нам грехи наши. Я тоже, как все, просил бога о том же. Но первое недоверие к нему вкралось в мою душу именно в те ранние детские годы. Почему боженька не хочет сделать так, чтобы мы стали лучше жить? Это был голодный и трудный 1921 год, а в следующем году, во время летних каникул, бабушка послала меня учиться в районный город Шацк на какие-то «церковные курсы». Пробыл я там всего три дня.

Занятия проводили поп и дьякон. Я старательно зубрил молитвы, а на третий день дьякон ударил меня за непослушание по голове, и я сбежал домой. Плача навзрыд, рассказал все бабушке, и она пожалела меня. В 1923 году в нашем селе организовали первый пионерский отряд — всего человек 10. В их числе был и я. Мы собирались в школе, вожатый рассказывал нам о революции, о Ленине, учились ходить строем под дробь барабана, разучивали спортивные упражнения, пели песни. Помню, как мы давали торжественное обещание быть всегда готовыми бороться за дело партии, за дело Ленина. Красный галстук горел у меня на груди, я гордился им, и душа моя ликовала. Но вот по пути к дому встретила меня моя крестная мать и сказала:

— Ваня, зачем же ты надел язык дьявола? Скорее сними его, а то пропадешь, утащит он тебя в преисподнюю!

Я ничего не ответил, а подумал: «Что-то еще скажет бабушка?» А она заплакала, обняла меня и проговорила:

— Живите, дети, как знаете.

Я продолжал носить красный галстук, хотя высмеивали меня некоторые взрослые, ругали сверстники. А через год произошел примечательный случай. Взялся я летом готовить кизяки — с топливом у нас было плохо. Работая, я заметил на ясном голубом небе темное небольшое облако. Никакого значения этому облаку я не придал и продолжал спокойно делать свое дело. Но вот опустил очередной кирпичик на землю, выпрямился — и в этот самый момент передо мной страшно блеснуло, меня всего передернуло, прижало, я с ужасом схватился за голову и ощутил не волосы, а какие-то иглы, которые стояли вертикально. Я понял: это была молния!

Я забежал в сени, закрыл за собой дверь, кинулся в избу и увидел, что в ней темно от дыма. Нащупал задвижку печной трубы и задвинул ее, чтобы молния не влетела. Между тем дым постепенно рассеялся, я увидел, что все иконы валяются на полу, а там, где они висели, болтаются обрывки обоев. Бабушка была в то время в огороде, прибежала в избу и, увидев меня живым, обняла, радовалась и плакала. Я тоже с ней плакал.

Волосы на голове у меня были опалены, сам я был сильно потрясен, контужен и приходил в себя недели три. Бабушка думала, что я вовсе не отойду. А я тогда решил: если бы бог в самом деле существовал, то разве срывал бы он свои иконы? Вот так молния окончательно выбила из меня остатки религиозности.

И. НАЙДЕНОВ

г. Смолевичи
Минской области

АЗЫ МИРОПОНИМАНИЯ

Детство мое протекало в глухой и бедной сибирской деревушке. Одно у нас было светлое место — начальная земская школа. Учеников на все три отделения было человек 50—60, в большинстве мальчишки.

В нашей семье самой религиозной была бабушка, Мария Александровна. Мама, Устинья Васильевна, была почти безразлична к религии, а дедушка, Кузьма Дмитриевич, относился к ней с иронией, с лукавой насмешкой, а то и явно отрицательно. Вспоминается, например, такое. Зимним вечером я сижу у окна и гляжу на небо, жду появления первой звездочки-зорьки. Вот зорька зажглась, вспыхнули и другие звезды. Вдруг одна из них покатилась по небу. Бабушка, перекрестившись, пояснила: «Это, Вася, душа умершего. Кто-то умер, царство ему небесное. Когда ты увидишь, что звездочка падает с неба, крестись, внучек». А дедушка возразил: «Нет, внучек, это все природа».

Он показывал мне в небе Млечный путь — «звездную дорогу», «Ковшик» — Медведицу и другие созвездия, учил, как по ним определять время.

Мы, дети, верили и в русалок. Однажды я купался в речке. Вода была холодная, вдруг мою ногу свело, и я не мог выплыть. Ребята насилу вытащили меня из воды. Рассказал о случившемся бабушке. Она объяснила, что меня за ногу русалка поймала, но кто-то из ребят молитву сотворил или перекрестился — вот она и отпустила.

Я рано научился читать, лет пяти или шести. С помощью старшего брата Саши постиг букварь, а потом так пристрастился к чтению, что читал все подряд, что попадало под руку: о неведомых странах и народах, сказки, а когда овладел церковнославянским языком, то — Псалтирь и Евангелие и годам к 12 стал очень религиозным. Однако не надолго.

Помню, как-то осенью пригнали мы с дедом коров на лежку (а помогал я ему пасти стадо уже лет с семи), я развел костер, повесил над ним котелок с водой, достал из сумки книжку и читаю. Дедушка, заметив, что на картинке изображен святой, сказал: «Брось читать про этих «мучеников». Вот мы с тобой — мученики и страдальцы. Посмотри на себя. Зипун твой в заплатках, рубаха и штаны рваные, обувка раскисла. И насчет бога я сомневаюсь. Если есть бог, то какой же он издеватель, этот бог. Одним дал жизнь — сплошной праздник, а другим — вечное горе. Брось, говорю, эти книжки, до добра они тебя не доведут». Я был поражен такой речью деда. Книжку засунул в сумку и больше ее не читал.

В декабре восемнадцатого года умер отец. Меня отдали в батраки к кулаку. Потом я работал погонщиком на маслозаводе. Затем опять пас скот. Шла гражданская война, свирепствовал голод, попал я в больницу, а затем в детский дом.

Там на мою долю выпало настоящее счастье: в третьем и четвертом классах учил меня замечательный учитель Иван Никитович Пучков. Самые светлые воспоминания у нас остались о нем. Под его руководством мы проводили физические опыты, получали разряды электричества — маленькие молнии и гром. А ведь многие из детдомовцев еще верили, что Илья пророк по облакам ездит на огненной колеснице и мечет молний. Мы научились «обновлять» иконы, «поджигать» воду. Сами превращали простую воду в «святую»: клали в сосуд с чистой водой серебряные монеты, и вода очень долго сохранялась свежей. Мы стали проводить вечера чудес сначала в школе, потом в народном доме села Емуртла.

Учеба в семилетней школе города Ялуторовска памятна мне тем, что на уроках биологии Татьяна Николаевна Тихомирова познакомила нас с основами учения Дарвина о происхождении видов. Более углубленные знания по дарвинизму я получил в Тюменском педагогическом техникуме. Преподаватель Федор Филиппович Ларионов водил нас, студентов, на экскурсии в лес, учил наблюдать за жизнью растений и животных, понимать, любить, охранять природу. Наш учитель увлекался и астрономией. На крыше техникума он установил телескоп, в котором я увидел на Луне горы и кратеры, и это меня сильно взволновало.

Живя в Тюмени, я читал атеистическую литературу, был непременным слушателем, а часто и участником антирелигиозных диспутов. В одной из бывших церквей был открыт тогда антирелигиозный музей, куда мы, студенты педтехникума, часто приходили. Там проводилась интересная просветительская работа, дополнившая мое образование, начатое когда-то моим дедом Кузьмой, преподавшем мне атеистические азы.

Зря считают поклонники патриархальной старины, что деревенский житель был обязательно набожен и смирен.

В. ЦЫБУЛИН

с. Летняя Ставка
Туркменского района
Ставропольского края

ЗАКОЛДОВАННОЕ ЯЙЦО

Дед Игнат был совершенно обескуражен. Это надо же такому приключиться! Если бы кто-то рассказал ему об этом, ни за что не поверил бы, но тут ведь как было: копала жена на огороде картошку и самолично из картофельной борозды вытащила эту штуковину, очень похожую на гусиное яйцо. Может, чуть потемнее, возможно, чуть потяжелее, — сейчас уже трудно сказать. В тот момент хозяин был уверен, что это самое натуральное гусиное яйцо. Усадьбу свою дед Игнат за семь с лишком десятков лет изучил хорошо, мог спросонья сказать, что где растет и что где лежит. Но гусиное яйцо?

Откуда оно могло взяться, недоумевал он. Весной огород пахали, культивировали, бороновали, картошку сажали под лопату — яйца не было. Взошла картошка — дважды прошлись по ней с тяпкой, вокруг каждой ботвинки землю взрыхлили. А стали копать — на тебе! Яйцо тут как тут!

Но откуда, спрашивается? Гусей дед Игнат отродясь не держал. Они есть только за три двора. И никто не примечал, чтобы гуси сюда забредали и свои яйца в землю закапывали. Не могло же, в конце концов, яйцо само, как живое, на чужой огород прибежать и в землю зарыться?

«Нет, тут что-то не чисто. Не иначе — наговор», — решил дед Игнат и пошел за советом к сторожу деду Федору.

— И думать нечего — наговор! — подтвердил тот и посоветовал сжечь яйцо на костре. А для верности, чтобы колдовство не пристало, а вернулось к тому, кто его замыслил, прочитать молитву — сначала как обычно, а потом наоборот.

Дед Игнат так и сделал. Развел костер, бросил туда «яйцо» и, отойдя подальше, стал читать молитвы.

И тут — как рванет!.. Весь костер разбросало в стороны!..

— Ну и ну! — подивился дед Игнат необычайной силе колдовства. И написал обо всем, как было, в редакцию.

Мы показали его письмо специалистам. По-видимому, сказали нам, дед Игнат нашел одну из тех немецких мин, которые специально маскировали под гусиное яйцо. Мина эта, оказавшись почему-либо под большим слоем земли, постепенно поднялась к поверхности, так же как это бывает с камнями, которые ежегодно «прорастают» из земли. Если это так, то дед Игнат счастливо отделался.

А скорее всего это «пророс» камень из давних речных отложений. Этим и объясняется его форма — на речном берегу такие «яйца» — не редкость. И если дед Игнат выкопает на своем огороде яму поглубже, то наверняка найдет еще обкатанные когда-то водой камешки.

«Но почему камень взорвался?» — может спросить читатель. Тут, как объяснили нам, тоже нет ни колдовства, ни особой загадки.

«Яйцо», найденное дедом Игнатом, состояло из минералов с различной теплоемкостью. Когда его бросили в костер, то одни минералы, быстро нагревшись, стремились согласно законам физики расшириться, другие же, менее теплоемкие, препятствовали этому. Внутреннее напряжение «яйца» росло до тех пор, пока не достигло предела прочности породы, после чего и произошел взрыв. Геологам, занятым на полевых работах, приходится сталкиваться с подобными случаями, когда попавший в костер камень, взорвавшись, расшвыривает во все стороны головешки и даже может поранить близко сидящего человека.

Скорее всего именно такой случай и произошел с жителем Белгородской области Игнатом Васильевичем Максименко.

М. КОСТИН

Александр ШАМАРО

УСПЕНСКИЙ СОБОР

ПЯТЬ СТОЛЕТИЙ назад этот собор производил такое же глубокое и волнующее впечатление, какое производит на нас и ныне. Тогда, пять веков назад, летописец, отступив от традиционного невозмутимо строгого и сдержанного стиля русских хроник, восторженно воскликнул: «Была же та церковь чудна вельми величеством и высотою, и светлостию, и звонностию, и пространством». В наши дни исследователи русского зодчества пишут о памятнике, исключительном по своим гармоничным и в то же время строгим формам; о храме, от которого веет спокойной силой и монументальностью; о грандиозной церкви, увенчанной могучим золотым пятиглавием и поражающей величием и торжественностью.

И чувства эти при входе в Успенский собор не остаются за порогом, ибо внутренний вид, убранство собора производят такое же впечатление, что и его архитектурный облик. Пятиярусный иконостас, торжественный блеск золоченых и серебряных окладов в свете 12 паникадил из позолоченной бронзы (центральное выковано из серебра, отбитого русской армией у наполеоновских войск, отступавших из России осенью 1812 года). Звеняще яркие краски росписи, сплошь затянувшей внутренние стены церкви, «Мономахов трон» у подножия одного из столпов с уникальной резьбой по дереву — все это в гармонически едином звучании придает Успенскому собору ни с чем не сравнимую нарядность и праздничность.

Надо сказать, что архитектурный облик собора, в отличие от его живописи, более стойко противостоял беспощадному течению веков, губительное действие которых сильно усугублялось — мягко выражаясь — небрежением духовных властей в сохранении шедевров древнерусского искусства.

«Иконостас собора, — прочтем мы в книге известного советского искусствоведа М. А. Ильина «Москва», — сооруженный в 1481—1482 годах под руководством прославленного художника-иконописца Дионисия, и настенная роспись 1514 года не дошли до нас. Лишь отдельные фрагменты фресок на алтарной преграде и в Похвальском приделе позволяют судить о первоначальном живописном убранстве собора. Фрески Дионисиевского круга были заменены новыми в 1642—1643 годах, однако и они не дошли в своем настоящем виде, пострадав от позднейших неумелых «поновлений».

Продолжаем серию публикаций, посвященных памятникам Московского Кремля, начатую в прошлом году очерками «В полдень весеннего дня» и «Иван Великий» (№ 4 и 6).

Каждый храм можно рассматривать с разных точек зрения: **искусствоведческой, культовой и социально-исторической.**

Первая из этих точек зрения, из этих граней — эстетическая и историко-строительная. Взгляд на храм как на произведение искусства, творение зодчих, каменщиков, живописцев-иконописцев и мастеров иных художественных ремесел, а также «творческая история» и судьба памятника, начиная от замысла и кончая современным обликом.

Вторая — религиозная, культовая. Взгляд на храм с точки зрения его прямого, непосредственного предназначения; исследование всего комплекса религиозных представлений, символов, легенд, как бы воплощенных в его камнях, запечатленных на иконах и фресках.

Третья грань — социально-историческая. Взгляд на храм как на безмолвного свидетеля исторических событий, происходивших и под его сводами, и у его стен, исследование истинных, реальных побудительных мотивов (и политических и личных) сооружения того или иного храма, основания того или иного монастыря.

С этих трех точек зрения мы и осмотрим с вами Успенский собор Московского Кремля.

Первой грани мы уже вкратце коснулись.

Грань вторая — религиозная, культовая. Хотелось бы, прежде всего, отметить, что двунадесятый праздник успения пресвятой богородицы был чрезвычайно популярен в Древней Руси. В силу вековой традиции храм, посвященный успению, становился чем-то вроде непременной архитектурной регалии крупного древнерусского города, кафедрой епархиального архиерея. Традиция эта была поддержана и в Москве на заре ее политического возвышения, и Успенский собор во Владимире стал прообразом современного Успенского собора в Московском Кремле, который принято было величать не иначе как «домом пресвятой богородицы», «первопрестольным храмом» всей России. Успенский собор представляет собой, если можно так выразиться, уникальную концентрацию православного вероисповедания, отраженного в иконах и настенной росписи, воплощенного в камень и металл митрополичьих и патриарших надгробий, в содержимое специального шатра для хранения реликвий и т. д.

И, наконец, третья грань... В русской истории Успенский собор Московского Кремля занимает положение совершенно исключительное. То, чему довелось быть свидетелем только этому, нынешнему, построенному при Иване III, собору в течение почти четырех с половиной веков дореволюционной эпохи, просто немыслимо пересказать даже с предельной лаконичностью. Наверное, ни один памятник отечественной старины не может идти в этом смысле в сравнение с Успенским собором. «Что ни шаг, то история... Москва походит на старинную книгу», — воскликнул однажды Д. Н. Мамин-Сибиряк. То, что звучит справедливо по отношению ко всей Москве, звучит вдвойне справедливее по отношению к исторической сердцевине города — Кремлю и, пожалуй, втройне справедливее по отношению к исторической сердцевине Кремля — Успенскому собору. «Тысячи приятных воспоминаний гласят о святости сего места», — писал о соборе автор пространного очерка «Прогулки по Кремлю», напечатанного «Отечественными записками» в 1821 году. Не будем возражать против слова «святость»: памятник этот священен и в нашем (правда, принципиально ином) понимании данного слова. Но вот с эпитетом «приятные» согласиться никак нельзя. Успенский собор — нервный узел исторических воспоминаний, но — увы! — далеко не всегда светлых, «приятных».

Провести четкую разделительную черту между этими взаимопроникающими гранями очень трудно, порой невозможно. И подобно тому как в современной науке наиболее продуктивными и перспективными оказываются «пограничные полосы» между отдельными научными дисциплинами, так и при изучении и осмыслении архитектурных памятников культового происхождения очень интересно, в высшей степени плодотворно изучать одну грань «с опорой» на другие — как бы сдвигать эти грани для их исследовательского сопоставления.

Обратите внимание на верхний ярус Ивана Великого, на ту надпись, которая опоясывает колокольню под самым ее куполом. Надпись эта увековечила имена царя и царевича (Бориса Годунова и его сына Федора), «изволением» которых «храм совершен и позлащен», и год строительства: 108-й.

«Что за странное летосчисление?» —

возможно, спросите вы. Это — церковное и государственное летосчисление, официально принятое в Древней Руси, летосчисление «от сотворения мира». Его строго придерживались русские летописцы. Колокольня Ивана Великого была надстроена в 7108 году по такому, разумеется, совершенно мифическому отсчету лет, но цифра эта дана в сокращенном виде, подобно тому как мы, к примеру, говорим и пишем: «девятьсот пятый», имея в виду 1905 год.

Согласно церковным представлениям, «от сотворения мира» до «рождества Христова» прошло 5508 лет. Мы, выходит, сейчас живем в 7487 году, а Успенский собор, следовательно, построен был в 6987-м... За 13 лет до библейского семитысячелетия.

В представлении людей той эпохи 7000 год был не просто примечательной хронологической вехой, и они смотрели на него отнюдь не так, как мы теперь с вами смотрим, к примеру, на 2000 год.

В 7000 году «от сотворения мира» ожидали **конца света.**

Представьте себе, какое поистине губительное, деморализующее воздействие оказывали такие зловещие представления и такие мрачные ожидания на умы и души, на помыслы и планы глубоко религиозных людей.

«Во-первых, сама Москва была еще под властью татарских ханов, во-вторых, — пишет дореволюционный историк Н. Д. Чечулин, — с концом седьмой тысячи лет от сотворения мира, т. е. в 1492 г. от Р. Х., ожидали, что наступит конец мира. Это мнение было общераспространенным в Московской Руси, и отголоски его ясно видны как в некоторых летописных заметках, так даже и во многих деловых актах: за некоторое время до 1492 г. замечается, что этот год все чаще и чаще ставится предельным сроком разного рода условий и обязательств».

К этому хотелось бы добавить, что второе обстоятельство — ожидание конца света — на деле, надо полагать, упрочивало первое обстоятельство — золотоордынское иго, ибо сознание эсхатологической обреченности не могло в той или иной мере не отравлять души русских людей чувством безнадежности и безразличия. Так стоит ли, в таком случае, свергать владычество Золотой Орды, когда свободе и порадоваться-то не успеешь? Стоит ли возводить крепостные стены и башни в Москве, строить новые соборы, если все равно скоро всему конец? Дело дошло до того, что ученые мужи православной церкви решили не рассчитывать пасхалию на годы, следующие за 7000-м. Последним днем земного мира называли они пасхальный день 1492 года.

Положение усугублялось еще и тем, что этими эсхатологическими ожиданиями и настроениями воспользовались в своекорыстных интересах высшие представители монашества — «осифляне», прозванные так по имени своего идеолога и вождя Иосифа Волоцкого, основателя Иосифо-Волоколамского монастыря. Апокалиптические страхи были взяты ими на вооружение в непримиримо ожесточенной борьбе ради сохранения монастырских богатств, прежде всего обширных земельных угодий. Трудно даже определить, чего проявилось более в этом приеме политической борьбы — алчности или фактического, скрытого неверия?

По христианскому вероучению, быть проклятым церковью и отлученным от нее — значит, быть наказанным самой высшей карой. Анафема страшна для верующего человека в любые времена, что же говорить тогда о «временах последних», когда до светопреставления и «страшного суда» остаются считанные годы! И, встав грудью на защиту своих богатств, русская церковь замахнулась на покусившихся на них мечом анафематствования, присочинив к «чину православия» новое, дополнительное проклятие: «Вси начальствующие обидящие святыя божия церкви и монастыри, отнимающие у них даиные тем села и винограды, аще не престанут от таковаго начинания, да будут прокляты».

Но жизнь человеческая продолжала катить свои могучие воды в извечном русле. И, быть может, нигде на Руси нельзя было тогда увидеть лучше это, по сути своей, антирелигиозное торжество, как здесь, на Кремлевском холме, который в то время тысячи искусных мастеров обносили новыми крепостными стенами, украшали новыми храмами.

Великий князь Василий Васильевич по прозвищу Темный. Старинный рисунок.

Новые кремлевские укрепления, заменившие сильно обветшавшие белокаменные стены и башни времен Дмитрия Донского, построены были в течение 11 лет (1485—1495 гг.). Из них первые семь лет непосредственно предшествовали ожидаемому «концу света».

Новые крепостные стены опоясали Кремлевский холм, уже украшенный новым Успенским собором. Его освятили за 13 лет до «светопреставления».

Великолепный ансамбль новых соборов и крепостных укреплений, разумеется, благополучно миновал, вместе со всей Русью и всем остальным миром, зловещий хронологический рубеж. И глядя сегодня на эти стены, башни, соборы, мы воспринимаем их как памятники народного оптимизма, жизнелюбия и здравого смысла.

Если, войдя в Успенский собор через южные двери, повернуть направо, мимо гробницы митрополита Филиппа, подняться по ступеням солеи на левый клирос и пройти через южные врата иконостаса, увидишь каменную лестницу — путь в один из приделов, именуемый приделом «похвалы богородицы», или просто «Похвальским».

Великий князь Иван Васильевич — строитель Успенского собора. Старинный рисунок.

В Успенском соборе «похвале богородицы» посвящен не только один из престолов, но и картина на соборных стенах. Вон она, вверху: богоматерь восседает на престоле, слева и справа — пророки со свитками в руках.

Богородичное празднество это приурочено церковью к одной из великопостных суббот. Почему же на этот, в сущности, рядовой православный праздник обратили особое внимание в древней Москве? В «Истории города Москвы», написанной И. Е. Забелиным, крупным историком и знатоком московской старины, есть весьма любопытное объяснение: та самая историческая встреча русских князей на Боровицком холме, запись о которой в летописи стала первым упоминанием о городе Москве, произошла 4 апреля 1147 года, в канун праздника похвалы богородицы.

Надо сказать, что простые люди Древней Руси были так поглощены реальной, земной жизнью со всеми ее трудами и заботами, радостями и горестями, что подчас оглядывались на церковный календарь, в сущности, лишь для того, чтобы запомнить — в какой день случилось то или иное событие, начиная от рождения в семье младенца и кончая битвами между княжествами и государствами. Образно говоря, они использовали этот календарь для того, чтобы делать различные пометы на его полях, — и пометы эти были для них более важны, чем текст самого церковного календаря.

Оглядывались на церковный календарь... Слова эти напомнили мне об одной истории, относящейся к эпохе так называемого «Смутного времени» — истории целой цепи неудавшихся покушений на царя Василия Шуйского.

«Не успел Шуйский сладить с одним

заговором, как созрел другой, — прочтем мы в фундаментальных «Очерках истории смуты в Московском государстве», написанных крупным дореволюционным историком С. Ф. Платоновым, — хотели Шуйского убить на **вербное воскресенье** (здесь и далее подчеркнуто мною. — **А. Ш.**), 9 апреля, очевидно, в то время, когда он по обычаю должен был вести «осля» под патриархом. Заговор открылся по доносу... В мае 1609 года в Москве шли разговоры о том, что «бояре и дворяне и дети боярские и торговые люди... тем же своим старым заговором умышляют и хотят его (царя Василия) убить на **вознесеньев день** из самопала». Однако и в день вознесения, 25 мая, Шуйский остался цел.... На эти праздничные сборища возлагали свои надежды... и тушинские главари (то есть ближайшие сподвижники Лжедмитрия II, обосновавшегося лагерем в подмосковном селе Тушине. — **А. Ш.**). Зная ...о замыслах на вербное воскресенье, они имели какие-то сведения и о том, что в Москве будет «замятня» на **николин день**, 9 мая... После николина дня, принесшего тушинцам разочарование, они стали рассчитывать на **троицын** и **духов дни**, 4 и 5 июня, и в один из этих дней решились даже штурмовать «обоз» царя Василия и московские стены. Потерпев большую неудачу.... они перенесли надежды на **петров день**».

Пир после освящения Успенского собора 12 августа 1479 года. Рисунок из летописи.

«Интересно, что московские люди все предполагаемые покушения произвести переворот приурочивали к праздничным дням, — заметил этот историк, — когда можно было ожидать скопления народных масс в храмах и церковных процессиях». Но, пожалуй, не менее интересно и то, что «московским людям», деловито обдумывавшим планы политических покушений и убийств, облюбованные ими для этой цели крупнейшие церковные праздники совсем не напоминали о христианских заповедях кротости и любви к ближнему.

Похвальский придел как бы перешел по наследству от прежнего Успенского собора — собора времен Ивана I Даниловича — новому собору — собору времен Ивана III Васильевича. Митрополит Иона в 1459 году пристроил этот

Целое столетие после катастрофического Троицкого пожара пролежал в литейной яме сильно поврежденный Царь-колокол. В 1837 году он был поднят из ямы и установлен на постаменте.

Внутренний вид Успенского собора.

придел отнюдь не в память о давнем княжеском свидании в хоромах на Боровицком холме, а в память и для прославления военного успеха, благодаря которому Москва была избавлена от серьезной опасности. В том году хан Седи-Ахмат во главе крупных сил двинулся к Москве, но был остановлен на берегах Оки и обращен в бегство московским войском.

Похвальский придел — один из великого множества примеров характерной особенности православного культа: его, так сказать, **избирательной памяти.** Об этом, мне кажется, стоит поговорить подробнее.

Возьмем хотя бы праздник рождества богородицы — несравненно более значительный и популярный, чем тот, которому посвящен Похвальский придел. Накануне революции в Москве было 10 церквей, посвященных рождеству богородицы, плюс столько же престолов и приделов в церквах, посвященных иным праздникам и святым. Самый ранний рождествобогородичный храм построен был в 1392—1393 годах в Кремле по велению великой княгини Евдокии Дмитриевны, вдовы незадолго перед этим скончавшегося Дмитрия Донского.

В популярности праздника рождества богородицы не было ничего загадочного: в день его, 8 сентября 1380 года, разыгралось сражение на поле Куликовом. Движение двух огромных армий навстречу друг другу протекало так, что сразились они 8 сентября 1380 года, хотя могло это произойти и днем и даже неделей раньше или, наоборот, позже.

Военная победа совпала с крупным религиозным праздником — и до сих пор православная церковь не забывает об этом. А сколько было в русской истории хронологических совпадений иного характера! Совпадений церковных праздников со всевозможными бедами, несчастьями, военными неудачами.

Вознесение господне... Собрав стотысячное войско, крымский хан Девлет Гирей в мае 1571 года неожиданно и стремительно вторгся в южные пределы Московского государства. Обойдя стороной высланные навстречу им русские отряды, крымцы подошли к Москве 24 мая, в праздник вознесения. Город был брошен Иваном Грозным на произвол судьбы. В предместьях вспыхнули пожары. О том, что случилось дальше, о том, что можно было наблюдать из узких окон Успенского собора, — мы можем прочесть в книге С. П. Бартенева:

«Внезапно поднялся вихрь и огненное море широкой волной залило весь город. Все небо окутали облака дыма, крутящегося с таким шумом и треском, что казалось... будто само небо рушится на землю...» Москвичи в слепом ужасе давили друг друга, бежали от огня к Москве-реке и тонули в ее водах... «Вода реки... сделалась теплой от силы пламени и красной от крови...» Тысячи горожан бросились к кремлевским воротам. «Обезумев, люди... ходили по головам других, достигали ворот, но находили их запертыми и гибли, задыхаясь от дыма». Взрыв порохового погреба разрушил крепостную стену на значительном протяжении, и «проломы заваливали, по недостатку дерева, мертвыми телами». По свидетельству очевидцев этой, если можно так сказать, «вознесенской трагедии», в Москве сгорели и были задавлены насмерть многие тысячи людей. «В продолжение 3 часов, — писал один из иностранцев, переживших «Девлетов набег», — Москва выгорела так, что не осталось даже обгорелого пня, к которому можно было бы привязать лошадь».

Троица... В 1737 году этот праздник пришелся на 29 мая. Как и положено, начался этот жаркий летний день колокольным звоном по всей Москве, торжественными и многолюдными службами во всех церквах. В хоромах князей Милославских набожная служанка поставила свечку перед иконой, висевшей в ее каморке, и, помолившись, возвратилась к повседневным трудам и хлопотам. Свечка свалилась на пол и подожгла рухлядь. Так начался катастрофический Троицкий пожар, и название это отнюдь не придумано мною, а давным-давно и прочно вошло в обиход историков Москвы, в том числе и церковных. В огне Троицкого пожара сгорели или сильно пострадали 102 церкви и 11 монастырей. Безмолвной памятью об этом огненном бедствии и поныне возвышается в центре Кремля знаменитый Царь-колокол с прислоненным к его постаменту семисотпудовым осколком. Гигантский колокол, еще находившийся в литейной яме, был накален пожаром строительных лесов, а паническое, беспорядочное тушение водой стало причиной трещин в двухсоттонном теле.

Троицкий пожар окружил Успенский собор в час митрополичьего богослужения. Дружно запылали соседние строения и бревна мостовой. «Храм наполнился дымом и смрадом, — рассказывал историк И. М. Снегирев в своей книге «Москва. Подробное историческое и археологическое описание города», — кровля на нем горела, стекла в оконницах от жары лопались... После того в стенах, сводах и кровле его оказались трещины и расселины... штукатурка во многих местах обвалилась, стенное писание облиняло и потускнело».

Листаем православный церковный календарь дальше...

Преображение господне — 6 августа. 6 августа 1812 года наполеоновская армия вступила в охваченный пожаром, разрушенный Смоленск, среди многочисленных православных храмов которого, кстати сказать, была и построенная в 1766 году в южной части города Спасо-Преображенская церковь.

Успение богородицы — 15 августа 1601 года. Тем летом целых десять недель подряд шли непрерывные дожди. Залитые водой нивы зеленели невызревшими посевами. Ужас объял крестьянские сердца. Над Русью встал жуткий призрак неурожая и голода. От мучительной погибели могли бы еще спасти солнечные дни на исходе лета. И вот, с исступленной надеждой на «чудо» и «милость пресвятой богородицы» бесчисленные толпы молящихся собрались ранним утром успениева дня к приходским и монастырским храмам. Нетрудно представить себе, что творилось здесь, в Успенском соборе Московского Кремля и вокруг него, 15 августа 1601 года!.. А утром этого дня ударил необычно ранний мороз, погубивший последние посевы и последние надежды на спасение. Прямым следствием «успенского мороза» стал чудовищный голод, свирепствовавший на Руси в продолжении трех лет. Только в одной Москве, куда в надежде на пропитание и спасение, бежали жители иных городов и краев, умерло от голода 500 тысяч человек. А сколько погибло помимо Москвы, сколько замерзло в зимнюю стужу на дорогах!

«История государства Российского» Н. М. Карамзина доносит до нас описания народного бедствия, при чтении которых поистине кровь в жилах стынет! Люди валялись на улицах. Рты умерших от голода были набиты непрожеванной соломой. И все это можно было видеть, конечно, и у стен Успенского собора, через те окна, в которые мы сейчас смотрим с вами.

И, наконец, последний православный праздник в этом списке — зимний Никола, память святителя Николая, архиепископа мирликийского, чудотворца, 6 декабря... Николин день — 6 декабря 1240 года — один из самых скорбных дней в истории Древней Руси: в этот день орды Батыя, после многодневной, предельно ожесточенной и упорной осады, штурмом взяли Киев, истребив поголовно его жителей, превратив его в сплошные руины.

Но вернемся на берега Москвы-реки, в середину XV века... Первоначальный Похвальский придел сооружен был в последние годы правления одного из самых злосчастных русских князей — Василия II Васильевича, по прозвищу Темный (вернее было бы назвать его «слепой», «незрячий», «безглазый»: один из родственников, врагов Василия Васильевича, захватил его в плен и приказал ослепить). И это был не единственный плен в жизни великого князя Василия II. Летом 1445 года войско его было разбито татарами под Суздалем, и он очутился в ордынском плену, из которого освободил его огромный выкуп. Роковая битва эта случилась 7 июля. Откроем православный календарь. Под этой датой вписана в святцы московская княгиня, вдова Дмитрия Донского — «преподобная Евдокия, во инокинех Евфросиния», скончавшаяся в 1407 году. Родная бабка Василия Темного.

Можно представить себе, как бы была прославлена и возвеличена церковью Евдокия-Евфросиния, если бы... 7 июля 1445 года под Суздалем не татары разбили русских, а, наоборот, русские — татар. И не московский князь оказался бы в татарском плену, а золотоордынский хан в русском плену. Тут же была бы сочинена история о «чудесном явлении» преподобной Евдокии-Евфросинии ее внуку, его военачальникам и ратникам, о ее «заступничестве», о ее ободряющих, благословляющих и предсказывающих победу словах и т. д. и т. п.

Конница Седи-Ахмата была, к счастью, отогнана от берегов Оки... Три с половиной века спустя иноземную армию, несопоставимо более многочисленную и могущественную, к великому несчастью, не удалось остановить ни у берегов Днепра, в сражении за Смоленск, ни у берегов Москвы-реки, в сражении на Бородинском поле. Армия под командованием Наполеона, не считаясь с огромными потерями, подошла к Москве... Но об этом речь в следующем очерке.

РАФАЭЛЬ

Автопортрет. 1506.

Ласло ПАШУТ

Перевели с венгерского А. Големба и А. Лидин

Ласло Пашут (род. в 1900 г.) — автор большого числа исторических романов о героях национально-освободительной борьбы, о художниках эпохи Возрождения. Его романы «Бог дождя оплакивает Мексику», воссоздающий эпоху захвата Мексики испанскими завоевателями, книги о Джорджоне, Веласкесе, Рафаэле пользуются большой известностью и на его родине — в Венгрии, и в других европейских странах. Сейчас издательство «Искусство» в Москве готовит к публикации перевод романа Ласло Пашута «Рафаэль» (издан в 1964 г.). Фрагменты из этого романа мы предлагаем нашему читателю.

РАФАЭЛЮ было двадцать три года, когда он с бьющимся от волнения сердцем принес Аталанте Бальони свои первые наброски. Теперь же, уступив ее настояниям, молодой, но уже достаточно известный мастер прибыл из Флоренции в Перуджу. В мрачном палаццо вдовы готовились к его приему.

Поднимаясь по ступеням парадной лестницы, он отметил про себя, что мебель в вестибюле все еще покрыта траурными чехлами. Он вспомнил свой первый визит сюда, почти

три года назад, когда маэстро Перуджино и его первый помощник были приняты печальной вдовой.

Воспоминания наплывали одно на другое и сливались воедино. Аталанта, единственное оставшееся в живых звено древнего тиранического рода, стояла у окна, похожая на монахиню, и глядела вниз на площадь, где каждый камень пробуждал в ее душе горестные воспоминания.

О кровавой свадьбе семейства Бальони было много разговоров. Ужасная жестокость свершилась здесь за несколько месяцев до того, как Рафаэль поступил помощником в школу маэстро Перуджино. Те, кто жил в Перудже в жарком июле 1500 года, вспоминали совершенно точно: свадьба должна была послужить прославлению юного властителя города Асторре Бальони. Его невеста, Лавиния Колонна, сопровождаемая торжественной свадебной свитой, прибыла из Рима в Перуджу. Все члены семейства Бальони были приглашены на свадьбу. Таким образом, для дальних родственников Асторре, ненавидящих его, представлялся вполне подходящий случай убрать его с дороги вместе со всем семейством.

В вечерние сумерки свадебный кортеж ждал благословения в церкви. В полночь родственники Асторре с наемными убийцами напали на семейство правящих Бальони. Нападавшие залучили на свою сторону младшего сына Аталанты Грифонетто Бальони, отпрыска правящего рода. Грифонетто был вместе с теми, кто взломал двери свадебного покоя острыми кирками. Лавиния заслонила собой Асторре, но ее отшвырнули в сторону.

Когда забрезжило утро, перед дворцом валялись четыре окровавленных трупа. Однако заговорщики свершили лишь полдела, ибо Джан Паоло Бальони, который должен был стать пятой жертвой, сумел бежать по крышам. Полуодетый, но с мечом в руках, он взобрался на кровлю дворца и оттуда, насколько это возможно в ночной мгле, видел все жестокие деяния. На крыше четвертого дома он постучался в светящееся окно. Это была каморка студентов. На следующее утро, переодетый в студенческое платье, Джан Паоло покинул Перуджу.

Убийцы раструбили по всему городу: с тиранией Бальони покончено. Но город молчал, замкнувшись от убийц. Жители страдали от капризов Асторре, но те, кто завладел его наследием, были еще ненавистней горожанам Перуджи. Никто не знал, что принесет следующая ночь. Обыватели запирали ворота, поспешно закапывали драгоценности.

Джан Паоло на неоседланном коне скакал по землям Умбрии. Он объехал владетелей трех замков, прося о помощи. Счастье было милостиво к нему: поблизости от Тоди стоял лагерем капитан наемников Вителоццо Вителли с восемьюстами тяжело вооруженными всадниками. Они сторговались, и наемное войско пошло на Перуджу.

Аталанте Бальони, матери Грифонетто, было тогда едва ли больше тридцати пяти лет. Узнав о злодеянии заговорщиков и о том, что ее сын в нем участвовал, она покинула дворец и бежала вместе с падчерицей в дом своего отца. Она крепко заперла ворота и велела выставить на всех ярусах вооруженную стражу.

Грифонетто узнал о бегстве матери и последовал за нею, чтобы уговорить ее,— он был еще весь в горячке воодушевления,— стать одной из новых владычиц города. Трижды стучался он в ворота железной перчаткой, трижды выслушивал ответ: «Нет!» Аталанта не желала больше видеть своего сына, ставшего убийцей.

Стражник на башне у ворот святого Констанция первым увидел всадников на горизонте. Они приближались с грозной быстротой, и прежде чем заговорщики успели поднять тревогу, атакующие уже затопили холм против ворот.

У тех, кто устроил кровавую свадьбу, были вооруженные слуги, но это отнюдь не было войском. По старому обычаю, обратились с призывом взять оружие к народу Перуджи, как во времена, когда городу грозила опасность при приближении неприятеля. Но тщетно гремел набатный колокол. Дома горожан оставались запертыми. Город будто вымер. К Грифонетто и его друзьям не присоединился ни один вооруженный горожанин.

Всадники Вителоццо и не предполагали, что Перуджа еще до вечера окажется у них в руках. Перед ними распахнулись ворота святого Петра, и наемные конники нигде не встретили сопротивления. Когда осаждавшие стояли уже перед воротами святого Эрколано, Грифонетто Бальони еще раз подошел к дому, где заперлась его мать. Он постучал, но ни большие ворота, ни малая калитка, которую в Перудже называли еще «Врата мертвых», не открылись ему. Грифонетто закричал, запрокинув голову к закрытым окнам верхнего этажа: «Жестокая мать, снова я сюда не вернусь. Нынче последний раз ты можешь говорить со своим сыном!»

Когда он поскакал прочь, вся Перуджа уже оглашалась криками и звоном оружия. Бегущих преследовали, наемники врывались в дома, одна из церквей была в пламени, ворота квартала, где засели заговорщики, были взяты штурмом. На большой площади Грифонетто собрал еще несколько десятков вооруженных людей, которые сплотились вокруг него. Когда Джан Паоло Бальони увидел своего брата, то не смог укротить ненависть. Он приказал напасть на Грифонетто, и всадники осаждающих истребили маленькую кучку его защитников. Джан Паоло уже поднял было свое оружие, но вдруг остановился. «Ты теперь в моей власти, предатель... но я не загрязню свои руки братской кровью, как ты это сделал. Не я умертвлю тебя!» — и он указал своим мечом на бледного юношу, которого окружили всадники в латах. Чья-то пика подняла его из седла.

Он упал с лошади, и всадники хотели нанести поверженному в пыль смертельный удар — «удар милосердия», когда явились Аталанта и жена Грифонетто. Всадники расступились перед двумя одетыми в черное дамами, давая им дорогу. Они не тронули ни умирающего Грифонетто, ни его близких. Не двигаясь, глядели они, как мать преклонила колени рядом с сыном и положила себе на колени его разбитую, окровавленную голову. Он был еще жив. «Твоя несчастная мать хотела говорить с тобой, но ты ничего уже не можешь сказать, сын мой. Ты знал это...»

Взор его обратился к ней, но тело слишком ослабело, уста были уже неспособны слагать слова. «Дай мне знак, сын мой, что ты прощаешь своим врагам... что ты прощаешь тех, кто...» Его рука выпустила железную перчатку и пальцы юноши искали руку матери. Аталанта глядела в искромсанное лицо сына. Потом закрыла ему глаза.

...Когда Рафаэль переступил порог в мастерскую Перуджино, все еще помнили прошлогодний ужас. Те, кто жил в квартале святого Петра, не скоро забыли ночные грабежи всадников Вителоццо, — расправа последовала за осадой и взятием города. Когда Рафаэль прибыл в город, жизнь только начинала вступать в колею. Легенда окружила имена участников этих страшных событий, городские летописцы увековечили кровавую свадьбу в своих анналах.

...Аталанта послала за Рафаэлем. Незадолго до того он успел закончить автопортрет: длинноволосый, стройный юноша с мечтательным взором и девичьим обликом, в простом одеянии, в темном берете, шея обнажена — таким изобразил себя Рафаэль. Взгляд был любопытен и печален — будто ждет кого-то издалека.

Аталанта, как обычно с той ночи, восседала с каменным лицом на своем высоком стуле. Глаз художника видел, как тонки черты ее лица: в густых волосах не проглядывали серебряные нити, только ее руки, как у всех людей,— Перуджино научил его этому,— выдавали возраст. Женщина, утратившая сына, вдова чуть ли не с детских лет.

Рафаэль привык к тому, что жители Перуджи, приходившие в мастерскую, были с ним на ты, что они торговались за какой-нибудь рисунок или заказывали майоликовую тарелку, которая должна была быть расписана еще до обжига. Аталанта назвала его мессер, даже чуть улыбнулась, когда юноша из Урбино склонился, чтобы поцеловать ей руку. Внезапно она положила левую руку на его голову. Он мял в руках берет, и Аталанта гладила его чудные темные локоны.

— Грифонетто был чуть постарше тебя...

На какое-то мгновение провела платком по глазам. И вот она уже снова великосветская дама, родовая дворянка, первая дама Перуджи.

— Мессер, я хочу заказать вам картину. В церкви святого Франциска, в капелле Бальони погребен мой сын. Тему я выбрала. Если вы готовы написать «Положение во гроб», я охотно дам вам заказ.

До сих пор Рафаэль писал преимущественно мадонн. Несколько лет назад возник «Сон рыцаря», еще очень простая композиция. Он был во Флоренции и видел картины Мазаччо. У еще несамостоятельного живописца, хотя бы и первого помощника Перуджино, большие господа редко заказывали значительные, предназначенные для церквей композиции. Тема Депозицио — положение Христа во гроб — была согласно традиции под стать лишь зрелому художнику. Даже маэстро Перуджино всего лишь десять лет назад после многолетних трудов, провалов и успехов, решился написать Депозицио.

— Что скажет маэстро, когда узнает, что картину зака-

зали не первому мастеру города, а ученику, мадонна Аталанта?

— Грифонетто был юн. Мне хочется, чтобы картину написал мастер его лет. Ваша матушка еще здравствует, мессер Рафаэлло?

— Я утратил ее в ранней юности. Мой отец, живописец на службе у герцога Урбинского, умер, когда мне было девять лет.

— Мессер, вы должны понять меня. Почему я прошу вас написать «Положение во гроб». Вы, наверное, знаете... Вы слышали, что произошло здесь, в Перудже?

— Я прибыл в город полгода спустя, мадонна.

— Я держала голову сына на своих коленях. Еще храню черный плащ, запятнанный кровью. Ему сбили с головы шлем, сорвали с руки железную перчатку. Оружие выскользнуло у него из правой руки. Один, осмеянный, лежал он в пыли, в жаркой июльской пыли, мессер! Вы слышите меня, Рафаэлло? О вас говорят как о лучшем молодом живописце, который явился на свет с кистью в руках... Не со шпагой, как мой сын. Кровавая свадьба... Кровавая... Я не хочу гневить господа, равняя с ним моего бедного сына. Да смилуется спаситель над душой его, ибо сын мой в последнее мгновение своей жизни раскаялся в грехах своих. Он тянулся к распятию на моей груди. И тут его рука поникла. Нет, мессер, это не святотатство, не кощунство, и вам не следует пытаться придать лику Христа черты Грифонетто. И лицо Мадонны не должно быть моим лицом. Только боль, только скорбь,— о, сын мой,— должна быть подлинной... Она не может быть иной... Боль, какую испытывает мать, когда на ее глазах умерщвляют юного сына. Этот ужас, муки отражаются в глазах, в выражении лица, в руках — во всей фигуре...

О, нет, эта скорбь никого не оскорбляет. Любая мать оплакивала бы так своего сына. Когда его земная судьба исполнена, когда его уносит недуг, мать, быть может, скорее утешится... Но когда острые мечи, гвозди, копья пронзают родное тело... Что я могу еще прибавить, сын мой?

Большой кошель, туго набитый серебряными монетами, и маленький кошелек, наполненный золотом, оттягивали карманы Рафаэля, когда он покидал палаццо Бальони. С той минуты «Положение во гроб» легло на его душу тяжким бременем. Явились на свет эскизы, наброски частей композиции. Рафаэль поочередно осмотрел все флорентийские храмы. Он завидовал Микеланджело, завидовал его умению писать женские фигуры, восхищался их мощью, но чувствовал, что не возьмет у него ничего, ни в чем не будет ему подражать, когда примется за свою мадонну.

В чем выражается истинная скорбь? В чем ее отличие от скорби по обычаю, когда у свежеразверстой могилы царапают лицо ногтями, а час спустя спокойно справляют дома поминки? Долго, исполненный восхищения, стоял он у «Положения во гроб», писанного его учителем Перуджино. Рафаэлю ничего не стоило, находясь в Перудже, где создавал маэстро свою картину, заглянуть в альбом его эскизов и проследить, как шаг за шагом формировался облик отдельных фигур композиции. Сперва штриховой рисунок... Затем набросок всей картины. Несомненно, это было лучшее творение мастера Пьетро. Ничего равного по совершенству он с тех пор так и не смог создать. И все же... сцена погребения производила несколько застывшее впечатление. В композиции не было движения. Она не жила, нет, она не жила, не жила.

Рассматривая перуджиновское «Положение во гроб», Рафаэль внезапно понял, что все эскизы, которые он набросал, были более или менее удачными зарисовками какой-нибудь одной детали. Общую же композицию обременяла тупая безжизненность, подобная той, что лишала силы и полотно Перуджино.

Надо разрыхлить, сделать свободнее «Положение во гроб», придать картине эффект случайности... подглядеть лишь одно-единственное мгновение из того часа, когда спасителя снимают с креста и двое сильных мужских рук подхватывают безжизненное, тяжелое тело.

Годы шли. Аталанта уже трижды писала ему во Флоренцию, что желает видеть картину. В ответ она получила эскизы деталей, часть которых она оставила у себя, другие отослала ему обратно, как напоминание. Рафаэль посылал ей наброски, дабы мадонна Аталанта не думала, что он принял заказ лишь ради аванса и удалился из Перуджи во Флоренцию, в крупный город, чтобы уклониться от выполнения своего долга. Три года прошло с момента их договора. Аталанта с тех пор ежедневно ходила к францисканцам и преклоняла колени в часовне. И каждый раз перед ее взором возникало белое пятно на том месте, где должна будет висеть та картина.

...Рафаэль предупредил о своем приезде. Теперь во дворец Бальони стучался не робкий подмастерье. Флорентийская жизнь смыла с лица Рафаэля всю детскость. Он стал взрослым мужчиной, у него росла борода. Платье его стало ярче и скроено на тосканский манер, теперь оно было совсем не похоже на тот скромный мещанский наряд, в котором он впервые предстал перед госпожой.

А Аталанта? Постарела ли она? Покрылось ли паутиной морщинок ее лицо, подобное морю? Затененная берегами темного платья, в чепце — такой увидели ее глаза художника. И все-таки она была прекрасна... Прекрасна, как могут быть только скорбящие женщины, жизнь которых источило раннее вдовство. В глазах Рафаэля Аталанта стала еще красивей.

Со времени кровавой свадьбы прошли годы, новое поколение выросло с тех пор в Перудже, о кровавых событиях оно знало лишь понаслышке. Никто из них не видел воочию ни Асторре, ни Грифонетто. Остался только страх перед Джан Паоло, что он может вернуться однажды в Перуджу.

Понимала ли Аталанта хоть что-нибудь в живописи? Род Бальони до сих пор не слишком отличался на меценатском поприще. Бальони славились как дикие, беспокойные повелители городов, как руки загребущие, ничем не лучше и не хуже других мелких итальянских тиранов, через головы которых медленно, но неумолимо переступало время.

Великие события отбрасывали с севера на юг свои гигантские тени, королевские войска все приближались. Родриго Борджа, что ни говори, был все же могущественным папой. Он увеличил наследие святого Петра и сломил силу магнатов в папском государстве. Папа Юлий II продолжал этот очистительный процесс. Что оставалось в этой игре могущественных сил на долю властителей маленьких городов, войско которых состояло всего лишь из нескольких сот наемников?

Три года назад, когда Аталанта заказала Рафаэлю «Положение во гроб», она сделала это потому, что ей нравился первый помощник Перуджино, нравился этот юноша, его портреты мадонн, кроткая прелесть его очей, его руки, прекрасно владевшие кистью. За эти годы юноша вырос, стал взрослым. Слава его проникла и в ее тихий палаццо. Имя Рафаэля называли уже в числе первых мастеров Флоренции. Он был молод и должен был еще многому учиться, прежде чем достигнет уровня великих художников. Но с ним уже считались, и богатые горожане, аббаты, магнаты средней руки заваливали его заказами. Аталанта уже не раз наводила через посредников справки во Флоренции о том, как далеко продвинулось «Положение во гроб».

И вот картон был готов. В капелле Бальони, в церкви святого Франциска, место для картины еще пустовало. Но композиция уже родилась, а перенести тщательно проработанный рисунок на холст не представляло большого труда.

— Вы разрешите вызвать сюда моего помощника, мадонна Аталанта? Он толков... и поможет мне при написании картины.

Три с половиной года назад он в простой одежде и со стесненным сердцем от нежданной благосклонности госпожи Аталанты переступил порог этого дома. Теперь он явился уже со своим подмастерьем: Джованни был юноша с Севера, из Удине. Проворно развязал он бечевку, которой был стянут картон, развернул большой лист, и вот «Положение во гроб», заказанное Аталантой Бальони, простерлось перед нею, еще лишенное красок, но уже в совершенной гармонии пропорций.

— Да они как живые! — вырвалось у Аталанты. Она мало понимала в том, что такое композиция, какие существуют ученые теории о расположении, соотношении и взаимозависимости персонажей, их ритмике и равновесии. Законы гармонии в живописи, выраженные на языке художников, еще говорили нечто лишь посвященным да тем, кто часто бывал в мастерских или же был начитан в исследованиях гуманистов.

Аталанте в свое время нравилось и перуджиновское «Положение во гроб». Это была, пожалуй, единственная крупная картина на данную тему, знакомая ей прежде. Но взволнованная динамика картины Рафаэля заставила ее сразу забыть о полотне Перуджино, полотне, которым восторгались вот уже много лет, с самых дней юности Аталанты.

Аталанте почудилось, что Рафаэль несколько изменил свой первый набросок. В прошлом году, уступая настояниям Аталанты, он прислал ей эскиз. Кажется, совсем другой... или, быть может, — тот же самый? Но на нем умерший

сын лежал на материнских коленях, и колени матери были подобны смертному ложу... Казалось, оно остановило время вокруг мертвеца. На этой же картине время как будто сдвинулось и свинцовая смерть находилась в движении. Двое мужчин поддерживали тяжелое тело спасителя. Они шли к краю могилы, и старший из них, из последних сил сопротивляясь тяжести бездыханного тела, отступил на шаг, готовясь взойти на край могилы.

Магдалина была храбрее остальных, она сжимала руку мертвого Христа, будто не оставляя надежды предотвратить свершившееся.

Но где же богоматерь? Аталанта нашла ее в дальнем краю полотна, окруженной группой женщин. Она лежала в обмороке, ее обмякшее тело, поддерживаемое женскими руками, как бы модулировало глубину трагизма.

Тщеславна ли Аталанта? Разве ей не больше понравился первый эскиз, где главной фигурой была мадонна с мертвым Иисусом на коленях? Постигла ли она смысл привнесенного в композицию движения, вдохнувшего жизнь в мрачную сцену смерти? Увидела ли она в этом ритме предчувствие воскресения? Нет, это не навеки! Предчувствие это выражалось даже в рвении трех женщин вокруг Марии; казалось, они говорили ей что-то утешительное, дабы смягчить тяжесть мгновения.

Почувствовала ли госпожа Аталанта, что мастер сознательно старался разрешить материнскую скорбь тем, что отделил ее от людей, сгибающихся под бременем ноши? Мария, почти закрытая от глаз зрителя стоящей на первом плане могучей фигурой младшего из носильщиков, тем не менее, царит над всей сценой.

— Краски, мадонна Аталанта, выявят еще многое.

Ей картина показалась прекрасной. Христос, правда, не был похож на Грифонетто, да и мадонна была изображена женщиной в годах. Аталанте было всего тридцать пять, когда она утратила своего сына.

Ей не было семнадцати, когда наемный убийца, состоявший на службе у графа Сассоферрато, заколол ее мужа на мосту. Она осталась с Грифонетто под сердцем. Семнадцать, тридцать пять, сорок пять. Интересно, сколько лет богоматери в представлении Рафаэля?

Каждый день выбиралась она из дома со своей камеристкой и шла в церковь святого Франциска. Церковь эта стала ее вторым домом. Там ее ожидал возведенный заранее склеп. В капелле она меняла свечи, цветы и ветки. Она останавливалась перед плоскостью белой стены; напрасно она велела побелить ее, там и сям уже вновь проступила плесень. Ей не верилось, что там возникнет картина. Эта картина в красках, образах и в воспоминаниях. К женским фигурам она еще не привыкла. С Иосифом Аримафейским — сдружилась легко. Кто служил моделью Рафаэлю для Марии, Магдалины?

Нет, Магдалину она никогда не примет. Небось, какая-нибудь флорентийская девчонка, из тех, что вечно околачиваются в мастерских живописцев. Слишком юная, чтобы грешить и тут же раскаиваться в грехах.

Что же касается мадонны... Когда Аталанта впервые взглянула на картину, ей показалось, что богоматерь, бессильно поникшая на дальнем краю полотна, предстает слишком незначительной фигурой. В противовес Магдалине, не испытавшей ужаса перед смертью, она казалась беспомощной. Пожалуй, Рафаэлю пришлось бы решать посложнее задачу, если бы он присутствовал на тихих мессах, где Аталанта тысячекратно вновь переживала жуткую свадьбу в Перудже.

Свою мастерскую Рафаэль устроил в доме Бальони. Это был одноэтажный палаццо со многими необитаемыми комнатами. В одной из них, как это принято в Урбино, сложили камин, в котором всегда полыхали поленья. Необитаемый ярус дома теперь наполнился жизнью. Джованни из Удине, изъяснявшийся на своем странноватом северном диалекте, перебрасывался шутками с кухаркой, пробовал вино и посылал мальчишку-ученика то за тем, то за этим. На второй же день в дом заявился маэстро Пьетро Перуджино. Когда он переступил порог палаццо Бальони, работа шла уже полным ходом.

Перуджино по законам цеха уже не был патроном Рафаэля. Но между мастером и бывшим учеником навсегда сохранились древние, как мир, патриархальные связи. Ученик ел за столом с мастером, спал в одной с ним комнате. Собака Перуджино узнала Рафаэля и кинулась ему навстречу. Рафаэль обладал даром привлекать к себе даже неразумных животных; птицы садились к нему на плечо и склевывали крошки с его ладони. Рафаэль легко завоевывал симпатии всех и каждого.

Юнцы-подмастерья обступили его, прислушиваясь к его речи, изменившейся с тех пор, как он стал работать во Флоренции. В Урбино говорили тверже. Данте пренебрег диалектом Перуджи. В городе, украшенном гербом с лилиями, речь Рафаэля смягчилась, приобрела тосканскую окраску, которая была почти необходима для тех, кто в Италии хотел достичь высших целей. В Риме пренебрежительно смотрели на людей искусства, не пользовавшихся языком Данте.

Перуджино склонился к картону. Ему было теперь 57 лет, он жил в городе, когда там разыгралась борьба братьев, борьба не на жизнь, а на смерть. Впервые он увидел Асторре Бальони за пять лет до кровавой свадьбы, когда тот, восседая на своем исполинском вороном коне, в позолоченном панцире и с серебряным соколом на шлеме, похожий на Марса — бога войны, спешил на подмогу Симонетто.

Тогда маэстро уже по всей Италии называли Перуджино, хотя его, уроженца Кастелло делла Пьяве, звали, собственно, Пьетро Ваннуччи. Но он жил здесь, в Перудже, здесь он стал главой цеха и считался одним из первых граждан города.

— Кого воплощают три женщины вокруг Марии?

— Полагаю, мессер, что Вера, Надежда и Любовь смягчают боль сердца.

— Хорошо, сын мой. Это Аталанта просила?

— Ей хотелось, чтобы картина несла в себе примирение. Так она думала...

— Как может картина положить конец распрям?

— Картина порой может сделать больше, чем человек, мессер. Ее многие смотрят. Люди относятся друг к другу, как волки. Но, быть может, их сердца откроются, когда они взглянут на мадонну. Мне ближе та часть картины, которая лежит дальше, на заднем плане. Я не решился бы создать такую сложную композицию, если бы госпожа сама не попросила меня об этом.

Эскизы деталей в квадратной сетке лежали перед маэстро Перуджино. Он испытующе рассматривал их, чтобы понять, в чем превзошел его флорентиец, чему научился Рафаэль за годы пребывания «в обители муз».

Джованни из Удине никогда не был учеником Перуджино. Но теперь и он, сняв берет, стоял в ожидании, что скажет маэстро, склонившийся над эскизами. «Это твоя работа?» — спросил вдруг он, как если бы и этот юноша вырос у него в мастерской, помогая растирать краски.

— Я стараюсь, мессер, быть полезным Рафаэлю.

Большая картина стояла в подрамнике на станине. Пьетро рассматривал краски, набор кистей, растворители, грунтовку, ступку и маленькие шпатели. Там и сям он кое-что поправлял, качал головой, лицо его поминутно менялось. Резко вылепленное лицо с узким ртом, испытующими глазами и длинной складкой через всю гладкую щеку, как сам Перуджино изобразил себя на знаменитой фреске в Коллегии ди Камбио. Перуджино вглядывался, анализировал, соображал — и лицо его было теперь точь-в-точь как на автопортрете.

— Сколько тебе заплатит синьора Аталанта?

— Она не назвала суммы, мессер Пьетро. Мне казалось неудобным говорить с ней о деньгах.

— Когда я, сын мой, семь лет назад должен был расписать большой зал в Камбио, мы договорились, что в окончательный расчет я получу триста пятьдесят дукатов. Ты прекрасно знаешь, как много мы тогда поработали. Естественно, я взял задаток. Но прошло почти полных семь лет, пока я получил под расчет все, что мне причиталось... Всего два месяца назад я получил последние причитающиеся мне пятьдесят дукатов. Конечно, вы, молодые, еще легкомысленны. Для вас это как будто игра. Ты пишешь так, как если бы это для тебя вовсе не составляло труда. Так ты не говорил с Аталантой о плате? Как бы тебе не разочароваться, когда заказ будет исполнен.

— Я собираюсь за два месяца выполнить картину в красках, мессер. Поверьте, мне было нелегко вырваться из Флоренции. Ведь и там у меня уже много заказов. По большей части мне заказывали мадонн для алтарей в семейных часовнях. Но я не мог не исполнить просьбу синьоры Аталанты. Здесь лето прохладней, чем во Флоренции. Должно быть, до сентября я управлюсь.

— Ты не намерен жениться? Чего ты, собственно, ждешь?

— Свить гнездо перелетной птице?

— Мог бы жить своим домом во Флоренции.

— Меня не тянет оставаться там.

— Куда же тебя тянет?

— Мессер Браманте недавно отписал мне. Если святой отец решит отдохнуть от военных походов, насытившись ляз-

Положение во гроб. 1507.

гом оружия, то в Риме перестанут выбрасывать деньги на войну. Быть может, тогда и для меня найдется там место.

— Вечный город преопасное место, а курия еще опасней. Я себя там прескверно чувствовал.

— Прежде чем я навещу вас в вашей мастерской, а мне так полюбилась эта старая мастерская, мне хотелось бы спросить у вас, мессер Пьетро, над чем вы сейчас работаете.

— Пишу распятие Христа...

Они сидели, как некогда у камина. Пьетро взял в руки цветной мелок и набросал на оштукатуренной белилами стене свою композицию. Штрих его был свеж и силен, видно было, что мастер рисует с удовольствием. Рафаэль подумал, что он потерял половину предобеденного времени и что ему не удастся выполнить свой план на сегодня, но старый мастер оживился. Усталость с его лица слетела, и это снова был прежний Пьетро с выразительным, мясистым лицом. Прекрасная модель. В руке Рафаэля невольно затрепетал карандашный стержень.

— Сидите так, как сидите. Не шевелитесь, мессер!

В Рафаэле была смесь любви и отваги. Пока он был помощником у Пьетро, он не мог решиться писать своего учителя. Да и во Флоренции создать портрет учителя было бы слишком торжественным актом. Ну кто из учеников Леонардо решился бы попросить своего учителя позировать ему? В среде живописцев писание портрета учителя считалось некой тайной церемонией. В какой момент они могут приглядеться друг к другу, в какое мгновение созревает в глазах одного художника лицо другого, когда он вправе взяться за кисть?

Картина для Аталанты дожидалась на станине своего часа, готовая разве что на одну десятую. Нет, нынче он не двинется с ней дальше ни на шаг. Рафаэль работал карандашным стержнем, и первые штрихи портрета, набросанные как бы играючи, приобретали все более строгую форму. Да, игра переходила в работу.

Пьетро Перуджино Ваннуччи представал под карандашом Рафаэля улыбающимся, вот, дескать, «проходил мимо». Первый цеховой мастер — гордость Перуджи — был в шляпе с приподнятыми полями, лихо заломленной набекрень. Его лицо было преисполнено сознанием собственного значения.

Как-никак Рафаэль был некогда его учеником, а нынче он один из первых мастеров во всей Флоренции.

Тем временем в другом крыле дома преждевременно состарившаяся женщина писала письмо своей золовке. «Милостивая государыня и любезная сестрица, — писала она. — До меня дошли слухи, что у вашей милости в Морчилле кто-то умер от чумы. С тех пор я живу в величайшей озабоченности и страхе — пока от вашей милости не придет письмо, что все вы, и дети тоже, находитесь в добром здравии...

Поэтому я прошу вашу милость обращаться ко мне с любой просьбой, как к верной своей сестре, и я буду вам во всем помогать, делая все, что только в моих силах...» Она подписалась: «Сестра Аталанта Бальони из Перуджи» — и, окунув свой перстень в черный сургуч, припечатала письмо. В эту минуту в дверь постучали. Служанка доложила госпоже, что мессер Пьетро Ваннуччи направляется сюда, чтобы засвидетельствовать мадонне свое почтение.

С той самой поры он ни разу не был у Аталанты. Когда он вошел с беретом в руках, она увидела, что его красивые, густые, некогда темные волосы сильно поседели. Но глаза Пьетро были еще так же живы, так же оживленно испытующи и столь же молоды, как прежде. «Мужчина еще ничего», — невольно подумала Аталанта и в уме стала подсчитывать: Перуджино старше ее по крайней мере лет на десять, а все еще подвижен, ловок. Знатные чужеземцы, посещая Перуджу, в первый же день наносят визит в его мастерскую. Все в городе всегда знали, какую картину он начал писать, когда завершит свое очередное полотно, и это событие было праздником для всех жителей.

Перуджино держался перед ней с долей стеснения, но, пожалуй, только приличия ради, как будто ожидая, окажут ли ему, скромному горожанину, то почтение в доме Аталанты Бальони, какое ему приличествует?

Как-никак в прошлом году сам святой отец собственной персоной удостоил этот дом получасовым визитом. Он заверил Аталанту де Балионибус, что церковь высоко ценит ее богобоязненные чувства и преданность господу. Как ее владения, так и состояние ее потомков остаются по воле его святейшества неприкосновенными. Если один из ее внуков пожелает стать священником, курия благосклонно посмотрит на это.

И вот теперь в этот дом, в эти самые покои стучался Перуджино.

— Мадонна Аталанта выбрала достойного мастера, — произнес он. — Вы оказали честь и мне, дав заказ моему ученику.

— Как вы оцениваете картину, мессер Пьетро?

— Тот, кто взглянет на это «Положение во гроб», тот, конечно, поймет, что распри в первом семействе Перуджи улеглись.

— Вы считаете, это видно уже по картону?

— Мой глаз видит картину в целом. Когда она будет вывешена в церкви святого Франциска, велите, синьора, оставить часовню открытой. Пусть туда войдет каждый, кто захочет увидеть «Положение во гроб». В городе, где столько злосчастных распрей, мой ученик творением своих рук будет учить паству христову тому, что раздорам должен быть положен конец.

Красива ли еще Аталанта? Как бы он написал ее, если бы она как заказчица попросила его написать с нее портрет смиренно коленопреклоненной мадонны? Ее вдовье платье делает ее похожей на монашку. Лицо белое, как снег, узкое, с резко обрисованными губами, но взор лучист. Все Бальони, вот уже несколько столетий господствующие в Перудже, точно с такими же лицами.

— Картина Рафаэля прекрасна, — любезно сказала Аталанта и продолжала: — Мессер Пьетро, с этой великой картиной в мой дом вновь вселилась жизнь. Мой слух очень чуток... я слышу в тишине каждый шорох: когда какой-нибудь верховой приближается к рыночной площади, когда от церкви выступает похоронная процессия, даже когда какая-нибудь колымага прибывает в город. Но теперь все перемешалось. По дому снуют какие-то мальчишки-подмастерья, Джованни непрестанно входит и выходит, он все время что-то ищет. И все это я слышу. Мои внуки... старший мальчик бедного Грифонетто сказал вчера, прежде чем отправиться спать: «Бабушка Аталанта, если я буду хорошим, можно мне стать художником, как Рафаэлло? Я его так люблю!» Неужели есть вообще кто-нибудь на свете, кому не по душе Рафаэлло?

Мессер Пьетро еще немного посидел в кресле с золотым гербом, в котором год назад восседал папа Юлий. Это для него, Перуджино, великая честь — они поговорили и об этом. Как выглядел Юлий и какими яствами и питиями угощала его хозяйка дома? Аталанта внезапно оживилась. Она вновь почувствовала себя хозяйкой. Пьетро любил хорошую еду. Он отнюдь не был малоежкой, подобно его бывшему ученику. Служанки говорили: «Мессер Рафаэлло только пригубит — и все!»

— Что если я, старая женщина, от всего сердца вас попрошу остаться у меня в пост отобедать?

Можно ли представить себе большую честь для жителя Перуджи? Через час даже менялы с Камбио узнали, что картину для алтаря церкви святого Франциска пишет, правда, бывший подмастерье маэстро Перуджино, но он не удостоился чести быть приглашенным к столу Бальони, а вот его, учителя Рафаэля, пригласила отобедать госпожа!

В прекрасный осенний день Рафаэль вышел у Порта дель Пополо из кареты некоего прелата, который был рад тому, что совершил путешествие в обществе такого приятного молодого человека. Рафаэль колебался — нанять ли ему экипаж, который доставил бы его с двумя дорожными ящиками на квартиру. Кстати, где он найдет квартиру? Он был один, на душе было легко; в кармане — несколько адресов постоялых дворов. Он первый раз в своей жизни стоял у врат Вечного города.

Рафаэль мало заботился о благах земных и не очень их добивался. Живописцы только и говорили, что о контрактах, в которых один вечно пытался превзойти другого. Они измывались над скаредными аббатами и якобы щедрыми, но на деле отчаянно торгующимися патронами и, конечно же, предпочитали звонкую монету товарам. Между тем купцы всегда норовили расплатиться натурой: штукой полотна, изделиями из серебра, красивым оружием, не говоря уже о винах и всяческих разносолах.

Рафаэль никогда ни словом не говорил о деньгах. Он не требовал задатка, не пытался взыскивать долги с должников. Впрочем, может, у него и были какие-нибудь деньги, когда он приехал в Рим. Он прибыл сюда, имея кучу приглашений от друзей из Флоренции, Перуджи, Урбино, которые предлагали ему поселиться у них. Они предоставляли в распоряжение Рафаэля свои экипажи, комнату, стол. В Вечном городе каждый шаг стоил денег — это было всем отлично известно. С тех пор как Александр VI — по случаю великого юбилея в 1500 году — соблаговолил утвердить повышение цен в постоялых дворах и трактирах в связи с тем, что паломники из всех стран устремились в Рим, — город над Тибром стал дороже для проживания в нем, чем все прочие города Италии. Мясо, сыр и хлеб стоили в Вечном городе куда дороже, чем в других местах. Рафаэль подумал об Агостино Киджи, который предложил ему поселиться в его доме. «Я вдовец, у меня вам не грозит опасность оказаться в необходимости писать портрет хозяйки дома». Это был намек на синьора Дони, который настоял на том, чтобы в уплату за стол и кров художник написал портрет его супруги синьоры Маддалены.

С тех пор как два года назад Леонардо да Винчи искуснейше написал портрет супруги мессера Джокондо — Монны Лизы, в Италии возникла новая мода: прилежные мастеровые живописного цеха изготовляли бесчисленные копии портрета супруги Джокондо и просто рисунки или гравюры с этого портрета. А посему во всех мало-мальски приличных домах люди побогаче загорелись желанием, чтобы их изображения тоже были увековечены кистью подлинного мастера.

Рафаэль не поселился у Киджи. У него было в запасе денег еще на три месяца, на целых три месяца! Ему не хотелось быть никому обязанным. Он знал о необыкновенных чудесах Рима из старинного путеводителя, в котором подробно описывались благочестивейшие из достопримечательностей Вечного города. Впрочем, разгульной молодежи был отлично знаком и иной Рим, куда более веселый и беззаботный, — этот веселый Рим всплывал на зеркальной глади богобоязненного Вечного города, как всплывает кувшинка на поверхности пруда.

На улице, примыкающей к Кампо деи Фиори, он нашел подходящий трактир. Трактирщица предоставила ему лучшую комнату в своем заведении. И час спустя уже многие в округе узнали, что «знаменитейший из флорентийских художников» осчастливил их тратторию своим присутствием. Траттория была действительно затрапезной, в ней останавливались по большей части юристы-крючкотворы, прибывшие в Рим по тем или иным неотложным делам, а также священники из числа самых скромных и непривередливых да разве еще писцы из посольских канцелярий.

Мадонна дель Грандука. 1505.

Рафаэль заплатил за постой за неделю вперед, да к тому же еще не взял сдачи с флорентийской золотой монеты, которую он небрежно положил на краешек обеденного стола. Когда возница внес его сундуки и рисовальные принадлежности, хозяева заведения и вся их челядь наперегонки бросились помогать молодому мессеру.

Наступал первый вечер его пребывания в Риме. Рафаэлю хотелось побыть одному. Он не пошел к Биббиене и не пошел к Киджи, не пошел ни к урбинскому посланнику, ни к посланнику Феррары. Высокородные господа, конечно же, радушно распахнули бы перед ним двери своих палаццо. Но Рафаэль хотел остаться один, по крайней мере до тех пор, пока решится его судьба.

После Флоренции Рим казался исполинским городом. За Порта дель Пополо лежал лабиринт улиц. Почти час добирался он до Кампо: катящиеся экипажи, скачущие всадники, медлительно колыхающиеся паланкины прелатов, несомые носильщиками, — все это вздымалось, скапливалось, запруживало дорогу. Целая кавалькада всадников в одеждах папских цветов свернула за угол. В этот предобеденный час весь город был в движении. Рафаэль едва понимал иронические возгласы фланеров и гуляк, околачивающихся на улицах. Все было здесь иначе, совсем не так, как во Флоренции, — пестрее, оживленнее и даже диковатей. Он увидел множество священников на улицах — длиннобородых из восточных стран и даже темнокожих служителей господа. «Эти из царства пресвитера Иоанна», — указал на них кнутовищем веттурино.

Первой римской церковью, перед которой Рафаэль остановился, была Санта-Мария дель Пополо. Так как церковь эта находилась неподалеку от городских ворот, ее посещали целые толпы, здесь царила почти ярмарочная суета. Крестьяне преклоняли колени в храме, иногородние стояли, сбившись в тесные группки. Рафаэль рассматривал своды, часовню, декор.

У него не было охоты в первый же день пребывания в Риме расположиться на отдых после тягот и передряг утомительного странствия. Он был в самом расцвете мужественных сил. Он был одинок и ни о ком не должен был заботиться. Прежде чем покинуть родные края, прежде чем оставить Урбино, он договорился со своим дядюшкой, что будет требовать лишь столько денег из причитающейся ему доли в наследстве, сколько будет необходимо для существования. Во всяком случае, Рафаэль вступал в Рим не как нищий. В двух дорожных ящиках, которые он вез с собой, было все, что нужно на первых порах молодому живописцу.

Площадь Цветов — Кампо деи Фиори — была подобна поверженному исполину. На ней тесно сгрудились лавки и шатры торговцев, между поверженными колоннами лежал старинный бордюр фонтана, на рельефе которого были изваяны озорные амурчики. Чуть подальше возводились два новых палаццо. Здесь же, на углу площади, выжигали известь из старого мрамора.

Какова участь изваяний, которые здесь выкапывали дотошные жители Вечного города? Где остался тот Рим, о котором он, Рафаэль, слышал некогда в урбинской монастырской школе? В мечтах своих он часто пересекал площадь Форума, бродил у подножия Капитолия.

И вот теперь он воочию увидел на Площади Цветов старые каменные глыбы, еще лежавшие в ямах, полузакрытые землей. Мрамор был необходим всем. И по вечерам эти мраморные глыбы увозили на тачках и телегах. Там, под Капитолием, возникал гигантский овал Колизея.

Обломки колонн, остатки повергнутых фигур, триумфальные арки... Возможно ли вновь отстроить Рим? Можно ли спасти то, что еще осталось от древности? Неужели нельзя прогнать обжигальщиков извести, которые для строительства новых палаццо и особняков выжигают обломки мраморных терм императора Каракаллы?

За столами стояли бродячие живописцы. Рафаэль гулял по Риму без инструментов, которые могли бы свидетельствовать о его принадлежности к беспокойному цеху. Живописцы наперебой предлагали рыночным завсегдатаям маленькие эскизы, писанные на дереве, картоне, холсте или на медных пластинках, — вещицы эти предназначались для украшения жилищ. За одним из столиков примостился расторопный рисовальщик, мгновенно увековечивавший какого-то парня и его даму сердца: парочка эта застыла в ярком солнечном свете.

Бродячий маэстро заранее подготовил фон со всеми подробностями, и теперь ему оставалось лишь вписать две фигуры своих заказчиков — мелом или свинцовым карандашом.

Рафаэль зачарованно следил за тем, как порхает по бумаге легкая рука бродячего художника. Работа этого Апеллеса явно не стоила и гроша, но игровые движения его руки были волшебны. Рафаэль подумал о своих набросках, о том, как он многотерпеливо размышлял о перспективе и законах пропорций. Художник-моменталист естественно заметил, что пришелец внимательно присматривается к нему.

— Я изготовлю и ваш портрет, мессер. Такого красивого молодого господина мне не каждый день приходится видеть!

Рафаэль пошел дальше.

Парис де Грасси был словоохотлив и милостиво снисходителен к своему собеседнику. Он назвал Рафаэлю его официальную должность. По своему рангу новоиспеченный скриптор Бревиум Апостоликорум — писец апостолических бреве был персоной, стоящей на самой низкой ступени в придворной иерархии Ватикана, но ведь деятельность его не будет ограничиваться перепиской апостольских посланий. Грасси отыскал вакантную синекуру для Рафаэля, зная, что его святейшество мало заботился о соблюдении формальностей в подобных вопросах! Еще в прошлом году он сказал Грасси: «Вызовите-ка сюда этого молодого человека из Урбино, которого нам рекомендовал Браманте». Но вскоре последовал военный поход на Романью, Эмилию и Умбрию, наличных денег не хватало, даже старинные папские тиары пришлось заложить у Агостино Киджи.

Об этом размышлял Парис де Грасси, ведя Рафаэля в помещения, где согласно приказу его святейшества маэстро

Рафаэль должен был начать здесь работы еще полгода назад. Но, увы, даже на дорогу из далековатой Флоренции Грасси не мог ему выслать. Он сбоку смерил взглядом юного мастера: не случалось видеть такого нежного, почти серафимического субъекта! Не преувеличена ли слава сына Джованни Санти, не слишком ли рано превознесли его до небес? Не так уж редко бывало, что порыв молодости у художников внезапно угасал и они начинали топтаться на месте, позволяя обогнать себя и свое искусство более способным мастерам. Не слишком ли рано доверять такому молодому, малоопытному живописцу великую задачу, отстраняя давно работающих в Ватикане многоопытных мастеров? Микеланджело должен был отложить свою кисть и взяться за резец, чтобы изготовить гигантское бронзовое изваяние его святейшества для устрашения непокорных болонцев.

— Мессер Рафаэлло, вы уже работали над фресками?

Голос был льстивый, как бы отполированный, и только изощренно чуткое ухо могло уловить в вопросе, заданном Грасси, нотки недоверия. Но молодой художник по-прежнему улыбался, не найдя в вопросе ватиканского церемониймейстера ничего каверзного.

— В Камбио, в Перудже я долгое время работал бок о бок с маэстро Пьетро. Там я изучил технику альфрески. В Лорето пришлось реставрировать в Сагристиа делла Кура поврежденные стенные росписи Мелоццо да Форли. Но самые лучшие фрески мне удалось повидать в Орвието: Лука Синьорелли, пожалуй, превзошел в этом роде искусства всех, кто со времен Мазаччо занимался стенной росписью. В капелле святого Бризио фрески нынче столь свежи, как если бы мастер Лука написал их вчера.

Они дошли до порога Станцы делла Сеньятура. Голос Грасси зазвучал торжественней.

— Мессер, святой отец выразил желание переселиться в это крыло дворца. Это бывшие покои Борджа. Его святейшество не ценит воспоминаний о прошлом. Вы еще слишком молоды, мессер, чтобы знать в деталях, каковы были времена Александра VI. Верьте мне, мессер, в те времена лишь немногие спали спокойно. Его святейшество Юлий на протяжении нескольких лет не решался показываться вблизи Ватикана... И вот сейчас он желает перебраться в сии покои. Речь идет о трех, ну, самое большее, о четырех комнатах, в которых святой отец будет обитать и трудиться. Помещение, в котором вы должны начать работу, служит нынче канцелярией. Дважды в неделю здесь собирается суд справедливости. Посему мы в своей среде называем это место просто Станца делла Сеньятура. Это вам следует знать, мессер, прежде чем вы приступите к своей работе.

Первый взгляд художника пал на деревянные панели, окружающие комнату. Полки, набитые фолиантами в кожаных и пергаментных переплетах, стояли сплошными рядами вдоль стен.

На пюпитрах для писем стояли чернильницы, лежали листы чистой бумаги. Сквозь окна сияло солнце. Все было залито светом, и потолок сверкал радугой.

Бацци из Савойи, которого в просторечии называли мастером Содомой, честно потрудился здесь над росписью потолка.

Этот несносный Грасси никак не кончит свою педантически-назидательную болтовню.

— Простите, ваша милость, а кто еще работал здесь?

— Потолок, как известно, расписывал Бацци. Может быть, вы слыхали также о миланце Суарди? Он правая рука маэстро Браманте. Странный обычай у вас, художников, давать друг другу клички. Эти прозвища не делают вам чести. Даже сам святой отец на днях всемилостивейше назвал Бацци — Содомой, а вместо Суарди сказал Брамантино. Посему, мессер, вам не следует удивляться, что и я называю живописцев по прозвищам, какие в ходу среди их коллег. И, наконец, здесь работал также маэстро Лоренцо Лотто.

— Как полагает ваша милость, почему его святейшество велел пригласить меня, если здесь уже работало столько выдающихся мастеров?

— Святой отец отнюдь не уполномочивал меня сообщать вам об этом, но, взяв с вас обет молчания, я могу сказать, что фрески, исполненные до настоящего времени, не понравились ему. Его святейшество не слишком заботится о правилах искусства. Это относится, к сожалению, ко всем искусствам, в том числе и к военному. Военачальники трепещут перед папой Юлием, когда он опрокидывает все планы их походов и кампаний. Его святейшество порою высказывает пренебрежение даже к моему искусству, искусству церемониала, которое состоит именно в том, чтобы облекать грубые и неприкрашенные житейские события в соответствующую им форму по незыблемым канонам. Его святейшество вычеркивает целые статьи в сметах, которые я ему подаю. Ничего удивительного, стало быть, в том, что святой отец иначе представляет себе это помещение, в котором он, впрочем, охотно работает. Насколько я понял, ему угодно как бы единым взором охватить в этой росписи всю вселенную, как ее представляет себе в художественной форме человеческий разум. Такова его воля.

— Вы не могли бы, ваша милость, подробнее рассказать мне об этом?

— В последний раз, покидая Сеньятуру, его святейшество взглянул на потолок. Кроме двух кардиналов, присутствовали два бенедиктинца и два доминиканца в качестве церковных судей. Я доложил святому отцу, что его обед уже подан, но он еще раз оглядел помещение. Все поднялись, один из доминиканцев собрал сломанные палочки, свидетельствовавшие, что в разбиравшемся судебном деле не было основания для проявления милосердия. Осужденный был передан магистрату, который определит способ казни. Палочки тех, которых помиловали, получают, как известно, не доминиканцы, а бенедиктинцы. Итак, судьи поднялись, когда его святейшество вдруг произнес следующее: «Мы представляем себе, что творения человеческого духа зиждутся на четырех устоях. Теология, философия, поэзия и юриспруденция составляют все то, что мы, смертные, по воле господней возвели из туч неведения. Это мы хотели бы видеть изображенным во фресках этого зала. Четыре основных принципа, на которых покоится наш дух, могли бы быть запечатлены в четырех картинах. Но для этого нужен истинный мастер. До сих пор мы знаем лишь одного. Но Микеланджело не возьмется за это, даже если бы мы ему поручили.

— Теология, философия, поэзия и юриспруденция. Так сказано его святейшеством?

— Хочу еще добавить: наш повелитель считается с законами времени. Он полагает, что каждый смертный обладает столь же могучей творческой силой, как и он сам. Если бы вы видели, мессер, как даже лучшие писцы теряют силы под его диктовкой. Жизнь в Ватикане начинается с восхода солнца. А во времена папы Александра слуги разносили завтрак чуть ли не в полдень. Теперь вы представляете, что такое моя служба. С раннего утра я на ногах, и это каждый день, мессер; с самой зари святой отец занят своими планами и проектами. Однажды он на рассвете созвал посланников всех итальянских государств на совещание. Ни свет, ни заря, мессер, он собирал — кого? — наших итальянцев!

— Когда я могу надеяться предстать перед лицом его святейшества?

— Сегодня же! Наш повелитель сказал: проводи молодого человека в залу, пусть он там осмотрится и потом придет ко мне. Нынче пост, у нас на обед рыба и каша. Поставьте на стол лишний прибор. За трапезой я поговорю с ним. А если у него руки будут в краске, пусть он помоет их. Так он и сказал, мессер. Не удивляйтесь, его святейшество выразил этим свое особое благоволение к вам. Отец церкви не часто приглашает кого-нибудь к столу. У вас есть два с половиной часа до обеда, мессер. Будьте добры осмотреться, если пожелаете рисовать или писать, бумаги здесь сколько угодно. Я вернусь сюда за полчаса до трапезы и посвящу вас в тонкости застольного церемониала. Не смущайтесь, святой отец к вам благоволит.

У распахнутого настежь окна стояла жиденькая скамья. Открывая и закрывая тяжелые ставни, Рафаэль манипулировал солнечными лучами, направляя их по своему усмотрению то в одно, то в другое крыло залы, освещая или затеняя их. Он вынул из своей сумки маленькое зеркальце и направил солнечного зайчика на амуров маэстро Содомы. Краски запылали. Овальные тонды как бы поднялись, образовав красочный барельеф. Эта работа кисти Содомы была бесспорно лучшей из всех здешних фресок.

В работе Брамантино сильно чувствовался зодчий... Вся его школа отдавала дань зодчеству. Композиция была уравновешенной, но была похожа скорее на чертеж конструкции, сделанной рукой присяжного смотрителя, чем художника.

Скучные однотонные краски с коричневатым подконтуром Лотто. Типичная венецианская живопись. На этой стене живые краски ничего не выражали, их напор был неуместен при такой слабой композиции. Фрески Лотто теряли пропорции, не считаясь с общим эффектом.

Рафаэль сидел на низенькой скамеечке под окном. В таком положении он мог охватить глазом сразу три стены помещения. Итак, четыре столпа, на которых зиждется человеческий разум и дух.

Грасси, уходя, поставил песочные часы Сеньятуры. Когда песчинки достигнут седьмой черточки, надо быть готовым.

Поэзию он расположит над оконным проемом.

Он перешел в другой угол комнаты. Оттуда был виден сад.

Рафаэль взял из стопы лист бумаги. Бежит ли его перо по бумаге столь же проворно, как перо художника-моменталиста с Площади Цветов?

Вот так... над окном, в подковообразном пространстве он поместит фреску, самую близкую своему сердцу — аллегорию поэзии.

Но как построить композицию? Потребуется острое зрение и живая фантазия, чтобы на плоскости пустой стены до самого потолка сотворить Гору.

«Боги обитали на Олимпе, друг мой, музы — на Парнасе. Они посещали друг друга, но очень, очень редко». — Так сказал ему Бембо, с иронией, с издевкой даже, намекая на Юлия, назначившего ему в тот вечер первую аудиенцию в Урбино. Странный человек, этот Бембо. Ирония исчезает с его лица так же внезапно, как появляется. С глубочайшей серьезностью он тут же добавил: «Почему мы с такой гордостью называем Рим пупом земли? Древние считали «пупом» Дельфы, расположенные у подножия Парнаса. Над дельфийским оракулом вздымались в небо две скалы, как две стены. С одной сбрасывали в пропасть богохульников, с другой тех, кого поймали за грабежом святых мест. Понимаете, друзья, этот символ — все едино?»

Над окном располагалась неправильной формы плоскость, которой еще не касалась ничья кисть. Она напоминала подкову — и Рафаэль мысленно представил ее расписанной фреской. Сама форма стены неотвратимо и повелительно определяла основные элементы композиции. Именно здесь должен подняться Парнас, в чьих горных высях разместятся великие поэты.

Рафаэль подумал о Гомере, Данте и Вергилии. Но неужели в кругу поэтов будут только мужчины? Не окажется ли монотонной этакая застывшая группа, состоящая из одних бородачей? Из глубины памяти Рафаэля всплыло еще одно имя. Он ничего не читал об этой поэтессе, но Биббиена и Бембо говорили при нем о девушке по имени Туллия, которая сочиняла превосходные стихи.

«А что, если из нее выйдет вторая Сафо?» — сказал тогда Бембо. Пьетро ответил на это жестом, который содержал намек на двусмысленное ремесло прославленной поэтессы. Они заговорили о Сафо, воспарясь духом в вечные эмпиреи...

А что если действительно отыскать местечко для Сафо в будущей фреске... Она могла бы разрыхлить и оживить однообразие мужской группы. К тому же Сафо не аллегорически-безликая музыка, а живая личность, олицетворение женственности.

Да, Сафо — это женщина, это личность, и ему долгонько придется искать среди натурщиц подходящую модель.

Населяя в воображении своем грязновато-белые стены образами будущей картины, он рассматривал уже имеющиеся здесь фрески. И впрямь, Брамантино не блеснул здесь своим мастерством. Это было пустопорожнее, чисто архитектоническое решение, заполнение простенков — и не более того. В декоре господствовали, подавляя все остальное, элементы зодческого искусства. По словам Грасси, услышанных в свою очередь из уст святого отца, последний желал увидеть здесь фрески о триумфе католической церкви. С этого и надо начать, с торжества пресвятого причастия, с благородного диспута отцов церкви.

Рафаэлю предстояло сотворить чудо, чтобы по мановению своей волшебной кисти воссоздать атмосферу истинного спора.

Неожиданно его одолели сомнения. Вправе ли он соскоблить и уничтожить дело рук художника, который и теперь еще живет здесь, в стенах Ватикана? Вправе ли он смертельно оскорбить маэстро Брамантино, который по-своему превосходный мастер и непревзойденный архитектор?

В конце концов фресковая живопись дается далеко не каждому. Так размышляя, Рафаэль делал беглые наброски, уточнял их, снова думал. Нет, прежняя фреска очень мешала ему.

Внезапно он вновь повернулся к окну. Волна света побудила его вообразить цвета будущей фрески. Сафо? Пусть Сафо! Он уже видел ее облик с тонким, четким греческим профилем.

— У нас больше нет времени, мессер,— сказал Грасси, неожиданно выросший перед ним.

— Запомните с наивозможной четкостью все то, что я скажу вам по пути в обеденный зал. За столом будут сидеть мадонна Феличе, дочь его святейшества, и мадонна Лукреция делла Ровере, племянница его святейшества, а также мессер Браманте и несколько приглашенных. Среди мужчин вы самый молодой. Когда понтифик кивнет, услужающие немедленно берут его тарелку; с этого момента никто не вправе продолжать еду — надо выждать, пока принесут новые тарелки и блюда. Обращаясь к мадонне Феличе, следует титуловать ее графиней. Мадонна Лукреция еще не замужем, но вскоре станет супругой герцога Колонна. Таким образом его святейшество примиряет столетиями враждующие роды Колонна и Орсини. Это великое деяние...

— Я хотел бы также вдохновить вас, мессер, на то, чтобы вы увековечили в своих стенных росписях некоторых сановников. Каждый из них воспримет это как великую честь. Если уж быть совсем откровенным, и я тоже. Разумеется, я не хотел бы стоять среди фарисеев в вашей картине и еще меньше среди римских солдат у подножия Голгофы.

На своем священническом облачении Грасси носил золотую цепь тонкой ювелирной работы. Лицо его было несколько мясисто; фиолетовая шапочка аккуратно сидела на его челке.

«Полезный литератор, — сказал о нем в свое время Биббиена, оказавшись наедине с Рафаэлем в Урбино,— но из него никогда не получится настоящий ученый-гуманист. Он не умеет подмешивать к современности нектар античности в должных пропорциях. Он всего лишь грамотей, к тому же начетчик — опасайтесь его, берегитесь: он каждое слово, все берет на заметку».

Рафаэль вошел в обеденный зал, склонился в поклоне перед Феличе, свято следуя указаниям Грасси. В Риме, очевидно, нравы и обычаи были несколько иными, чем в Урбино или в Перудже. Он рассматривал дочь понтифика глазами живописца и увидел стройную и все же несколько полноватую златоволосую красавицу, которую ее родитель выдал за обладателя графского титула, этакого благородного остолопа... Не оттого ли в углах ее рта пролегли две грустные складки? Феличе прибыла в Ватикан из Браччано, крепости семейства Орсини, чтобы пополнить свой гардероб, навестить римских подруг и хоть немного побыть вдали от тупоголового мужа.

Впрочем, в то же время она хотела принять участие в бракосочетании своей кузины с одним из герцогов Колонна и таким образом, согласно с желанием его святейшества, была первой из Орсини, переступившей порог палаццо враждовавшей с Орсини семьи.

— Нынче я отметила пятую годовщину моего чудесного спасения,— сказала Феличе, обращаясь к Грасси.— Говорят, о мертвых молчат или говорят только хорошее, но разве можно умолчать о грехах демона потому лишь, что душа его уже проклята? Пять лет с тех пор, как Чезаре Борджа на том жутком карнавале обратил на меня свое внимание. На следующее утро он послал ко мне своего человека с цветами и драгоценностями. Он просил меня о свидании. Цветы Чезаре Борджа из рук убийцы! Нашелся божественный моряк, который на своем паруснике, при сильнейшем ветре, отправился на север. Два часа мы провели в открытом море, как вдруг судовладелец завидел на горизонте галеру.

Спустя час я уже сама смогла разглядеть флаг папы Александра VI на мачте. Еще час, и она нагнала бы нас, ибо на лигурийском побережье ветер заметно ослаб. Лукреция, помнишь ли ты эту историю? Это был час, в течение которого я должна была выбрать одно из двух — ад или Чезаре! Слава богу, парусник, на котором я плыла, выглядел обыкновенным рыбачьим судном. Если бы галера Чезаре задержала нас и взяла бы на абордаж, я бросилась бы в море. Но они не думали, что я бежала от них на этом суденышке. Нв расстоянии выстрела из лука я видела, как их весла пенят воду. Из трюма я разглядела гребцов, но Чезаре я не видела. Им в голову не пришло, что я спасаюсь от них на этакой лодчонке. Мессер Рафаэлло, когда вы будете живописать мучения перед смертью, подумайте о том, что глядеть в лицо смерти нелегко... Я это испытала.

Вошел Юлий, сопровождаемый двумя секретарями, занявшими места в конце стола.

На его святейшестве была поношенная пурпурная мантия, должно быть еще из старого гардероба. На рукавах выделялись чернильные пятна. Борода его была подстрижена тщательней, чем тогда в Урбино, где Рафаэль впервые увидел его. Когда он поднял взгляд, художнику почудилось, что и глаза его посветлели. Они будто блестели на солнце. Все преклонили колени, обе дамы встали на особые скаме-

ечки. «Мир всем»,— молвил Юлий и взошел с одышкою на те несколько ступенек, что вели к столу.

По его правую руку сел Браманте, единственный друг понтифика. Святой отец взглянул на Феличе: «Меня радует, что ты спустилась сюда из Браччано», Лукреции он шутливо пригрозил: «Сдается мне, ты уже радуешься своему замужеству».

Внезапно он обратил взор на Рафаэля. Художник был здесь самым молодым из гостей и единственным посторонним среди них.

— Мы слышали, что сегодня ты уже рассматривал помещение. Бесспорно, у тебя уже готов проект росписи. Не так ли?

И на его седобородом изборожденном морщинами лице вдруг заиграла улыбка. Он весь сиял, глаза лучились. Улыбка перешла в громкий смех, и все заулыбались и засмеялись тоже. Непринужденней всех — обе женщины.

От Рафаэля ожидали, что он смутится, станет говорить обиняками и будет лишь скромнехонько обороняться.

— Да будет мне дозволено сказать, святой отец, что я действительно уже сделал два, правда совсем маленьких, наброска, так, для себя. И еще один рисунок, деталь к одной из будущих картин в пространстве над окном. Эту композицию я для себя назвал «Парнасом».

Рафаэль открыл свой походный альбом и вручил папе Юлию листы. Дальнозоркие глаза Юлия впились в размашисто-легкие эскизы. На третьем наброске был контур лютни и женский профиль. Под ним шаловливыми буквами, как дуновение, подпись: «Сафо».

— Взгляни, Феличе, помыслы секретаря наших апостольских бреве уже обратились к прекрасному полу. Первое, что готово, как нарочно, Сафо...

Наброски переходили из рук в руки; в дверях уже стояли наготове подавальщики кушаний, но без знака его святейшества они не имели права войти.

Грасси проявлял нетерпение: все шло наперекор церемониалу. Но его бессилие перед Юлием, которого не очень-то заботил заранее предначертанный распорядок застолья, было явным. Все рассматривали три заветных листка. Это не были рабочие эскизы — всего лишь вольные плоды фантазии, и все же уже шедевры!

В конце концов три наброска перешли в руки Браманте. Главный зодчий, повелитель архитектурных пропорций, для которого кисть, краски, серебряный стержень и лист рисовальной бумаги были лишь средствами для выполнения непрестанно волновавших его исполинских архитектурных замыслов, стал рассматривать рисунки Рафаэля.

Впрочем, в этих покоях не полагалось высказывать свое мнение до тех пор, пока не выскажется святой отец.

— Ты продвинулся быстрее, чем мы предполагали, сын мой. Мы будем следить, преисполненные упования, за тем, как ты примешься за работу. Посвяти все свое время этой задаче; пока ты будешь занят работой, пусть тебя не вводят в соблазн пустые мирские радости. Живи умеренно и не пренебрегай учением. Как ты находишь ту настенную роспись, которая уже сделана в зале Сеньятуры?

— Святой отец, мастер Содома исполнил свою работу на плафоне с величественной искусностью.

Юлий откровенно улыбнулся.

— Твое мнение в пользу мастера Содомы свидетельствует, что ты строго изучил творения юных живописцев, занимавшихся росписью Сеньятуры. Сказал ли ты уже этому юноше, Парис, каково наше мнение о фресках?

— Я говорил только о том, что касалось лично маэстро Рафаэля...

— Знает он или не знает, что нам не нравятся ни росписи Лотто, ни росписи Брамантино?

— В мои функции не входило предвосхищать окончательное решение вашего святейшества.

— Вечно ты говоришь обиняками, Грасси! Вечно ходишь вокруг да около! Всю эту мазню следует соскоблить без малейшей жалости! Станцы — сердце Рима. Входя туда, мы желаем слышать, как бьется это сердце. Почему мы должны примириться с чем-то, что явно слабо и беспомощно? Потому только, что кто-то уже прошелся там своей кистью? Разве мы кому-нибудь еще что-нибудь должны за эту пачкотню, Грасси?

— Нет, каждый получил, что ему причиталось.

— В таком случае, все эти росписи принадлежат нам, даже с юридической точки зрения. И мы вправе стереть их, ежели они нам не нравятся. В Вечном городе найдется известковый раствор и скребок.

В зале папского суда, где мы ежедневно трудимся, нас не должны раздражать слабые произведения искусства. Долой эти скверные картинки, на их месте мы желаем видеть настоящие фрески. Если и нынешние не окажутся прекрасными — мы снова будем искать, вновь и вновь. Однако мы возлагаем большие упования на тебя, мой милый сын.

Когда папа произнес это «долой», его лицо побагровело и все опасливо переглянулись, страшась очередного взрыва его бурного гнева. Прозвучи в этот момент хоть одно-единственное слово в защиту злополучных фресок — и мирная атмосфера застолья мгновенно развеялась бы. Но никто ничего не сказал, и Юлий опустился в свое кресло, благословил присутствующих, и все заняли свои места; ложки погрузились в суп, заправленный сафреном и прочими кореньями и пряностями. Трапеза прошла в тишине и умиротворенности. Только Юлий однажды высоко поднял ложку и обратился к Рафаэлю: «А ты еще не сказал ни слова».

— Святой отец, я прошу лишь о том, чтобы мне было дозволено знать на каждой стадии моей работы ваше мнение о ней. Я куда менее опытен, чем мастер Лоренцо Лотто, но употреблю свой скребок по воле вашего святейшества. Однако для плафона я испрашиваю вашей милости. Да и работа Перуджино прекрасна.

— Мы еще поговорим об этом,— обронил Юлий. Лицо его смягчилось, густой суп пришелся ему по вкусу.

В Перудже, под крылышком маэстро Перуджино, Рафаэль не мог развернуться в полную силу. Во Флоренции же его приняли уже как самостоятельного мастера. Аталанта Бальони столь же ценила его искусство, как и Елизавета Урбинская, которая порекомендовала его первому из флорентийских сенаторов — Содерини. Потом его вызвал в Рим святой отец, доверив роспись Сеньятуры.

Римские живописцы поначалу не слишком высоко оценивали его искусство: мастер слащавых мадонн. В изображении обнаженной натуры, да и по части композиции считалось, что Рафаэль чувствует себя не слишком уверенно. Ну а в своем «Положении во гроб» он слишком уж идет по стопам Перуджино. Если во Флоренции он даже и научился чему-нибудь у великих усопших, в первую голову у Мазаччо, да и у величайшего из живущих, у Леонардо, то все это еще недостаточное основание, чтобы папа Юлий вызывал его в Рим и вручал ключи от Ватикана. Ведь и Содома, Лотто и Перуджино превосходные мастера. Вовсе не столь уж необходимо предпочесть им такого юного и неопытного художника.

Микеланджело редко вмешивался в разговор, да и тогда был немногословен. На его плечах лежала тысяча дел, среди них главная забота — отливка изваяния папы для Болоньи. При нем не осталось ни одного ученика, разве что простые ремесленники, мастера, изготовляющие инструменты, и подручные для мелкой работенки. О тайнах, которые хранил плафон Сикстинской капеллы, в курии ходили легенды. Микеланджело не впустил в капеллу даже самого папу. Маэстро тщательно запирал маленькую дверь, которая вела на помосты, и каждый раз поздним вечером по окончании работы лично проверял, хорошо ли заперт замок.

Микеланджело был человек замкнутый, как бы обращенный во внутрь себя. Печальный король Ватикана. Его святейшество изрек: «Пусть все свершится, как хочет Микеланджело». Папа был единственным человеком, с которым изволил разговаривать художник. Но что это были за разговоры! Решился бы какой-нибудь кардинал противоречить святому отцу? Противопоставить его аргументам — свои собственные, сказать ему «нет»? А Микеланджело метал громы и молнии. Грасси, имевший обыкновение подслушивать за дверью, был вне себя и порой едва сдерживался, чтобы не ворваться в покои святейшего, дабы развести спорящих. Микеланджело было тридцать с небольшим. Юлий был старше его на целых тридцать. Старец и рано состарившийся художник стояли друг против друга. Его святейшество, возбужденный до крайности, не мог усидеть в кресле, кровь приливала к его вискам. Каждое мгновение можно было ожидать непоправимого удара. Вот его святейшество схватился за голову, и Грасси показалось, что он видит, как вздулась трепетная жилка!

Папа Юлий отдувался! И все из-за чего? Да, да, он должен предать анафеме маркиза Каррарского за то, что тот никак не может доставить гигантскую мраморную глыбу! Потом начинались пререкания о красках и композиции. Маститые кардиналы приходили к Юлию: святой отец, мы слыхали, что целый потоп нагих тел обезобразит Сикстинскую капеллу? Зачем доверена кисть этому ваятелю?

Порою папа проявлял терпение и объяснял вопрошавшим. А порою просто багровел от гнева и указывал на

дверь даже престарелым кардиналам. Ну и задача служить в Ватикане церемониймейстером при папе, который мнит себя Юпитером-громовержцем и которого может задеть и уязвить только молния единственного из смертных: Микеланджело!

Нет, супротив этого упрямого скульптора святой отец никогда не прибегнет к грубым земным средствам. Он ни за что не откажется от его услуг, даже ежели этот Буонаротти будет угрожать ему отставкой, как это уже случалось не однажды. Его святейшество смотрел сквозь пальцы на то, что Микеланджело сбежал от него во Флоренцию в те критические дни, когда святой отец напялил на себя шлем и отпустил седую бородищу. Он не грозил Микеланджело, не обещал запрятать его в замке святого Ангела. Но он кричал на него, и Грасси порой побаивался, что Юлий набросится на художника и станет трясти его за плечи. В таких случаях понтифик бывал уже не кротким наместником христовым, а сангвиническим делла Ровере. Но разве этот проклятущий маэстро хоть когда-нибудь подольщался к папе Александру или унижался перед Чезаре?

Когда после кончины папы Александра неотесанный старый кардинал Тодескини был избран его преемником, то во время двадцатисемидневного понтификата этого Пия III кардинал Джулиано делла Ровере засел в Ватикане, заняв позицию выжидания.

Все знали, что дни святого отца сочтены. Престарелый князь погрузился в работу с таким рвением, что уделял сну не более трех часов в сутки. Великой целью его было очистить авгиевы конюшни пресловутых Борджа. И все-таки Чезаре удалось тогда ускользнуть от кары. Все в Ватикане держались мнения, что кардинал делла Ровере помог ему бежать из Рима. Быть может, для того только, чтобы позднее самому ускорить суд божий над Чезаре?

На деле же было вот что: папа Юлий II, вскоре после своего вступления на престол святого Петра, пригласил Лукрецию Борджа и собственную свою дочь Феличе на ужин. Это был весьма и весьма достопримечательный момент. Герцогиня Феррарская, то есть Лукреция Борджа, находилась в Риме, чтобы в покоях Борджа упорядочить свои дела по наследству. Грасси тоже тогда восседал за столом. Вправе ли был церемониймейстер огласить что-либо из конфиденциальной беседы, которую вели при нем две дамы, дочери двух понтификов?

Однажды утром Грасси постучался у дверей Рафаэля. В зале еще не велась роспись; маэстро решил сначала подготовить эскизы, с тем чтобы договориться со святым отцом обо всех деталях и частностях. Работа над эскизами была напряженной и изматывающей. Грасси подумал о том, что Рафаэлю легко удалось стать своим человеком в курии, а это бывало очень редко с художниками.

Рафаэль превосходно приспосабливался к придворной жизни, ну, скажем, к приему иноземных послов или к посещению его мастерской князьями. Должно быть, Урбино был для него хорошей школой. Когда Грасси переступил порог мастерской, ему бросились в глаза бумага, мел, тушь, кисти, линейки, листы, разграфленные на квадраты, запах клея и скипидар. Мастер был одет, как одеваются юноши, на нем была куртка, штаны в обтяжку и белая рубашка. Если бы не двухдневная небритость, он и в самом деле был бы похож на Серафима.

Рафаэль был явно смущен, когда увидел, что в мастерскую входит необыкновенно дотошный церемониймейстер, человек, который не терпел ни малейшего упущения в церемониале. Неужели один из его подмастерьев в чем-то провинился? Вокруг них постоянно терлись прелаты, которые были чрезвычайно обидчивы, а юные живописцы — парни дерзкие, нахальные. Так на кого же из них укажет Грасси своим гофмейстерским жезлом? Но вельможный синьор улыбался благосклонно.

— Мессер Рафаэлло, мне жаль, что я помешал вам. Но если вы пожелали бы прервать свою работу и выйти со мной на минутку...

В знак высочайшей благосклонности он взял мастера под руку и вышел с ним за дверь.

— Только несколько шагов,— заверил он и намекнул, приложив палец к губам: мол, это тайна!

— Его святейшество отпустил Микеланджело на два дня из Рима, с тем чтобы он лично проследил за отливкой монумента. Согласно предписанию, он вручил мне — впредь до своего возвращения — ключ от дверей Сикстинской капеллы. Словом, вам представляется редкая возможность, мессер: если хотите, вы можете взглянуть на его росписи. Только обещайте, что не выдадите меня.

Грасси производил обычно впечатление человека чопорного и большого формалиста в обхождении, достаточно было взглянуть на его гофмейстерский жезл и прислушаться к его изысканной латыни. Но тот же Грасси был совершенно счастлив, что ему удалось обойти угрюмого и брюзжащего Буонаротти и хоть украдкой ввести в Сикстинскую капеллу Рафаэля, о котором в Ватикане упорно шла молва, что, мол, Микеланджело почувствовал в Рафаэле опасного соперника.

Могло ли быть более прекрасное мгновение, чем то, когда Рафаэль вступил в великолепную капеллу? С тех пор как он попал в Рим, он мечтал об этом, но не решался выслушать от Микеланджело очень вероятное твердое — «нет». У Рафаэля поэтому не хватило сил просить у самого маэстро разрешения на вход в капеллу.

Грасси повернул ключ в дверях и вошел.

Живописцы должны разбираться и в строительном искусстве. Войдя в капеллу, Рафаэль увидел, что она продолговатой формы — длина ее к ширине относится как два к одному, причем потолок в ней очень высокий. На каждой из длинных сторон было по шесть очень узких окон. Своды впадали в плоскость стен между окнами. Он уже слыхал о дырах Браманте. Его земляк велел пробить в стене дыры, чтобы надежно укрепить в них поперечины помостов. Как неудобно, должно быть, расписывать здесь плафон, стоя так высоко на шатких лесах.

Когда святой отец принял решение расписать капеллу, Микеланджело воскликнул, должно быть, справедливо: «Ну, а что делать с дырами?»

— Строй свои помосты, как ты сочтешь нужным. Браманте поможет тебе в этом. Микеланджело заставил убрать старые леса, которые были уже воздвигнуты к моменту его прихода. Дыры в стенах распорядился заделать, канаты убрать. В проемах окон он установил распорки, которые приняли на себя тяжесть новых сооружений. Балки были установлены так, чтобы надежно удерживать яруса лесов.

Из Флоренции прибыли подручные. Это были расторопные парни, работавшие прежде в мастерских Перуджино и Гирландайо. Некоторые поступили на службу к Буонаротти, но, уязвленные им, стали искать работу. Их росписи показались мастеру совершенно никудышными, и он соскоблил со стены все, что они намалевали. Ремесленники, гонявшиеся за щедрой оплатой, тем не менее чувствовали себя свободными художниками и потому не стали ждать, пока их прогонят в шею, а сами покинули Микеланджело, оставив его одного в капелле. Вернувшись вскоре во Флоренцию, они стали отговаривать своих товарищей по цеху наниматься на работу к Микеланджело.

Впрочем, Микеланджело и не жаждал ничьей помощи. Он единоборствовал в разрешении великой задачи, которую поставил перед собой, не покидая своего рабочего места даже зимой, когда шел преотвратительный дождь и завывал колкий северный ветер. Но прежде чем вновь засияло солнце, на покрытой свежей живописью стене пятнами выступила плесень. Грасси отлично помнит этот день.

— Когда Буонаротти увидел сырые пятна, он побежал к святому отцу, как был, в рабочем плаще. Это было за день до начала консистории. Его святейшество как раз принимал богословов. И, подумать только, папа выслал их прочь и приказал мне впустить к нему Микеланджело. Маэстро воскликнул: «Святой отец, я говорил ведь, что живопись не мое дело! Все, что я до сих пор сделал, погибло! Плесень пожирает краски! Благословите послать кого-нибудь в Сикстину, кто знает толк в этом деле!»

— Вы понимаете, мессер, это было за час до открытия консистории! Знаете ли вы, что это значит?.. Заседание пресвятой коллегии должно быть тщательно подготовлено. Но святой отец проявил необычайное терпение. «Хорошо, хорошо,— сказал он.— Успокойся, сын мой». И послал в капеллу Сангалло, ибо знал, что Микеланджело сравнительно благоволит этому зодчему. За полтора года до того святой отец вместе с Микеланджело и Сангалло выезжал на виноградники, где тогда откопали группу Лаокоона.

Сангалло в то же утро осмотрел капеллу и доложил святому отцу, что все зло состояло в том, что живопись была нанесена на недостаточно просохшую известь. Он заключил, что плесень исчезнет, как только стены просохнут, и роспись не пострадает. Пусть Буонаротти, мол, продолжает писать свои фрески.

— Знаете ли вы, мессер Рафаэлло, какого красноречия, какого искусства убеждения потребовал от святого отца этот разговор с Микеланджело! Чего ему стоило успокоить этого строптивца! Вот, скажем, беседовать и общаться с вашей милостью — сущая радость. Вы всех выслушиваете, вы

отлично понимаете, что я, скажем, желаю всем только добра. Но Буонаротти! Если бы это не было кощунство, я сказал бы: «Его святейшество попросту боится этого Микеланджело».

На плафоне перед ними развернулось монументальное зрелище. Под росписными мраморными арками свершалось сотворение мира. Создатель, витая над водами, отделял свет от тьмы. Была готова уже и вторая плоскость, покрытая живописью: солнце, луна и звезды.

На третьей плоскости — земные хляби. И человек, первый человек на земле — Адам, нагой, как сама природа. А дальше, полусотворенная из ребра, еще без лица — Ева. Спящий Адам и первая женщина. Но работа творца была прервана! Ева была в профиль, торс был склонен вперед, левая нога как бы сделала шаг. Длинные светлые волосы, разделенные пробором, ниспадали на плечи. Нагие человеческие тела.

Плафон нес на себе знак высшего творения, возбуждая даже страх неповторимостью своей композиции. Это был труд, совершенный рукой гиганта, и все-таки увиденная глазами художника картина, при всех ее исполинских пропорциях, не лишена была просчетов. Краски! Тела, сумерки, туман, колышащиеся воды — плыли в притушенном ритме красок! Микеланджело пользовался ими для того только, чтобы выделить контуры, отделяющие рисунок от фона, от сумерек, затянувших плафон. Все как бы таилось в вечной полутьме, и только светлый тон нагих человеческих тел сиял, отделяясь от этой полутьмы.

Грасси присел на широкую скамью. О, если бы он только мог выболтать Рафаэлю, что сказал о нем, о Рафаэле, Микеланджело, когда он уже не мог уклониться от суждения о молодом живописце. «Рафаэль достиг того, чего он достиг теперь, вовсе не своим гением, а своим прилежанием». Вот как он сказал, хотя был всего на восемь лет старше художника из Урбино. Казалось, что между ними не восемь лет, а восемь десятилетий, почти целое столетие, целый век! Омрачится ли прекрасный облик художника-серафима, когда он, Грасси, перескажет ему эти слова Микеланджело?

У молодых людей соколиный взгляд. Рафаэль рассматривал плафон. Он наклонился, пучком соломы вытер пол, загрязненный известковой пылью и краской, и распростер на полу свой плащ. Он лег навзничь на плащ и стал смотреть вверх. Что мог он увидеть там, чего не видит глаз простого смертного? Глубже, в нижних ярусах стены еще располагались росписи Перуджино, Гирландайо и Луки Синьорелли. Рафаэлю вдруг показалось, что эти в своем роде тоже превосходные мастера живут на другой планете, чем Микеланджело!

Воды, земли, тьма, творец, нагая Ева — все это как бы было создано неукротимой волей. Видел ли уже понтифик Юлий эту роспись? Грасси сказал, что нет, не видел. Микеланджело настоятельно просил, чтобы папа пришел в капеллу только тогда, когда мастер доложит, что он завершил свою работу. Никто не должен был подслушивать и подсматривать его сомнения, ужасные минуты внутреннего раздора с самим собой. Рафаэль и Грасси явились сюда украдкой, будто воры!

Грасси положил руку на плечо Рафаэля. Чего доброго, мог войти кто-нибудь. Да и сам Буонаротти, гонимый тревогой, мог внезапно объявиться. Если бы он вошел, он увидел бы открытыми врата заповедного сада.

— Надо стереть следы нашей обуви,— сказал Грасси Рафаэлю.

Интересно узнать, что узрел Рафаэль в Сикстинской капелле? Но художник отклонил приглашение Грасси вместе отобедать, хотя гофмейстер с превеликой охотой выслушал бы его мнение о росписи плафона за едой и вином, когда легко развязывается язык. Рафаэль поблагодарил Грасси за проявленное к нему исключительное внимание и сказал, что теперь он должен наверстывать упущенное по работе. «Поразительное прилежание»,— подумал Грасси, провожая Рафаэля долгим взглядом.

Теология, философия, поэзия, юриспруденция — в одном небольшом зале, не больше просторной комнаты, должно быть объединено все, что делает человека божьим подобием.

Поглаживая густую белую бороду, понтифик брал эскизы и раскладывал их перед собой. Рафаэль стоял справа от него и разглаживал разворачиваемые листы. Он внимательно смотрел на старца. Сегодня тот был чем-то расстроен, лицо его казалось печальным. От пылкости пресловутого «папа террибиле» — «ужасного папы» — не осталось и следа. Казалось, перстни, которыми унизаны его пальцы, нарушают приличествующую старцу гармонию скромности. Лицо его осунулось и казалось худым. Скулы резко выдавались, и кожа отливала желтизной. Если бы не пурпурная мантия, трудно было бы художнику прочесть по его лицу больше о его жизни, чем у простых смертных стариков, облаченных в суконные темные одежды. Каков он, Юлий, если судить, скажем, по его рукам? Сможет ли он на своих бессильных ногах донести свою исхудавшую плоть по пути всех смертных? Кустистые брови на миг затенили его веки. Жилистая, с раздутыми венами, покрытая пятнами рука вцепилась в подлокотник кресла, и, как только художник схватил этот хищный жест, картина ожила, задвигалась. Брови старика высоко взметнулись, раскрылись веки, пламенный взор гневно раздвинул их, строгий, длинный прямой нос точно выпятился над усами, и над седой бородой резко очертилась энергичная линия крепко сжатых губ. Будто Феникс пробудился к жизни. Ветхий старец преобразился в человека без возраста, он вновь стал борющимся Юлием-ратоборцем, вовсе и не помышляющем о смерти.

Мечтою каждого художника, работающего для курии, было услышать, как святой отец однажды скажет ему: «Хочу, чтобы ты написал мой портрет, сын мой!» Портрет не уносят с собой в могилу. На все грядущие века он останется в ватиканской галерее понтификов, отошедших в лучший мир.

Написать Юлия? Но как? Юлия-старца? Молодого Юлия? Воина, который в кожаном колете взобрался по осадной лестнице с бичом в руке, с лигурийской бранью на устах и охотничьим ножом на поясе? Святого отца, который утверждает приговоры здесь, в Станце делла Сеньятура или восседает среди членов консистории? Юлия, который явился нежданным к Микеланджело, взойдя на верхотуру по зыбким, головокружительным лесам, с которых он мог лучше рассмотреть микеланджеловский шедевр «Сотворение мира»?

Фрески «Станца делла Сеньятура». 1508—1511.

Набросок фигуры для «Диспута»; набросок женской нагой фигуры. 1509.

Написать Юлия непреклонным даже в отношениях к собственной дочери и к племяннику, громогласно изгнанному из кабинета святого отца? Каков он — этот Юлий? Он раздвинул пределы папской области, как второй Александр Македонский, не умещавшийся в своей тесной Македонии.

Быть может, перед Юлием витала идея мирового господства? Когда его избрали понтификом, многие надеялись, что смогут наконец вернуться в свои замки, города и поместья, из которых их изгнал Чезаре Борджа. Они надеялись, что все пойдет на старый лад, что гвельфы и гибеллины, как прежде, будут враждовать между собой.

Чезаре исчез, от прежних Борджа не осталось и следа. Но могущественные вассалы церкви не сделались от этого еще могущественнее после того, как умер тот, кого они называли антихристом. Прежде каждый барон мог действовать вопреки желаниям святого отца. Достаточно было для этого примкнуть к какой-либо сильной партии. А теперь одни только венецианцы не страшились гнева престарелого Юлия II. Кроме них, в Италии не было ни одной державы, не было ни одного князя, который не повиновался понтифику! Папу Юлия следовало бы усадить в кресло с золотой спинкой и попросить его хотя бы час посидеть спокойно, отдыхая. Спокойно? Отдыхая? Потерять целый час, когда жизнь столь коротка?

Ни Содома, ни Перуджино не смогли уговорить Юлия позировать им. Микеланджело и Юлий постоянно спорили друг с другом. Сам Парис де Грасси не питал надежды, что папа может заставить себя, скажем сегодня, спокойно посидеть часок в кресле и завтра — часок.

Мел, уголь, серебряные карандаши, тушь, чернила, рисовальные принадлежности. Святой отец становился почти кроток, когда оказывался рядом с Рафаэлем. Первым подметил это примитивный Грасси. Юлий в разговоре с Рафаэлем не метал молнии и, если ему что-то не нравилось, осторожно говорил: «А нельзя ли было бы...» В таких случаях молодой живописец благоговейно прислушивался к его словам, не высказывая возражений. И лишь повторял: «Быть может, так?..» Он изменял что-то в рисунке, не слишком, впрочем, существенно. И в конце концов Юлий одобрял все его наброски. Наибольшие трудности представлял сюжет «Диспута». Инквизиция всегда обнаруживала в разработке этого сюжета у других мастеров что-нибудь кощунственное даже. Можно ли переубедить доминиканца, который всюду, даже на белой стене, ищет следы Сатаны? Тем более, когда речь идет о теологии в самом Ватикане, в покоях его святейшества! «Диспут» изображает благочестивую дискуссию о догматах церкви. Здесь не место для речей отступников или еретиков, которые отрицают сам догмат веры. Сам спаситель должен простирать благословляющие персты над земным и небесным кругом мудрых, живущих

в полнейшей ясности святых мужей. Прославленнейшие из отцов церкви, доктора экклезии должны символизировать и воплощать в «Диспуте» то, что вечно и непреходяще. Добродетельные старцы ведут между собой здесь дискуссию о частностях и маловажных деталях. Самая вера неоспорима, бесспорна и неопровержима.

Для каждого понтифика были святые, особенно ему близкие: Амвросий, Августин, Иероним, Григорий. Их символические фигуры должны были непременно быть воплощены в картине. Что же касается остальных персонажей, то они могли быть заменены другими по желанию совета консистории.

В Ватикане знали, с какой чудовищно трудной темой единоборствует художник из Урбино. Порою он беседовал с тем или иным законоучителем, ибо священнослужители различных конгрегаций не были едины относительно значения символов. Как мог папа Юлий доверить изображение теологии такому молодому живописцу? Возможно ли было представить в одной-единственной картине то, что в действительности необъятно и непостижимо? В Ватикане все знали, что папа предоставил Рафаэлю полную свободу действий. Все, что не уязвляло традицию, догматы, обычаи, могло быть представлено на этой фреске. Композиция тоже была сугубо личным делом мастера. Здесь любой упрек, любая хула должна была замолкнуть, ибо папа Юлий II всегда был готов защитить Рафаэля. Однако ни один святой отец не живет вечно. Кто станет его преемником и как будет настроен этот преемник? Или папа делла Ровере надеется прожить так долго, что увидит фреску законченной?

Святой отец разглядывал развернутую на большом столе, выраставшую из множества отдельных набросков общую композицию. Взгляд его покоился на фигурах, представленных по большей части лишь в общих контурах. Пальцем он указывал на ту или иную точку. По лицу его было видно, что он всецело погружен в созерцание рисунка. Неужели он не сделает никаких замечаний? Композиция представляла собой некое уравновешенное целое, хотя в ней ничего не было от мягкой округлости рафаэлевских мадонн, от выражения земного и небесного счастья, которое придавало такую нежную прелесть его пресвятым девам. Но тот, кто смотрел только на эскизы будущей фрески, забывал о диспуте и о догматах, которые были предметом этого диспута, и невольно оказывался в плену волшебного мира Рафаэля. Юлий пожелал спокойно просмотреть эскизы один за другим. Маэстро вручал святому отцу эскизы, выполненные в различной технике. Порою папа откладывал некоторые из них в сторону, как если бы они не вполне соответствовали требованиям. В один из таких моментов он краем глаза увидел, как Рафаэль проворно сунул какой-то листок в пачку тех, что были отложены в сторону. Юлий протянул руку к этому листу, и его дальнозоркий взгляд вперился в рисунок.

Рафаэль покраснел, как мальчишка, застигнутый врасплох на какой-то проказе. Он сделал шаг к Юлию, и только приличие помешало ему вырвать листок из рук старца. Юлий ни малейшей гримасой не выдал своего неудовольствия, только губы его заметно двигались, как будто он читал какой-то текст. Этот обычай был свойствен ему еще с тех пор, когда он был молодым причетником.

Лист был заполнен лишь наполовину. Сбоку был нарисован лик какого-то святого, благоговейно взиравшего на двух епископов. Митры обозначали их сан. Лицо одного было вполне разработано и почти завершено, лицо безбородого епископа было лишь едва намечено. Набросок показывал лица в резком ракурсе. Художнику, видимо, надоело рисовать, и рядом с рисунком было помещено несколько стихотворных строк с вычеркиваниями и помарками. Глаз легко привыкал к почерку. Красивые четкие буквы выдавали, что стихи были написаны рукой того же художника, которому принадлежал рисунок, — формы рисунка повторялись в очертаниях букв. Губы понтифика Юлия беззвучно двигались, как бы проговаривая одиннадцать строк в ритме, каким обычно писались сонеты:

Как жаждет мысль меня предостеречь...
Но пусть язык ведет свободно речь
О горестях любви неимоверной.
Ее снести готов я, раб твой верный, —
Нет, это бремя я не сброшу с плеч!
Исчезло солнце шесть часов назад,
Но солнце для меня взошло второе;
И мужество в меня вселил твой взгляд!
Я покорился, стал я жертвой зноя
Любовного. Слова в устах молчат.
И молчаливость муки вновь со мною.

И Юлий вспомнил свою зыбкую юность, строгость и холодность францисканского монастыря. Звезда его дяди всходила медленно, хотя он и был ученым человеком, профессором Болонского университета, вполне способным укатать дорогу для карьеры своего племянника в монашеском ордене францисканцев. Юлию II был всего 21 год, когда его дядя, позже Сикст IV, получил кардинальскую шляпу. Он носил ее всего четыре года и стал преемником папы-венецианца. Пять своих племянников он сделал кардиналами, и Джулиано делла Ровере исполнилось 28, когда и он был возведен в этот высокий сан.

Годы юности прошли для него в затворничестве и в прочих испытаниях тела и души. Ему тогда было столько же лет, сколько теперь Рафаэлю. Вспомнил Юлий старого дядюшку Франческо, святого отца Сикста, не случайно. Дядюшка был кроток сердцем, как нежный ребенок, но час спустя становился жесток. Без зазрения совести он торговал церковными должностями, но в то же время именно он велел построить прекраснейший мост через Тибр и первым привлек в Рим толпы художников. Флот папы одержал победу над турками; он был первым среди понтификов, который велел выбить монету со своим изображением. Бывший теолог как бы блуждал между тенями величия и греховности. Ну а Сикстина! Прекраснейшее из его начинаний. И все же, что намарал о нем Макиавелли, этот флорентийский канцелярист! На днях Юлий получил эту книгу. «Этот папа был первым, который показал нам, какой необъятной властью обладает глава церкви и сколь многие грехи и заблуждения под мантией папского авторитета обретают вид законности...»

Все эти мысли пробежали в голове Юлия, пока он рассматривал лист. Если бы Рафаэль был юным клириком, он велел бы ему покаяться и самобичеванием изгнать телесный пыл. Но этот молодой человек был одним из величайших художников Италии, князья уже соперничали между собой, добиваясь его благосклонности. Нравился ли ему Рафаэль, который никогда не прекословил ему, святому отцу?

Художник написал свой любовный сонет на эскизе, изображающем двух епископов, которые должны были войти в композицию для «Диспута». Хорош или плох был этот сонет, не оконченный даже? Может быть, сочинителя кто-то спугнул, неожиданно застав его за этим занятием? Он явно улучшил что-то в стихах; три строчки были перечеркнуты, кое-где рифма хромала. Папа не был большим знатоком поэзии, но все же он вычитал в этих стихах, что Рафаэль лучше рисует, чем стихоплетствует. Игра линий, ничего более, игра линий, легких, как дуновение, и вот уже готово все самое существенное в его будущей композиции. Динамика ее как бы выхватывала всего лишь миг из целого, но этот миг был как бы завершен в своей символической замкнутости. А на полях рисунка этот сонет...

Кельи, утренние медитации сырой и ветреной зимой! Если бы Рафаэль был послушником, он сказал бы ему: пять ударов плетью — первое наказание! И отныне не греши более! Но живописец был в светском платье, одет как придворный, ибо он знал, что сегодня будет принят его святейшеством.

— Мы не можем сказать, сын мой, что недовольны твоей работой. Но, видишь ли, нам было бы еще приятней, если бы мы как можно скорее могли увидеть на стене хотя бы одну из твоих фресок. Быть может, господь даст нам испытать эту радость. А затем — вторую и третью из твоих картин... Когда ты закончишь Станцу делла Сеньятура, ты сможешь начать работать в следующей станце... Ты, сын мой, с почетом завершишь свой труд, величайшее бремя, которое может взять на себя молодой художник. После этого ты сможешь обрести покой. Мы поможем тебе достичь всего, что твоей душе угодно. Однако покамест ты не завершил своей работы, не давай себе покоя! Работай еще быстрей! Мы ни в чем тебя не упрекаем. Ты получил наше родительское благословение, и мы просим всевышнего озарить твой дух, дать тебе еще больше таланта. Мы не упрекаем тебя, сын мой, ни в чем не упрекаем.

Гофмейстер, стоявший за занавесом, наблюдал за этой сценой. Рафаэль был похож на античное изваяние, облаченное в затянутые черные штаны: внешность его была самое совершенство и движения его были безупречны; как он поклонился, откланялся, как он нес папку, в которой — среди прочего — находился и греховный стих. Святой отец не обмолвился по сему поводу ни одним укоризненным словом...

Продолжение следует

ОБ ОДНОЙ ДОГАДКЕ ДЕМОКРИТА

Б. ВИЦ,
кандидат исторических наук

«Первым энциклопедическим умом среди греков» назвал Демокрита Энгельс [1]. И действительно, хотя сочинения Демокрита дошли до нас только во фрагментах и свидетельствах древних авторов [2], его учение, по крупицам возвращенное человечеству, представляется замечательной вехой на пути развития философской мысли. Не было такой области греческой (нерасчлененной) науки и философии, которой не занимался бы плодотворно Демокрит, представитель античного атомизма и всей линии материализма в Древней Греции, названной Лениным тенденцией или линией Демокрита в философии [3].

Абдерский мудрец

Демокрит родился в 470 году до н. э. в Абдерах — городе в суровой и враждебной древним грекам Фракии. Многие жители этой богатой, хотя и подверженной опасностям греческой колонии занимались торговлей, наукой же интересовались преимущественно в практических целях. Однако на перекрестке континентов сходились не только торговые пути, здесь скрещивались духовные влияния Востока, Ионии и материковой Греции. Родом отсюда были знаменитые философы и мыслители Протагор, Гекатей Абдерский, Бион из Абдер. Согласно рассказам древних авторов, персидские «маги» — ученые жрецы, оставленные в городе царем Ксерксом, обучали юношей из знатных семей. Так начал учиться и Демокрит. Здесь он познакомился с богатством греческой ионийской натурфилософии. Его учителем стал Левкипп, выходец из Милета, ученик элейцев (италийской ветви древнегреческой философии), основатель атомистической философии. До встречи с Левкиппом Демокрит объездил многие страны Древнего Востока, Грецию, истратив на научные путешествия все отцовское наследство.

Юность Демокрита совпала с победоносным для Греции завершением греко-персидских войн, его зрелый возраст пришелся на расцвет греческой рабовладельческой демократии. В эпоху роста городских слоев продолжался «интеллектуальный взрыв» — удивительное развитие философской мысли, которая пришла на смену мифологии, а в эпоху Перикла почти вытеснила религию. В «пританейон мудрости» — Афины, которые Перикл пытался сделать «школой Эллады», стекались отовсюду философы и странствующие учителя — софисты.

Однако быстрый расцвет богатства, торговли и ремесла в Афинах привел к такому же быстрому росту рабовладения. Классовый антагонизм между знатью и народом сменяется классовым антагонизмом между рабами и свободными [4]. Ожесточенная Пелопоннесская война, столкновения рабовладельцев с демократией, ускорившие кризис греческого полиса, сказались и на общественном сознании. Борьба материализма и идеализма, науки и религии, развернувшаяся в этот период, отчетливо отразила борьбу классовых сил и партий.

Афинская олигархия начала преследовать философов, обвиняя их в безбожии, разжигала суеверные настроения отсталых слоев народа, чтобы использовать их в своей политической игре. Демокрит не захотел переселиться в Афины, хотя Абдеры вошли в Афинский союз, а многие философы и деятели Ионии предпочли этот блестящий центр всеэллинской культуры. В родных Абдерах он прожил до глубокой старости, наблюдая и изучая явления природы, интересуясь строением животных, считая научные знания высшей радостью, доступной человеку.

Широко распространено предание о том, что Демокрит состоял в дружбе со знаменитым врачом Гиппократом, творчество которого являло собой переход от жреческой медицины к принципам научного мышления. Оба ученых имели немало общего во взглядах на природу и человека.

Мир состоит из атомов

Учителя и ученика, Левкиппа и Демокрита, сделало известным их материалистическое учение об атомистической структуре всего материального мира, включая человека. Согласно Демокриту, весь мир состоит из атомов, бесконечно движущихся в пустоте, а возникновение и уничтожение объектов неживой и живой природы — это соединение и разъединение атомов. Душа животных и человека — не что иное, как самые мелкие, круглые и подвижные атомы, родственные огню или воздуху; это они, чередуясь с другими атомами тела, приводят его в движение. В мозгу они составляют разум человека, в остальном теле — основу ощущений. Атомы души пополняются и удерживаются в теле с помощью процесса дыхания. С «последним вздохом» они выходят наружу и рассеиваются. Следовательно, нет бессмертия души и загробной жизни. В особом сочинении «О том, что в Аиде» Демокрит вел резкую полемику с орфико-пифагорейскими взглядами на странствования душ в подземном царстве, а также опровергал суеверные рассказы о чудесном воскрешении из мертвых.

В различных фрагментах наследия философа можно найти много интересных высказываний, замечательные научные догадки. В них просматриваются зачатки естествознания, начало такого понимания окружающей природы, которое, как и все атомистическое учение, свидетельствует о борьбе зарождающейся науки с религиозно-мифологическим мировоззрением. Одна из таких догадок — идея естественного отбора...

Гениальные идеи — просты

Напомним, что, согласно Дарвину, естественный отбор служит основным движущим фактором эволюции живой природы. Из поколения в поколение наследственность воспроизводит формы предков, но она копирует их не в неизменном виде. У каждой новой особи имеются какие-то изменённые признаки по сравнению с родителями. Некоторые из них оказываются приспособительными, то есть с их наличием данное существо лучше приспосабливается к окружающей среде и выживает в борьбе против жизнеопасных ее факторов. Выживающие особи дают потомство, в котором благоприятные признаки усиливаются двойной наслед-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 126.

[2] Они наиболее полно собраны в последнем советском издании отрывков Демокрита: С. Я. Лурье. Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. Л., 1970. Ссылки в статье на это издание.

[3] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 131.

[4] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 119.

ственностью. Из следующего поколения в условиях изменяющейся среды снова выживают наиболее приспособленные и т. д. В течение миллионов лет эти изменения приводят к образованию новых форм, подвидов, видов, а затем целых типов, классов, отрядов и семейств, вплоть до семейства гоминид и вида «человек разумный».

Теория естественного отбора, несмотря на разные попытки ее истолкования либо в пантеистическом и телеологическом духе, либо в духе модернизированного богословия, имеет объективно глубокий атеистический смысл. Она не предполагает веры в божественное творение, противоположна взглядам о направленном отборе. Она противопоставляет каузальность (причинное объяснение явлений) телеологии, то есть учению о заранее заложенной цели в природных явлениях. Понимание процессов естественного отбора убеждает в том, что растения и животные приспособлены к внешней среде не потому, что некто (бог, рок, сверхъестественная сила, мировой разум и т. п.) так целесообразно их устроил, а потому, что из множества особей выживали только наиболее приспособленные.

Именно простота идеи естественного отбора, возникшей на основе несложных опытных наблюдений над строением животных, а возможно и на мнимых аналогиях из общественной жизни, могла стать одной из причин ее столь раннего появления в философской мысли. Ведь именно в античный период, и особенно у атомистов, отмечено много замечательных догадок. Так, Ленин высоко ставил учение Левкиппа и Демокрита о «вихрях» атомов как начале мирообразования [5]. В их теории «идолов»-истечений, идущих от предметов к глазу, академик С. И. Вавилов находил зерно истины, совпадающей с точкой зрения современной теории света. Идея дискретности материи, сформулированная атомистами, прошла через всю историю физики и продолжает играть огромную роль и в наши дни. По словам Энгельса, древнегреческие мыслители были «прирожденными диалектиками», а в их философии имелись в зародыше все позднейшие типы мировоззрений [6]. В некоторых уцелевших фрагментах античных философов сохранились зачатки идеи эволюции живой природы вплоть до взгляда о выживании более приспособленных организмов; их можно охарактеризовать как своего рода предвосхищение идей дарвинизма в античности. Некоторые исследователи предполагают, что зачатки теории естественного отбора появились именно в учении Демокрита. На каком основании?

О чем поведал текст Аристотеля

В «Физике» Аристотеля имеется рассуждение, утверждающее, что то или иное устройство тел животных возникает в силу естественной закономерности и необходимости, причем целесообразность этого устройства является результатом случайных благоприятных совпадений, которые сохранились, в то время как другие, неблагоприятные, приводили и приводят к гибели организмов.

«...Что препятствует тому,— читаем у Аристотеля,— чтобы так же обстояло дело и в природе, и с частями (тела), например, то, что из числа зубов в силу природной необходимости передние вырастают острыми, удобными для разрывания пищи, а коренные — плоскими, полезными для растирания пищи, т. е. не может ли быть, что это происходит не для указанной цели, а имеет место лишь случайное совпадение?.. (Части), в которых все совпало таким образом, как если бы они возникли для определенной цели, уцелели, так как они, образовавшись спонтанно, оказались полезными; части же не такого устройства погибли и погибают...» [7].

В этом рассуждении ясно намечена догадка о естественном отборе. Зубы животных устроены удобно и целесообразно для питания потому, что животные с такими зубами уцелели в борьбе с окружающей природой. Но кому конкретно принадлежит это рассуждение? Великий энциклопедист древности излагал ведь не только свои мысли. Он широко использовал труды своих предшественников (не всегда называя их по имени). С одними соглашался, с другими полемизировал. В приведенном отрывке Аристотель излагал взгляды противника: «Таково это рассуждение, способное привести в недоумение».

Комментатор Аристотеля Симпликий дал приведенный детерминистский взгляд более обстоятельно: «Все, что соединилось друг с другом таким образом, что могло уцелеть, стало живым и сохранилось... То же, что соединилось ненадлежащим образом, погибло... На этой точке зрения, по-видимому, стояли из древних физиков все те, которые считают необходимость, присущую материальному миру, причиной происходящего... а из более поздних — эпикурейцы».

Телеология Аристотеля и детерминизм Демокрита

Почему Аристотель не согласен с этой точкой зрения? Как известно, он колебался «между идеализмом и материализмом». Подвергнув критике своего учителя Платона, он отрицал существование фантастического мира идей, признавал материальный мир единственным миром и этим «вплотную подходил к материализму» [8]. Однако не смог преодолеть идеализм Платона. Материя в его философии — пассивное начало, вся же активность приписывается форме; «чистой формой» является бог — как сам себя созерцающий ум и неподвижный двигатель мира. Бог дает цель миру, учил Аристотель, и сам же этой целью является — таково его идеалистическое мнение о цели в мире. В мировоззрении древнегреческого философа ярко выражена телеологическая точка зрения. Именно он ввел в обиход понятие целевой причины, которую затем усвоила христианская догматика.

А противник Аристотеля, с которым он спорит,— материалист и детерминист: все явления окружающего мира он объясняет естественными причинами и строго каузально. Это и помогает ему высказать удивительную догадку о естественном отборе. Ряд аргументов говорит за то, что автор высказанной точки зрения Демокрит. Приведу только некоторые.

Среди «древних физиков», предшествующих философов Аристотель особенно часто упоминает Демокрита (в отличие от Платона, который преднамеренно его замалчивает) и высоко оценивает его научный метод. Однако он так же часто полемизирует с ним в истолковании явлений природы. Узнать о том, с кем ведется полемика, мы можем не только тогда, когда противник назван по имени. Неоднократное упоминание Аристотелем и Симпликием того, что у «древних физиков» материальная необходимость — причина явлений,— прямое указание на Демокрита, характерной чертой учения которого была эта концепция. Он же — признанный предшественник Эпикура и эпикурейцев, о которых говорит Симпликий.

В работе «О возникновении животных» Аристотель обрушивается на Демокрита за то, что тот все объясняет «случаем и природной необходимостью», но не указывает цели, не говорит, что это происходит «ради блага». Как известно, верующие критики Дарвина тоже не могли простить ученому того, что он решительно отвергал всякую телеологию и действие разумного предначертания в изменениях природы.

Как здесь не вспомнить слова Ленина, который о противниках «линии Демокрита» в философии писал, что борьба религии и науки не могла устареть и за две тысячи лет [9]. Именно религия и богословие выводят «телеологическое доказательство» бытия бога с помощью наивного представления о цели, якобы заданной природе. При этом богословы использовали труды Аристотеля, предварительно «очистив» их от материализма.

Демокрит в борьбе с религиозными мифами

Уже в античности линия материализма была также линией атеизма. Материалистический детерминизм Демокрита был неразрывно связан с его решительной антимифологической позицией. В этом он продолжал своих предшественников и давал начало новым последователям.

Как и Гераклит, он был убежден в том, что мир не создан богами. Как и Парменид и элеаты, он отстаивал принцип «сохранения бытия», согласно которому ничто из ничего не возникает, а следовательно, бытие не может быть сотворено. Вместе с Анаксагором Демокрит считал, что небесные тела — это материальные тела. Он высмеивал тех, кто объяснял природные явления действием богов, и считал, что вера в них возникла из страха перед непонятными явлениями природы. Явлениям грома и молнии Демокрит давал чисто естественное и причинное объяснение, исходя из атомистической теории, и заключал, что «ничто не посылается Зевсом».

Что касается живых тел, в том числе людей, то они, по его мнению, образовались из влажной земли, без всякого творца и «разумного» основания. По-

[5] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 239.
[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 369.
[7] Отрывок впервые включен в издание Демокрита, 1970 г.
[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 258, 259.
[9] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 131.

пытка естественнонаучного объяснения, неверие в какие бы то ни было сверхъестественные, в его понимании, беспричинные, «чудесные», волей всемогущих богов сотворенные явления — таков принципиальный подход философа к объяснению окружающего мира. Поэтому глубоко соответствует духу Демокрита дошедшее до нас изречение, согласно которому он предпочитал найти одно причинное объяснение, чем обладать престолом персидского царя.

Мысли Демокрита о религии неоднократно повторял Лукреций Кар в своей поэме «О природе вещей». Он писал, например, что первобытные люди

не могли распознать, почему это так происходит,
И прибегали к тому, что богам поручали все это,
Предполагая, что все направляется их мановеньем.

Отрицая богов античной религии, Демокрит не утверждал, что решительно нет никаких «богов» вообще. Этого не допускала его наивно-материалистическая теория познания, согласно которой источником любого восприятия и представления, мысленного образа являются «истечения» — «видики» и «идолы», излучаемые предметами и воспринимаемые органами чувств. Следовательно, считал он, где-то должен быть и источник образов богов. Демокрит предположил, что это существа несколько другой природы, чем люди,— более долговечные и с большей концентрацией атомов огня (то есть, согласно его взглядам,— души, разума), но тоже смертные. Возможно, живут они в одном из ближайших миров, а их «истечения» совершенно непроизвольно и нецеленаправленно доходят до Земли — до людей и животных. Особенно восприимчивы к этим «образам» люди спящие и поэты в состоянии экстаза, поскольку тогда ум их отключен от восприятий среды. На этом основании, рассуждал мыслитель, люди поверили во всемогущих богов и приписали им непонятные явления.

Необходимость и случайность

Демокрит решительно отрицал случай как беспричинное явление, слепую судьбу. В его представлении «случай» скрывал только незнание причины. Он говорил: «Люди сотворили себе кумир из случая для прикрытия присущего им недомыслия». Здесь мыслитель был прав: если выдавать за естественное только объяснимое, то, по словам Энгельса, безразлично, называть ли причины необъяснимых явлений случаем или богом [10]. С другой стороны, в полном отрицании случайности заложена уже метафизичность. Если каждое явление считать испокон веков предопределенным железной необходимостью, то эта необходимость напоминает ту же божественную «судьбу».

Однако детерминист Демокрит был еще и античным диалектиком. Он не мог обойтись без понятия случайности, но выразил его в другом значении и в других терминах. Он вполне допускал случайность в значении того, что может быть и может не быть, но любой исход события считал зависимым от конкретной причины, включая волю человека. Так, вся этика Демокрита основана на предпосылке, что человек волен поступать так или иначе, разумно или неразумно. Философ много раз употреблял в разных формах глагол «совпадать», и этот термин является не чем иным, как выражением понятия случайности.

Само понятие вихря атомов, их беспорядочного круговорота, согласно Левкиппу и Демокриту, давшего начало дифференциации материи и возникновению Космоса, означает не что иное, как хаос случайностей. Но Демокрит тот же вихрь называет необходимостью. И это неосознанное единство необходимости и случайности в его учении — элемент стихийной диалектики, которая ему присуща не меньше, чем учениям других древнегреческих философоз.

Итак, согласно Демокриту, все причины в конечном счете кроются в движении атомов. Различные явления могут «совпадать», благоприятные (случайные, но не беспричинные) совпадения в строении органов животных помогают сохраниться сильнейшим — такова точка зрения Демокрита. Это и есть античный вариант теории естественного отбора.

Чем подтверждается догадка?

Демокрит пытался обосновать единство растительного и животного мира, включая человека с его «душой» из особо тонких атомов. Он пришел к мысли, что растительный мир по сложности строения является промежуточной ступенью между животным миром и неживой материей. Историю развития человеческого общества мыслитель начинал от «звероподобного состояния». И здесь, на первых ступенях его развития он видел не дар богов и героев, а выживание приспособленных. «Большая часть, а именно более слабые по природе, естественно погибли, а те из них, которые были приспособлены лучше других, могли выдержать дольше...»

Диалектические элементы в учении Демокрита и его демократические взгляды уберегли античного философа от перенесения идеи «выживания сильнейших» на развитое человеческое общество. Этот перенос допускают современные так называемые «социал-дарвинисты», в древности его делали некоторые реакционные идеологи олигархии.

Демокрит и его последователи учили, что люди по природе (то есть биологически) лишены таких средств защиты, какие имеют животные. Их сила — в общественной жизни. В обществе тоже господствует необходимость в виде «нужды» (мы бы сказали — потребностей людей), которая движет прогрессивным развитием человечества, вызывая к жизни новые изобретения. Нужда научила людей объединяться, и благо людей немыслимо без блага всего гражданского коллектива. «Государство, идущее по верному пути,— величайшая опора. И в этом заключается все: когда оно гибнет, все гибнет».

Идеализируя современную ему рабовладельческую демократию, Демокрит, однако, выступал против «права сильного», высказывался решительно против жестокости, нечестности и стяжательства богачей, против их скупости и ненасытного стремления к деньгам, даже против богатства вообще, здесь он выступал не только как представитель передовой философской мысли своего времени, но и как античный просветитель и гуманист.

Знал ли Дарвин?

Идеи античных материалистов и атеистов проникали в новое время разными путями. Особое место принадлежит поэме Лукреция Кара «О природе вещей», «открытой» Поджо Брачолини в 1418 году. В ней, начиная со стиха 853, изложена концепция развития природы, близкая к Демокритовой. Речь идет о том, что многие поколения животных погибли, не будучи в состоянии продолжать свой род. А те, которые живут, уцелели благодаря ряду защитных средств: «Племя свирепое львов и хищников лютых породы смелость спасла, а лисиц — коварство, и прыткость — оленей». Домашних животных спасла защита человека. Чудищ, подобных мифологическим кентаврам, просто быть не могло. Что же касается человека, то в начале его истории не было золотого века. Человеческое общество развивалось поступательно, начиная со звероподобного состояния (такие взгляды были именно у Демокрита). Через поэму Лукреция идеи античных материалистов становились достоянием нового времени.

Первая эволюционная теория нового времени до Ламарка и Дарвина, высказанная де Майетом в 1748 году, напоминала рассуждения философов VI века до н. э. Согласно их концепции, из морских животных произошли растения, животные, люди. Французские материалисты XVIII века в этом вопросе тоже обращались к античности. Дидро, явно под влиянием Лукреция, выдвигал смелые гипотезы о развитии видов в прошлом и будущем.

А знал ли Дарвин о своих античных предшественниках? В ранних изданиях «Происхождения видов» упоминается о «намеках, встречающихся у классических писателей». Он обратил внимание на рассуждение Аристотеля в его «Физике» относительно формы зубов животных. Даже в искаженном переводе ученый усмотрел как бы проблеск будущего начала естественного отбора.

Мы ни в коем случае не беремся утверждать, что теория естественного отбора возникла в древности. Ее не могло быть тогда просто потому, что еще не существовало подлинной науки с ее системой фактов и их осмыслением. В философском истолковании фактов природы и общества у древних греков были только «приемы постановки вопросов, как бы п р о б н ы е системы... наивная разноголосица...» [11].

Теория естественного отбора Дарвина была новой, революционной даже для науки своего времени. Но как до великого Коперника существовал надолго забытый Аристарх Самосский, как до диалектики Гегеля «прирожденными диалектиками», по словам Энгельса, были древнегреческие философы, так и прообраз теории естественного отбора появился в учениях древнегреческих материалистов, в частности Демокрита, помогая им в первых сражениях научного и религиозного мировоззрений.

---

[10] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 533.

[11] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 326.

СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ВОСПИТАНИЯ

Ладислав М. СОБОТКА,
кандидат философских наук

Научно-атеистическое воспитание как основная часть мировоззренческого воспитания—важный элемент в борьбе против влияния религиозной идеологии. Его необходимо сознательно ориентировать прежде всего на детей и молодежь. Наиболее эффективно и комплексно оно должно воздействовать прежде всего в тот период развития юных, когда у них начинает интенсивно формироваться собственное мировоззрение.

По времени этот период совпадает со школьными годами. Поэтому именно учителя должны обеспечивать систематическое и целенаправленное научно-атеистическое воспитание нового поколения. Школа — естественная среда, в которой должно реализоваться научно-атеистическое воспитание нового поколения, пронизывающее преподавание всех учебных предметов и всю внеклассную работу. При этом надо иметь в виду, что каждый предмет тем или иным образом выражает свое отношение к существу проблематики научного мировоззрения, религии и научного атеизма. Таким образом, научно-атеистическое воспитание должно стать органической, целенаправленной и систематической составной частью всех учебных дисциплин, всего образовательного и воспитательного процесса. Оно должно осуществляться во всех звеньях школьной системы, но с учетом знаний, опыта, социально-психологических данных учащихся.

Важная роль в этом воспитательном процессе также принадлежит высшей школе. Это обусловлено, во-первых, тем, что вузы обеспечивают подготовку новых преподавателей и воспитателей, и, во-вторых, тем, что они готовят кадры специалистов с высшим образованием для различных областей общественной практики.

С некоторыми разделами теории научного атеизма студенты знакомятся, изучая основы марксизма-ленинизма, однако этим проблематика научно-атеистического воспитания далеко не исчерпывается. Усвоение этой проблематики особенно важно для студентов педагогических отделений и факультетов, то есть для будущих преподавателей и воспитателей.

Преподавание научного атеизма в вузах должно базироваться на тех конкретных знаниях, которые студенты получают прежде всего при изучении марксистской философии и научного коммунизма. При этом также необходимо использовать и знания по другим общественным и естественнонаучным дисциплинам.

В процессе преподавания научного атеизма в вузе нельзя не учитывать и тот факт, что религия все еще воздействует на некоторых студентов, определенным образом влияя на их представления. Источником таких влияний может быть неправильное воспитание в семье, определенная узость социальной среды, религиозные моральные нормы и ценности, наконец, модернизация того или иного вероучения.

Поэтому вести курс научного атеизма в вузе следует поручать прежде всего наиболее зрелым преподавателям марксистской философии и научного коммунизма, которые располагают не только необходимыми морально-политическими, педагогическими и профессиональными данными, но и проявляют личный интерес к данной проблематике, систематически работают или хотят работать над ней. Надо привлекать таких людей к исследованиям в области научного атеизма, разработав и реализовав различные формы последипломного обучения преподавателей, повышения их квалификации, обеспечив их соответствующей литературой и другими методическими пособиями.

Начиная с середины 70-х годов курс научного атеизма читается на педагогических и философских факультетах вузов Чехословакии. В дальнейшем намечается ввести его преподавание и на других факультетах университетов, а затем и в остальных высших учебных заведениях по мере подготовки необходимых преподавательских кадров и обеспечения учебными пособиями.

Важную роль в подготовке преподавателей научного атеизма играет Отделение повышения квалификации преподавателей общественных наук при Высшей школе ЦК КПЧ. Многие из них получают возможность совершенствовать свой профессиональный уровень в СССР на факультете повышения квалификации преподавателей общественных наук при МГУ. Еще одним путем специализации преподавателей в области научного атеизма является их привлечение к научно-исследовательской работе. Мы также регулярно проводим семинары преподавателей научного атеизма, на которых они обмениваются как учебным, так и научным опытом.

Поскольку курс научного атеизма — дисциплина мировоззренческая, в ходе ее преподавания особенно важно установить атмосферу взаимного доверия между лектором и студентами, пробудить у них активный интерес к данной проблематике, добиться такого положения, чтобы полученные ими знания стали органической составной частью убеждений, положительно формируя их взгляды и установки. Для этого, кроме прочего, преподаватель должен хорошо знать свою аудиторию, взгляды студентов, среду, из которой каждый из них пришел в вуз. Чтобы иметь представление о воздействии на студента внешних социальных факторов, важно также располагать сведениями, например

Сокращенный текст доклада, представленного на Всесоюзную научно-методическую конференцию «Вопросы методики преподавания научного атеизма в высших учебных заведениях» (Москва, декабрь 1976 г.).

— об уровне религиозности в данном месте, о характере общественных традиций, об уровне культурности, образованности населения, о его занятости и т. д. Недостаточное знание этих фактов или их игнорирование может привести к тому, что преподавание научного атеизма не окажет решающего влияния на формирование мировоззрения студентов, а в отдельных случаях даже может вызвать у них отрицательное отношение к материализму.

Нельзя забывать также, что мировоззренческое воздействие на студентов оказывают и другие работники вузов и их окружение, хотя они и не участвуют непосредственно в педагогическом процессе. Влияние этих лиц и групп никак нельзя игнорировать, хотя оно может носить и зачастую носит стихийный и косвенный характер.

Следовательно, можно сказать, что формирование общественного мнения и атмосферы на факультете — важная составная часть обеспечения положительной реализации преподавания научного атеизма. Формы такого обеспечения различны, они зависят от характера соответствующего вуза, факультета, от активной работы и помощи со стороны партийной и других общественных организаций.

Весьма важно также, чтобы студенты имели достаточные конкретные знания в области общественных и естественных наук, правильную мировоззренческую ориентацию, идейную убежденность. С этой точки зрения желательно вводить преподавание научного атеизма по возможности на старших курсах. Важной теоретической основой и предпосылкой для его освоения являются положения и принципы марксистско-ленинской философии. Поэтому преподавание научного атеизма не должно предшествовать курсам марксистско-ленинской философии и научного коммунизма, а следовать после них.

Немаловажное значение с точки зрения методики самого учебного процесса имеет также соблюдение правильных пропорций между лекциями и семинарами. Преобладание лишь одной из этих форм неизбежно снижает результативность занятий. Лекции дают студентам цельную концепцию проблематики. Семинар же позволяет обратить внимание на более глубокие взаимосвязи и, что главное, побуждает самостоятельно реагировать на неясные и интересующие их проблемы и вопросы. Вот почему по своему мировоззренческому воздействию семинар более эффективен, чем лекция, которая не позволяет осуществить обратную связь и не стимулирует самостоятельную активность студентов. Лучше всего, конечно, когда в учебном процессе представлены обе формы обучения, однако нам из-за недостатка кадров пока что приходится вводить курс научного атеизма только в форме лекций.

Опыт свидетельствует, что положительные результаты преподавания научного атеизма проявляются, как правило, лишь позднее и его воздействие носит долгосрочный характер. Это следует учитывать как при подготовке, так и в самом курсе. Таким образом, весь воспитательно-образовательный процесс, связанный с этим предметом, должен органически вписываться в комплексный воспитательно-образовательный процесс каждого вуза. Только при этом условии он будет удовлетворять задачам большой политической и общественной важности, стоящим перед системой высшего образования в социалистическом государстве.

г. Прага

КОРОТКО ОБ ИНТЕРЕСНОМ • КОРОТКО ОБ ИНТЕРЕСНОМ • КОРОТКО ОБ ИНТЕРЕСНОМ • КОРОТКО ОБ ИНТЕРЕСНОМ

К ЮБИЛЕЮ БОЛГАРИИ

В связи с 1300-летием болгарского государства (681 г.) Академия наук НРБ готовит к печати четырехтомный труд «Археология Болгарии». Цель этого издания — проследить развитие материальной культуры народов, населявших территорию нынешней Болгарии, определить место, которое она занимает в культурном развитии Европы.

«Археология Болгарии» охватит продолжительный период времени, начиная с древнейшей истории этой страны и до XIV века. Первый том рассматривает доисторический период, второй — античную эпоху, третий — раннее средневековье: переселение славян и протоболгар и создание Первого болгарского царства (681 г.), а четвертый — время до турецкого нашествия (1396 г.).

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ

О тысячелетнем прошлом Болгарии рассказывают многочисленные исторические памятники, по числу которых она занимает третье место в Европе после Греции и Италии.

До социалистической революции 9 сентября 1944 года в Болгарии было 13 государственных музеев и художественных галерей, сейчас их 204. В публичных библиотеках и на предприятиях экспонируется свыше четырехсот музейных коллекций. Таким образом, музейная сеть охватывает всю страну. В государственных хранилищах собрано свыше трех миллионов экспонатов. И это богатство непрерывно пополняется — ежегодно в музеи поступает около ста тысяч новых исторических ценностей.

Не так давно в НРБ созданы Национальный исторический и Национальный литературный музеи. Гордостью страны являются такие уникальные города-музеи и музеи-заповедники, как Копривштица, Мелник, Несебыр, Плиска, Преслав, Царевец и Трапезица. Национальными музеями объявлены Рильский монастырь, Шипка-Бузлуджа, этнографический парк-музей Етыр и город Габрово, а также национальный церковно-историко-археологический музей.

Народное собрание Болгарии приняло закон о музеях и памятниках культуры, призванный содействовать их охране.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

В одном из выставочных залов ЮНЕСКО состоялась фотовыставка «Замки Германской Демократической Республики». Ее посетители ознакомились с историей и архитектурой более 3 тысяч замков, охраняемых как произведения искусства и исторические памятники. В ГДР принята и осуществлена программа их сохранения и реставрации. Ныне здесь замки включены как составная часть в систему культурных учреждений страны. Во многих из этих замков размещены различные музеи, концертные и выставочные залы, клубы молодежи.

ПО ПОВОДУ ОДНОЙ КОНЦЕПЦИИ

Г. ЛИТВИНОВА

В условиях обострившегося соревнования двух социально-экономических систем и набирающей темп научно-технической революции все более важное значение приобретает философское осмысление места человека в историческом процессе, критериев выбора стратегии социально-экономического и общественного развития, оптимального сочетания социально-психологических перегрузок, с одной стороны, и счастья человека, удовлетворенности его своей жизнью — с другой.

Проблема сочетания прогресса и счастья существовала во все века, и пути ее решения предлагались самые разнообразные: от утопических и хилиастических[1] проектов основать «новый золотой век» на земле до тоски по его утрате или «естественному состоянию» (Руссо). Ныне в реальных условиях современного общества по этой проблематике ведется острейшая идеологическая борьба, находящая свое наиболее концентрированное выражение в противопоставлении социалистического образа жизни различным буржуазным концепциям (условий человеческого существования, человеческих отношений, человеческой природы, антропологизма, христианского гуманизма, преодоления отчуждения и т. п.), особенно же — новейшей концепции «качества жизни».

Сами толкования буржуазными идеологами сконструированного ими понятия «качества жизни» весьма различны. Единственное, что можно выявить,— это классовое по происхождению стремление найти и доказать преимущество для жизни человека капиталистических общественно-политических и социально-экономических отношений, основанных на принципах буржуазного индивидуализма, перед социалистическим строем, основанным на коллективистской, коммунистической этике.

Наряду с апологетикой фундаментальных устоев буржуазного общества немаловажное место во всех разновидностях концепции «качества жизни» занимает также социал-реформистская критика отдельных непринципиальных аспектов современного капитализма.

Советские и зарубежные ученые-марксисты все более активно разоблачают апологетическую сущность новейшей буржуазной доктрины «качества жизни» и подвергают дальнейшему углубленному анализу ту реальную, вызываемую современным социально-экономическим и научно-техническим прогрессом проблематику, которую пытаются использовать в интересах защиты буржуазных ценностей и установок идеологи эксплуататорских классов.

В материалах съездов, в документах КПСС и международного рабочего и коммунистического движения глубоко анализируются социально-экономические и общественно-политические предпосылки успешной борьбы за повышение уровня и качества жизни народа, теоретически осмысливается назревшая необходимость расширения и углубления борьбы трудящихся за свои права, расширения и обогащения принципов социалистической демократии. Социальные и политические завоевания советского народа в расширении и обеспечении прав человека — этих необходимых условий человеческого счастья и достойного качества жизни — закреплены в новой Конституции СССР.

Современные концепции качества жизни связаны с социальным самочувствием тех или иных социальных слоев и групп и их идеологов. Отношение к жизни, выработка системы ценностей, позволяющих формировать идеал образа жизни и соответственно судить о ее качестве, вырабатывать концепцию качества жизни, стремиться к ее реализации,— все это связано с местом данного социального класса, слоя, группы в историческом процессе, с фазой развития данного общества в условиях борьбы классов и идеологий, с наличием двух культур в каждой национальной культуре.

Поэтому в антагонистическом обществе неизбежна борьба понятий о том, что такое счастливая жизнь, каково должно быть ее качество. В эксплуататорской формации, как указывал К. Маркс в «Немецкой идеологии», доминируют образ мыслей и жизненные идеалы господствующего класса. В капиталистическом обществе интерес буржуазных идеологов и обществоведов к проблеме качества жизни объясняется их попыткой затушевать классовые противоречия и создать иллюзию достижимости общества «всеобщего благосостояния» в рамках существующих буржуазных институтов. Поэтому использование понятия «качества жизни» стало средством обойти решение ключевой проблемы капиталистического общества — ликвидации частной собственности на средства производства и эксплуатации человека человеком, отвлечь внимание трудящихся в сторону всякого рода второстепенных вопросов, вроде «целенаправленной интеграции», «оздоровления окружающей среды», «уменьшения различий в доходах» и т. д. и т. п.

Современные буржуазные концепции «качества жизни» в известном смысле порождены антикоммунистическими теориями «общества изобилия», «государства всеобщего благоденствия», «нового индустриального общества» и др. Однако подобные апологетические схемы, основанные на фетишизации потребительства, опровергнуты самой капиталистической действительностью. Крушение мифа о свободном предпринимательстве, о неотъемлемой автономности индивидуума, личности, закат альфы и омеги капиталистического образа жизни—буржуазного индивидуализма резко изменили самоощущение личности в классовополяризованном обществе.

Тем самым существенно моди-

[1] Хилиазм, или миллеранизм — религиозное пророчество о грядущем тысячелетнем «царстве божьем».

фицировалось и само традиционное буржуазное понимание качества жизни. На поверхность общественной жизни выступает борьба классовых и групповых экономических и политических интересов, соперничество корпораций и монополий, монополистических объединений и политических блоков. Личные достоинства человека теперь стали приниматься в расчет лишь в зависимости от того, насколько соответствуют его экономические интересы, политические способности и моральные качества потребностям функционирования капитала. Возникает конфликт между «недоликвидированным» буржуазным индивидом и «евнухом» капиталистической промышленности, расширившей свои производственные возможности и тем больше нуждающейся в «абсолютно пластичном потребителе», указывает советский философ Ю. Давыдов [2].

Этот «абсолютно пластичный потребитель», как отмечают советские и зарубежные социологи, стремится к «максимуму наслаждения в единицу времени», поэтому образ жизни его регулируется уже не протестантской этикой, а гедонистским культом телесночувственного начала, самодовлеющего влечения к наслаждению любой ценой, во что бы то ни стало. Денежная лихорадка сменилась афишируемыми сексуальными удовольствиями с известными элементами садизма и извращения. Таким образом, в современном буржуазном обществе потребительски-гедонистская чувственность в сфере образа жизни теперь нередко играет ту же роль, что и денежный капитал. В последнее десятилетие особенно культивируется богемный культ жизни во имя «свободы инстинктов», ибо он нисколько не противоречит «потребительским» аспектам государственно-монополистического капитализма, сделавшего объектом прибыли даже то, что, казалось бы, не должно быть товаром.

Так «контркультура», особенно пропагандируемая «новыми левыми», оказалась удачным средством воссоединения человека и капитала, в конечном счете дополнив материальное потребление физиологическим.

Если капитализм при своем зарождении, в первых фазах своего существования стремился следовать принципам так называемой протестантской этики, основанной на пуританском вероучении Кальвина, и проповедовал скромность, трудолюбие, патриархальные нравы, то ныне он поощряет так называемую «Иисус-революцию» с ее призывами к потребительскому анархизму, будь то хиппизм или «сексуальная революция». Многие теологи, не говоря уже об апологетах «контркультуры», усматривают ныне в христианстве призыв к освобождению от пут «тетушки морали», толкуя «любовь к ближнему» как раскрепощение Эроса.

«Теология освобождения», например, в этом вопросе смыкается с фрейдизмом и левацким «неомарксизмом». Под флагом потребительской вседозволенности, но в рамках капиталистической системы, новейшие социал-реформистские и буржуазные концепции «качества жизни» стыкуются с мнимо «антибуржуазными» лозунгами «теологии освобождения» и разношерстных «Иисус-революционеров». Как ни странно, наимоднейший нигилизм «контркультуры» черпает свои аргументы из таких древних традиционно моральных учений, как ранние буддизм и христианство. Тысячи «новых» религий и сект, появившихся, как грибы после дождя, в последние годы, претендуют на создание «нового» образа, качества жизни в условиях НТР с помощью йоги, буддизма, тантризма, даосизма, гностицизма, иудео-христианства, различных масонских течений, теософии, антропософии и т. п. Религиозно-мистические рецепты разбавляются наукообразными концепциями идеологии и теологии «кризиса» буржуазного общества [3].

Соответственно выдвигаются идеи создания гедонистской «цивилизации игры» вместо приведшей к экономическому хаосу и бессмысленной погоне за прибылью буржуазной «цивилизации труда». Высшее, новое качество жизни усматривается не в карьере, не в индивидуальном успехе, не в овладении природой, а в растворении в ней индивида и в «играющем коллективе». Столкновение классической буржуазной пуританской системы ценностей и новой гедонистской отражает положение, в котором оказалось нынешнее капиталистическое «общество потребления». И тем не менее модная и господствующая на Западе концепция «качества жизни» продолжает смешивать старые ценности с новыми установками «абсолютно пластичного потребителя», чем обусловлены ее внутренняя противоречивость и произвольность, равно как и несостоятельность попыток измерять и сравнивать качество жизни у различных социальных групп и слоев.

Таким образом, социальная обусловленность качества жизни игнорируется, что проявляется, в частности, в сосуществовании буржуазной культуры с буржуазной же «контркультурой». Это игнорирование приводит буржуазных теоретиков к тезису об «индивидуализации» качества жизни в капиталистическом обществе, согласно которому различия в качестве жизни объясняются не социальным положением и классовой принадлежностью человека, а его конкретными действиями, которые якобы позволяют ему свободно выбирать угодное ему качество жизни.

Впрочем, само по себе требование улучшения качества жизни в условиях современного капиталистического общества отвечает некоторым действительно неотложным задачам: необходимости улучшения здравоохранения, переориентации экономики, расширения социальных фондов и т. д. Буржуазия и социал-демократия под напором трудящихся вынуждены искать решения таких проблем. При этом все завоевания рабочего класса преподносятся как якобы прогрессивные изменения природы самого капитализма. В подобных условиях концепция «качества жизни» объективно представляет собой попытку ввести в заблуждение трудящихся, нейтрализовать притягательную силу социалистического образа жизни.

Для многих сторонников «качества жизни» характерна тенденция к пересмотру соотношения материальной и духовной сфер жизни общества. Среди многочисленных рецептов «духовного

---

[2] См.: Ю. Давыдов. Бегство от свободы. Философское мифотворчество и литературный авангард. М., 1978, стр. 361.

[3] Более подробно о современных западных сектах см. статьи в журнале «Наука и религия» (1978, № 12; 1979, № 5).

оздоровления» предлагаются прежде всего религиозно-мистические, делающие ставку на внутреннюю перестройку личности, на изменение ее отношения к миру и к самой себе. Именно религия, утверждает, например, известный западногерманский теолог И. Гирс, в состоянии дать человеку те духовные ценности, которые так необходимы для создания нового качества жизни. Безусловно, подобные установки отнюдь не новы. Но ныне, в условиях дальнейшего обострения общего кризиса буржуазного общества, когда этот кризис, как отмечалось на XXV съезде КПСС, приобрел всеохватывающий характер, предлагаемые клерикальными идеологами пути «спасения» зачастую носят нигилистический характер.

Религиозный подход к проблеме качества жизни стоял также и в центре диалога крупнейшего английского историка и религиозного мыслителя, обличителя пороков и моральных недугов буржуазного общества Арнольда Дж. Тойнби с одним из видных японских буддистских деятелей Дайсаку Икедой [4]. Обсуждая причины и пути преодоления современного духовного кризиса, оба они пришли к выводу, что в условиях стремительных перемен, вызванных тем, что капитализм, в особенности в эпоху научно-технической революции, уже исчерпал свой исторический потенциал, нет иного пути улучшения качества жизни, кроме религиозного преображения сознания.

Необходима религия, утверждал при этом Икеда, которая заставила бы каждое человеческое существо глубоко осознавать, что, во-первых, религиозное и моральное здоровье каждого индивидуума важнее всего материального богатства мира, а, во-вторых, жизнь и укорененное в ней человеческое достоинство может сохраняться только в гармонии с природой. Тойнби также считал, что нынешнюю угрозу человеческому существованию можно устранить только путем «революционного изменения» самой личности. Это изменение, по его мысли, должно вдохновляться религией, чтобы возродить и укрепить интеллект для свершения новых практических задач.

Обсуждая проблему взаимоотношения человека и среды, Тойнби полагал, что последняя представляет собой часть самого существа. Единство живого существа и среды, уточнял Икеда, соотносится с буддистским учением «эшо фуни», согласно которому жизнь и среда — одно целое. Концепция иудео-христианского монотеизма, отмечал Тойнби, напротив, подразумевает, что духовное присутствие во Вселенной и за ее пределами концентрируется в потустороннем человекоподобном боге, и отсюда делает вывод, что все остальное в мире не является божественным.

Таким образом, продолжал Тойнби, творец наделялся правами вмешиваться в то, что творил. Бог подарил людям возможность активно использовать природу. В результате эксплуатации среда перестала быть священной. Страдая от разрушительных действий человека, природа восстает против него. Основными причинами гибельных последствий разрушения окружающей среды и Икеда и Тойнби считают прежде всего нежелание людей уяснить и принять к руководству в своей повседневной деятельности тот факт, что человек и природа — единое целое. Другой негативный фактор такого рода, по их мнению, это ориентация человека на подчинение, так сказать, на покорение природы и всего остального, поскольку он полагает себя самым близким к богу существом. Выход из создавшегося положения, по мнению Тойнби, может дать только всемирное сотрудничество всех религий и философий в деле «сохранения окружающей среды и искоренения стяжательства». Последнее он считает животной чертой, призывая возвысить человеческое достоинство над потребительством. Презрение к нему, по мнению Тойнби, способна воспитать лишь новая религия. «Судьбу цивилизации решает качество религии, на которой она основана»,— утверждает этот буржуазный мыслитель.

Разумеется, многие приверженцы концепции «качества жизни» правильно обличают пороки буржуазного общества и искренне стремятся преодолеть их, чтобы сделать человека счастливей, но в то же время они совершенно беспомощны в реализации своих благих пожеланий. Главную задачу человечества они видят в преодолении эгоизма с помощью религии, считая ее наиболее действенным средством усовершенствования личности и общества. Так, авторы сборника «Прогноз-сценарий вариантов образа жизни» (Париж, 1974) полагают, что прежняя трудовая мораль исчезает. Вместо нее появляется стремление к потребительской радости жизни, к наслаждению ума и чувств. Эти французские философы утверждают, что общий упадок религии диктует необходимость выработки новых, гедонистских жизненных идеалов. При этом, однако, они забывают, что происходящая деформация религиозной психологии людей вызвана прежде всего несправедливым отношением к человеку и тем, что реальная жизнь опровергает вероучительные догмы и идеалы.

Демагогические спекуляции на качестве жизни, в том числе и религиозные, объективно способствуют тому, чтобы недовольство трудящихся условиями современного сверхинтенсивного капиталистического производства отводилось в безопасное для истэблишмента русло. В качестве панацеи от всех бед рабочим навязываются религиозные рецепты самоусовершенствования, призванные облегчить их интеграцию в «индустриальном обществе».

Однако, как свидетельствует жизнь, широкие слои населения в буржуазных странах выдвигают совсем иные требования. Результаты опросов, проведенных, например, в США известным социологом Дж. Гэллапом с целью выявить главные очаги беспокойства, показывают, что американцев больше всего волнуют вопросы, связанные, во-первых, с ростом стоимости жизни и безработицы, во-вторых, с коррупцией политических деятелей и потерей доверия к правительству, в-третьих, с кризисными явлениями в сфере морали и ростом преступности, наркомании, взаимного отчуждения.

Когда же религиозные рецепты улучшения качества жизни в тех или иных мистических формах воплощаются на практике, чаще всего в виде попыток укрыться от язв капиталистического общества в утопических сектантских общинах, то бытие в этих новых и

[4] См.: A. J. Toynbee, Д. Ikeda. The Toynbee-Ikeda Dialogue. Tokyo, 1976

вроде бы контрбуржуазных моделях человеческого общежития оказывается на деле подвержено еще более отвратительным порокам, чем отвергнутое «общество потребления», и приводит людей не к счастью, а к трагедии, как это было, например, в конце прошлого года с американской сектой «Народный храм»[5]. Во множестве других новых сект, число которых только в США достигло трех тысяч (например, «Божьи дети», «Кришнаисты», «Трансцендентальная медитация», «Миссия божественного света» и др.), тоже претендующих на создание некоего совершенного образца «качества жизни», также распространены взаимная недоверчивость, подозрительность, ненависть, унижение человеческого достоинства.

Итак, в буржуазных концепциях «качества жизни» прослеживаются две тенденции. Одна из них, вульгарно-материалистическая, связывает качество жизни с ростом потребления в рамках традиционной буржуазной модели частной инициативы и предпринимательства, с достижением успеха, измеряемого в деньгах и, кстати, благословляемого традиционной протестантской этикой. Другая, критически-гедонистская, отрицает культ буржуазного «успеха» и призывает к слиянию с природой, к эстетическому «единению с коллективом» в духе «Иисус-революции» и хиппиобразного сектантства. На самом же деле обе эти крайности сходятся.

Разумеется, благие пожелания сторонников религиозного обновления жизни и повышения ее качества — всего лишь пустые мечтания, так как не опираются на реальные законы общественного развития. В обществе все взаимосвязано. Поэтому нельзя выделять факторы моральных оценок как некие самостоятельные или даже доминирующие регуляторы социального поведения. Абсолютизация этих факторов неизбежно ведет к утопии, мистике и маниловщине.

Убедительную критику всевозможных богоискательских и богостроительских концепций, преследующих вроде бы благую цель «гуманизировать» и «усовершенствовать» качество человеческой жизни, в свое время дал К. Маркс. «Упразднение религии, как **иллюзорного** счастья народа,— писал он,— есть требование его **действительного** счастья»[6].

Таким образом, религиозные упования и рецепты улучшения «качества жизни», будучи иллюзорными и отчужденными от материально-производственной реальности, обусловлены несоответствием экономического базиса данного общества человеческой сущности. Подлинное же улучшение качества жизни может быть достигнуто не субъективным «преображением сознания», а только объективным процессом революционного преобразования действительности, который приведет производственные отношения в соответствие с подлинной человеческой сущностью, покончит с отношением к человеку как к предмету потребления, как к вещи.

Пока что на Западе, как мы убедились, под заманчивым предлогом поисков нового качества жизни пытаются найти еще один социал- или клерикал-реформистский рецепт мнимого решения неразрешимых в условиях капиталистической системы проблем. При этом, однако, буржуазные идеологи не видят или не хотят видеть, что проблемы эти порождены не низким уровнем качества жизни, а продолжающимся углублением и расширением общего кризиса, переживаемого эксплуататорским обществом, кризисом, который в наше время, как отмечал XXV съезд КПСС, уже поражает не только базис, но и всю надстройку этого общества.

Сказанное, разумеется, вовсе не означает, что надо отказаться от поисков выхода из тупика, в какой завел капитализм загнивающее «общество потребления». Только реального разрешения этих острых проблем следует искать не в сфере мистических утопий, а на путях построения нового, коммунистического общества, где эти проблемы решаются в интересах свободного и гармонического развития каждой личности и ее истинного счастья.

г. Львов

[5] См. об этом статью Л. Борисоглебского «Из мира хаижества — в небытие». «Наука и религия», 1979, № 5.
[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 415.

ЧЕРНЫЕ СПИСКИ

Тысячи израильтян не могут создать семью, так как их имена фигурируют в «черных списках» раввината. Всю жизнь над ними, как дамоклов меч, тяготеет иудаистский «брачный запрет».

Кто же эти парии израильского общества? Вот только два из многочисленных примеров.

Одна разведенная стала жить с другим мужчиной, не оформив официально второй брак. И сразу же попала под «брачный запрет» Талмуда. Теперь ей не только нельзя выйти замуж, но даже вернуться к бывшему супругу. По талмудическому праву (а никакого иного семейно-брачного кодекса в Израиле нет), разведенная лишена возможности создать новую семью. Как только в раввинате и министерстве вероисповедания становится известно, что некая Икс развелась с Игреком и живет с Зетом, — все трое мгновенно попадают в черный список.

Второй пример: как только у подобной пары рождается внебрачный ребенок («мамзер»), он сразу же заносится в черный список. Незавидна его судьба — будь то девочка или мальчик. Раввины никогда не скрепят брак мамзера с «чистым» израильтянином или израильтянкой, чья мать не «согрешила». Это проклятие преследует внебрачных до десятого колена. Раввины умирают, а составленные ими черные списки живут. К счастью мамзеров, Талмуд по крайней мере не возбраняет этим несчастным сочетаться браком с себе подобными.

Прогрессивная общественность в Израиле давно уже била тревогу по поводу черных списков, но раввинат и министерство вероисповедания продолжали утверждать, будто таковых вообще не существует. Тогда противники клерикального засилья похитили и обнародовали целое досье с черными списками, подготовленными для раввината в Тель-Авиве с помощью ЭВМ. Разгорелся скандал, разоблачение стало предметом обсуждения в кнессете, и правительству пришлось назначить специальное расследование.

Оно выявило практику доносов, слежки и секретности, сопровождавшую составление черных списков. Никто из израильтян не мог быть уверен, что не фигурирует в таких списках: удостовериться в этом можно было лишь при оформлении брака в раввинате (гражданского брака в Израиле не существует). Тем не менее расследование пришло к выводу, что черные списки «вполне законны», поскольку, мол, согласно закону 1953 года, браки и разводы должны оформляться духовенством: раввинами для евреев, священниками — для христиан и кадиями — для мусульман...

Таким образом, многие израильтяне лишены основного права, существующего в любом цивилизованном обществе, — права создавать юридически признанную семью.

Новинки литературы

А. Белов. УЛЫБКА ДРАКОНА. Очерки о суевериях. М., «Молодая гвардия», 1979, 112 стр., 100 000 экз., 20 коп.

В жизни приходится сталкиваться с различными проявлениями суеверий: верой в судьбу, в «святые места» и т. п. Эта мода на всякого рода мистику бытует не только в среде молодых людей, не имеющих достаточной общеобразовательной подготовки, но и среди студенчества. Между тем формирование научно-материалистического мировоззрения, атеистической убежденности немыслимо без освобождения от предрассудков. Ничего сверхъестественного в мире нет — вот лейтмотив художественных очерков этой книги.

Ж. Бернанос. ПОД СОЛНЦЕМ САТАНЫ. — ДНЕВНИК СЕЛЬСКОГО СВЯЩЕННИКА. — НОВАЯ ИСТОРИЯ МУШЕТТЫ. Пер. с франц. М., «Художественная литература», 1978, 623 стр., 50 000 экз., 3 руб.

Жорж Бернанос (1888—1948 гг.) — один из крупнейших французских писателей, с которым русский читатель знаком по нескольким новеллам. В настоящий сборник включены три наиболее зрелых и сильных произведения Бернаноса. Писатель ставит проблемы, имеющие существенное значение для понимания духовной жизни человека. Бернанос отдает свои симпатии людям обездоленным. Страдающие, подчас отчаявшиеся, они находят в себе силы для любви, добра.

В. Н. Кузнецов. АКТУАЛЬНОСТЬ АТЕИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ФРАНЦУЗСКИХ МАТЕРИАЛИСТОВ. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», 4), 1979, 64 стр., 48 250 экз., 11 коп.

В брошюре освещается большой вклад французских материалистов XVIII века в развитие атеистической мысли, характеризуются основные аспекты критики ими религии и церкви. Особое внимание автор уделяет показу актуальности использования наследия французских материалистов для научно-атеистической пропаганды.

Иван Супек. ЕРЕТИК. М. «Прогресс», 1979, 316 стр., 50 000 экз., 2 руб. 20 коп.

Книга посвящена известному хорватскому ученому-просветителю XVI—XVII веков архиепископу Далмации Марку Антонию Доминису, вступившему в борьбу с католическим Римом во имя торжества разума и справедливости. Автор взволнованно повествует о научном подвиге человека, стойко защищавшего право своего народа на свободу и независимость. Марк Антоний Доминис принадлежит к плеяде замечательных европейских ученых, павших жертвой инквизиции и реакции.

И. Н. Яблоков. СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ. М., «Мысль», 1979, 182 стр., 22 000 экз., 65 коп.

В работе раскрываются основные идеи марксистской социологической теории религии, ее наиболее фундаментальные положения. Исследуется место религии в различных общественных системах, структура и функции религии, специфика религиозных организаций и т. д. Специальная глава посвящена анализу состояния религии в социалистическом обществе.

«БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ: ПРИРОДА, ФУНКЦИИ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ». В 4-х т. Т. 3. Тбилиси, «Мецниереба», 1979, 797 стр., 8 000 экз., 4 руб. 45 коп.

А. Я. Гуревич. «ЭДДА» И САГА. М., «Наука», 1979, 192 стр., 70 000 экз., 75 коп.

Р. А. Лопаткин и И. И. Фурсин. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ОБРЯДНОСТЬ И ЕЕ РОЛЬ В АТЕИСТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ НАСЕЛЕНИЯ. М., «Знание», 1979, 64 стр., 25 000 экз., 10 коп.

С. Львов. ГРАЖДАНИН ГОРОДА СОЛНЦА. Повесть о Томмазо Кампанелле. М., Политиздат (серия «Пламенные революционеры»), 1979, 437 стр. с илл., 300 000 экз., 1 руб. 50 коп. (главы из этой книги публиковались в «Науке и религии» № 1—4 за 1979 г.).

Т. С. Манашина. ФОЛЬКЛОР И ОБРЯДЫ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЛАТГАЛИИ. М., «Наука», 1979, 160 стр., 2 850 экз., 95 коп.

Л. А. Моджорян. СИОНИЗМ КАК ФОРМА РАСИЗМА И РАСОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ. М., «Международные отношения», 1979, 238 стр., 14 000 экз., 1 руб.

«НАУКА И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО, 1979». Международный ежегодник. М., «Знание», 1979, 399 стр. с илл., 100 000 экз., 4 руб. 90 коп.

А. Н. Немилов. НЕМЕЦКИЕ ГУМАНИСТЫ XV века. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1979, 167 стр., 2 900 экз., 85 коп.

Ю. Я. Перепелкин. КЭЙЕ И СЕМНЕХКЕРЭ. К исходу солнцепоклоннического переворота в Египте). М., «Наука», 1979, 310 стр., 5 000 экз., 2 руб. 20 коп.

М. Г. Рабинович. ОЧЕРКИ ЭТНОГРАФИИ РУССКОГО ФЕОДАЛЬНОГО ГОРОДА (горожане, их общественный и домашний быт). М., «Наука», 1978, 328 стр., 6 650 экз., 1 руб. 70 коп.

«ХРИСТИАНСТВО И ЛАМАИЗМ У КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ». II половина XIX — начало XX в. Л., «Наука», 1979, 227 стр., 2 150 экз., 1 руб. 90 коп.

И. П. Шаскольский. БОРЬБА РУСИ ПРОТИВ КРЕСТОНОСНОЙ АГРЕССИИ НА БЕРЕГАХ БАЛТИКИ В XII—XIII ВВ. Л., «Наука», 1978, 245 стр., 5 650 экз., 1 руб. 40 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

С. Буланцев. Беловодье, Тебу, Шамбала?.. «Вокруг света», 1979, № 3, стр. 44—47.

Я. Вольневич. Воскресенье в Нукуалофа. «Вокруг света», 1979, № 4, стр. 14—17.

«Вспомогательные исторические дисциплины». Л., «Наука», 1978. Из содержания: **Г. М. Прохоров.** Центральнорусское летописание II половины XIV в. (анализ Рогожского летописца и общие соображения), стр. 159—181; **Н. А. Казакова.** Летописные известия и предания о пребывании Ивана IV в Вологде, стр. 200—206; **А. П. Павлов.** Соборная утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол, стр. 206—225; **С. Н. Носов.** Два источника по истории раннего славянофильства (записки А. С. Хомякова «О старом и новом» и ответ И. В. Киреевского), стр. 252—268.

В. Йорданский. Тропическая Африка: место магии в архаичном сознании. «Азия и Африка сегодня», 1979, № 4, стр. 43—45.

А. В. Исаенко. Английский пуританизм XVI — начала XVII в. в освещении англо-американской буржуазной историографии. «Вопросы истории», 1979, № 3, стр. 184—192.

«Исторические записки», 5101. М., 1978. Из содержания: **Е. И. Дементьев.** Соборные приговоры как источник по истории монастырского хозяйства конца XVII в., стр. 343—356.

Л. Кузнецов. Африканский крестьянин между прошлым и будущим. «Азия и Африка сегодня», 1979, № 4, стр. 36—39.

С. Кулик. Излечение в Амбатубе. «Вокруг света», 1979, № 4, стр. 44—47.

В. Левин. Золотой человек кургана Иссык. «Вокруг света», 1979, № 4, стр. 41—43.

В. Ривош. Марди гра — веселый вторник. «Вокруг света», 1979, № 4, стр. 33.

Т. Б. Соловьева. О взаимоотношениях царской власти и патриаршества по земельному и финансовому вопросам во II половине XVII в. в России. «Вестник Московского ун-та. История», 1978, № 5, стр. 60—72.

Д. Угринович. Научно-техническая революция и религиозность в капиталистическом обществе. «Политическое самообразование», 1979, № 3, стр. 79—85.

И. И. Штерн. Трактовки экономики социализма в послевоенной клерикальной литературе. В кн.: «Буржуазные и мелкобуржуазные экономические теории социализма (после второй мировой войны). М., 1978, стр. 176—190.

«Экономика, политика и идеология стран Азии и Африки». М., 1978. Из содержания: **А. В. Малашенко.** Некоторые тенденции в религиозной идеологии современного Алжира, стр. 239 — 246; **А. В. Журавский.** Перспективы диалога коммунистов и христиан в развивающихся странах, стр. 194—204; **В. Л. Островская.** Религиозно-общинная проблема в колониальной Индии (XIX — начало XX в.) в освещении советских историков, стр. 247—260.

«Этнография народов Алтая и Западной Сибири». Новосибирск, 1978. Из содержания: **Л. П. Потапов.** К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманства, стр. 3—36; **Л. П. Потапов.** Древнетюркские черты почитания неба у саяно-алтайских народов, стр. 50—64; **И. Д. Хлопина.** Из мифологии и традиционных религиозных верований шорцев, стр. 70—89; **Л. Чанчибаева.** О современных пережитках у алтайцев, стр. 90—103; **З. П. Соколова.** О некоторых погребальных обычаях северных хантов и манси, стр. 169—175; **Н. А. Алексеев.** Общее в ранних формах религии якутов и тувинцев, стр. 199—215.

⊙ **Грешник спит сном праведника, если убежден в святости своих грехов.**

Оскар **КАПЛАН**

г. Житомир

⊙ **«Я птичка райская», — донеслось из клетки.**

Николай **ПОЛОТАЙ**

г. Ялта

⊙ **Если бог не показывается людям, значит ему нечего им сказать.**

⊙ **Воздевая руки к небу, не забывай, что ногами ты стоишь на земле.**

⊙ **Обретя крылья, мы больше не хотим быть ангелами.**

Владимир **ЛЕБЕДЕВ**

г. Горький

⊙ **Как искре божьей порой не хватает ветра!**

Константин **ЕЛИСЕЕВ**

Сдано в набор 17. 5. 79.
Подписано к печати 03. 07. 79.
А 08390.
Формат издания 60×90/8
Глубокая печать.
Условных печатных листов — 8.
Учетно-издательских листов — 11,56.
Тираж 440 000 экз.
Зак. 02543.
Адрес редакции: 109004. Москва, Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны: 297-02-51, 297-10-89.
Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна»
г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

Фото А. Желякова.

На наших иллюстрациях: внешний вид и план одного из древнейших белокаменных храмов Москвы — Успенского собора, представляющего огромную художественную и историческую ценность. Цифрами с первой по десятую обозначены гробницы митрополитов: 1 — Петра, 2 — Феогноста, 3 — Киприана, 4 — Фотия, 5 — Ионы, 6 — Геронтия, 7 — Симона, 8 — Макария, 9 — Афанасия, 10 — Филиппа II. Цифры с одиннадцатой по девятнадцатую обозначают гробницы патриархов: 11 — Иова, 12 — Гермогена, 13 — Филарета, 14 — Иоасафа I, 15 — Иосифа, 16 — Иоасафа II, 17 — Питирима, 18 — Иоакима, 19 — Адриана. Цифрами с 20-й по 25 обозначены историко-художественные памятники: 20 — шатер, 21 — царское место, 22 — патриаршее место, 23 — мономахов трон, 24 — престол, 25 — иконостас. Буквами обозначены части собора: А — Западный портал и крыльцо, Б — Северный портал, В — Южный портал, Г, Д — придел Петра и Павла, Е — горнее место, Ж — главный алтарь, З — ризница, И — придел Димитрия Солунского, К — лестница в придел Похвалы богородицы.

Цена 30 коп.
70602

В следующем номере

КАКИМ БЫТЬ ЖУРНАЛУ

Обзор читательских откликов, писем, ответов на вопросы нашей анкеты

ПО КОМАНДИРОВКАМ РЕДАКЦИИ

О поездках по заданию редакции рассказывает наш старейший корреспондент Александр ШАМАРО

БРАКИ СОВЕРШАЮТСЯ НА ЗЕМЛЕ

Чем отличается гражданский брак от церковного? Как сделать семью более прочной? Над этим размышляет философ Юрий РЮРИКОВ

СПОР О ВЕРЕ

Писатель Григорий МЕДЫНСКИЙ полемизирует с авторами писем-откликов на его «Воспоминания», опубликованные в журнале

РЕЦИДИВ НЕПРОТИВЛЕНЧЕСТВА

О том, как «понимают» священный долг защиты Родины некоторые экстремисты от религии, рассказывает алма-атинский журналист Алексей СУДАЦКОВ

НАУКА СЕГОДНЯ

Наши корреспонденты беседуют с академиками А. ОПАРИНЫМ, Н. ЦИЦИНЫМ, А. ОКЛАДНИКОВЫМ

В ТУПИКАХ ДЕЗИНФОРМАЦИИ

Кандидат философских наук Марсел ГОЛЬДЕНБЕРГ показывает, как меняется трактовка публикаций нашего журнала в зарубежной клерикальной печати